

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2022. Т. 44, № 2

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзёти (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2022. Vol. 44, No 2

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN

Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHENKO

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

Doctor of History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Нилов В. М.</i>
АРХЕОЛОГИЯ		
<i>Жульников А. М.</i>		Роль печати Карелии в формировании идеологического дискурса в период Великой Отечественной войны 71
Писаница Тулгуба	8	<i>Репухова О. Ю.</i>
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		
<i>Гриценко С. А.</i>		Формирование макроуровня Западной пограничной полосы РСФСР / СССР в контексте мобилизационной подготовки 80
«Дело Финляндии – наше дело»: Финляндия в общественном мнении Швеции в годы Первой мировой войны	14	<i>Бочкарев А. С.</i>
<i>Никитин Д. С.</i>		Дезертирство и дуализм социально-ролевых функций младшего командного состава олонецких полков «нового строя» 90
Возникновение Индийского национального конгресса и англо-индийское сообщество в 1880-е годы	19	<i>Каюмова М. Р.</i>
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		
<i>Смирнова Н. В.</i>		Великая Отечественная война в экспозициях Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР (Карело-Финской ССР) 98
Наньсю Цянь о деятельности женщин-реформаторов в Китае в конце XIX века	24	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		
<i>Зверев В. О.</i>		ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ
Немецкий шпионаж и борьба с ним в Великом княжестве Финляндском (по документам военной контрразведки)	31	<i>Кыржинаков А. А.</i>
<i>Калинина Е. А., Киэлевяйнен Л. М.</i>		Типология тамг – знаков собственности хакасов 105
Становление и развитие физической культуры и спорта в Карелии	39	
<i>Воронцова И. В.</i>		Рецензии
Общественность России о церкви и государстве в первые месяцы после Февральской революции	47	<i>Алексеев Т. В., Лосик А. В.</i>
<i>Зеленская Ю. Н.</i>		Рец. на кн.: Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского: история научно-исследовательской и конструкторской деятельности 111
Модернизация железнодорожной инфраструктуры Кировской магистрали в годы Великой Отечественной войны	56	
<i>Иванов В. А.</i>		Юбилей
«Тайная война в крымской столице»: деятельность подпольно-патриотической организации П. В. Смирнова в оккупированном Симферополе	62	К 50-летию со дня рождения И. В. Савицкого К 70-летию со дня рождения И. А. Дороховой К 60-летию со дня рождения А. М. Жульникова 114
Память		
<i>Антощенко А. В.</i>		Памяти А. А. Кожанова 115
Научная информация		
<i>Малышко А. А.</i>		Всероссийская научно-практическая конференция «Междисциплинарные подходы в гуманитарных исследованиях» 116
		Научная информация 117
Contents 118		

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 28.02.2022. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 18

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Доктор исторических наук,
профессор ПетрГУ
С. Г. Веригин

Sergei G. Verigin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

В новом номере представлены все основные рубрики: археология, всеобщая история, отечественная история, историография, источниковедение и методы исторического исследования, этнография, этнология и антропология, рецензии, юбилеи и память.

В сентябре 2021 года в Петрозаводске состоялась V Межрегиональная научно-практическая конференция «Петрозаводск – город воинской славы: героические страницы прошлого Европейского Севера России». Доклады, вызвавшие наибольший научный и общественный интерес, представлены в журнале. О. Ю. Репухова на основе широкого комплекса опубликованных и неопубликованных документов провела анализ формирования структуры Западной пограничной полосы РСФСР / СССР (1918–1920) в сухопутных территориальных границах от Баренцева до Черного моря. Ю. Н. Зеленская раскрыла стратегическую роль Кировской железной дороги в осуществлении бесперебойного снабжения частей и соединений Карельского фронта, а также в поступлении грузов по ленд-лизу от союзников в военный период. М. Р. Каюмова на примере постоянных экспозиций Государственного музея Карельской АССР конца 1940-х – начала 1980-х годов рассмотрела особенности музейной презентации истории Великой Отечественной войны.

Обращаю внимание на статьи по истории взаимоотношений России и стран Северной Европы в период Первой мировой войны. С. А. Гриценко исследует вопрос о том, почему милитаристам в Швеции в 1914–1917 годах не удалось вынудить монархическое правительство страны вступить в военный союз с Германией и открыть против России новый фронт в Финляндии. В статье В. О. Зверева на основе анализа документов военной контрразведки рассмотрена организация немецкого шпионажа в Великом княжестве Финляндском в 1915–1916 годах и противодействие ему со стороны органов российской контрразведки.

В рубрике «Археология» публикуется статья известного карельского археолога А. М. Жульникова об уникальном археологическом открытии – обнаружении недалеко от западного берега Онежского озера изображения, выполненного охрой, – писаницы Тулгуба.

Хочу отметить, что все статьи написаны на широкой документальной базе и, несомненно, вносят определенный вклад в изучение истории. Надеюсь, что тематическое разнообразие данного номера журнала будет интересно не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

rockart@yandex.ru

ПИСАНИЦА ТУЛГУБА

Аннотация. В статье публикуется выполненное охрой древнее изображение – писаница Тулгуба, обнаруженная экспедицией Петрозаводского государственного университета неподалеку от западного берега Онежского озера, у основания скального уступа. Это первая писаница, обнаруженная на территории Карелии. Ранее писаницы на территории европейской части России были известны только в двух пунктах – на севере Кольского полуострова и в верховьях реки Вишера (Западное Приуралье). Основное внимание при изучении писаницы Тулгуба было уделено определению ее хронологии, выявлению стилистических параллелей, возможной семантике. Сопоставление высотных данных писаницы Тулгуба и находящихся в низовье реки Суна древних стоянок показало, что в V–IV тысячелетиях до н. э. берег Онежского озера располагался непосредственно у древнего рисунка. Расположение наскальных изображений неподалеку от уреза воды характерно для писаниц, выявленных на территории Финляндии. Эти данные позволили отнести обнаруженную нами писаницу к неолиту – началу энеолита. Рядом с писаницей Тулгуба выявлено месторождение зеленоватого сланца, который мог использоваться древними людьми для изготовления рубящих орудий. Поиск аналогий писанице Тулгуба среди выполненных охрой рисунков и петроглифов Северной Европы дал основание полагать, что мы имеем дело со схематичным изображением лодки, у которой экипаж изображен короткими вертикальными линиями.

Ключевые слова: писаница, рисунок охрой, петроглифы, изображение лодки, неолит, Онежское озеро

Для цитирования: Жульников А. М. Писаница Тулгуба // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.726

ВВЕДЕНИЕ

Первобытное наскальное искусство является важнейшим источником для реконструкции мировоззрения, мифологических представлений древних охотников и рыболовов, для получения сведений об их материальной культуре, способах охоты, социокультурном взаимодействии. На территории Северной Европы наиболее многочисленны петроглифы – выбитые на пологих скалах изображения, и писаницы – древние рисунки, созданные красной минеральной краской охрой, расположенные под защитой скальных навесов или, изредка, в пещерах-гротах [8]. На северо-западе России располагается четыре крупных скопления древних гравировок, два из которых находятся на территории Карелии – Онежские и Беломорские петроглифы. Писаницы в пределах европейской части России были зафиксированы ранее только в двух пунктах – на севере Кольского полуострова (две группы) и в верховьях реки Вишера (Западное Приуралье) (два скопления) [1], [7]. На территории Финлян-

дии петроглифы не обнаружены, однако здесь к настоящему времени выявлено более 100 пунктов, где зафиксированы писаницы, в которых исследователями зарегистрировано 486 фигур [11]. В основном это изображения антропоморфов, лосей и лодок. Встречаются также геометрические фигуры, изображения рыб, водоплавающих птиц и пушных зверей. Во многих случаях фигуры на финских писаницах неразличимы и в настоящее время представляют собой лишь охристые пятна с размытыми очертаниями. Основной особенностью большинства финских писаниц является их расположение на скалах, уходящих в воду (в древности или в настоящее время). Создание рисунков в подобных ландшафтных условиях было возможно только с лодки или со льда. Обычно одна локальная группа писаниц на территории Финляндии состоит из 1–5 фигур, и только на двух скоплениях древних рисунков зафиксировано более 50 изображений – Саракаллио и Астувансалми (рис. 1) [11: Appendix 2]. В результате тектонического поднятия бе-

рега водоемов рядом с некоторыми финскими писаницами с течением времени образовались площадки, которые были заселены древними людьми в неолите (IV тыс. до н. э.) и эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) [11]. Анализ археологического контекста мест расположения древних рисунков, иконографические аналогии, изучение хронологических изменений в уровне водоемов, на берегах которых обнаружены финские писаницы, позволили датировать большую их часть в рамках V–III тыс. до н. э. [11: 33–44].

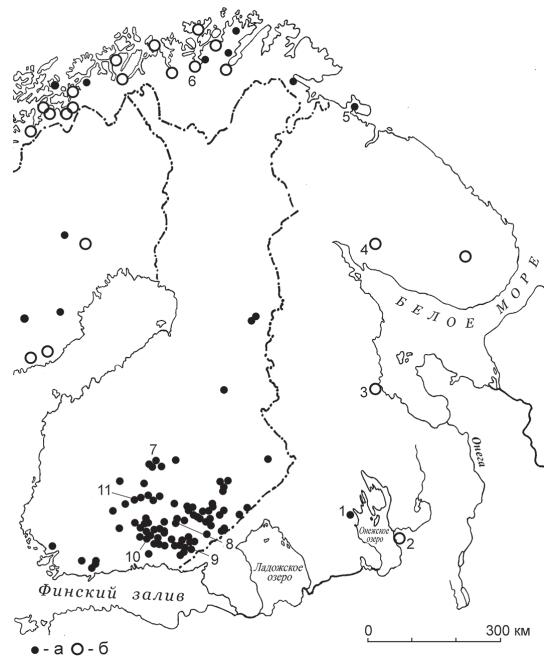

Рис. 1. Карта распространения петроглифов и писаниц в восточной части Балтийского щита. а – писаница (рисунок красной охры), б – петроглиф. 1–11 – упоминаемые в тексте статьи памятники (1 – Тулгуба, 2 – Онежские петроглифы, 3 – Беломорские петроглифы, 4 – петроглифы Канозеро, 5 – писаницы полуострова Рыбачий, 6 – петроглифы Альты, 7 – Сараакаллио, 8 – Астувансалми, 9 – Валкейсаари, Веняинниеми, Канноналус, Муураисвуорет, Мюллюоя, 10 – Паталахти, 11 – Пюхянпяя)

Figure 1. Hunter-gatherer rock-art sites in the eastern part of Baltic Shield. а – rock painting with red ochre painting, б – rock carvings. 1–11 – Archaeological sites mentioned in the text (1 – Tulguba, 2 – Petroglyphs of Lake Onega, 3 – Petroglyphs of White Sea, 4 – Kanozero Petroglyphs, 5 – Rock paintings of Rybachi Peninsula, 6 – Rock carvings at Alta, 7 – Saraakallio, 8 – Astuvansalmi, 9 – Valkeasaari, Venajanniemi, Kannonalus, Muuraisvuoret, Myllyoja, 10 – Patalahti, 11 – Pyhänpää)

Начиная с конца XX века в дискуссиях на научных конференциях, посвященных первобытной археологии севера Европы, в которых принимал участие и автор настоящей статьи, неоднократно обсуждался вопрос о возможности обнаружения писаниц на территории Карелии и севере Ленинградской области (Карельский перешеек). Первые целенаправленные поиски писаниц на территории Карелии в 2010 году предпринял сотрудник Национального музея Республики Карелия М. М. Шахнович. В публикации исследователя содержится информация об обнаружении на берегах озера Пизанец, расположенного в центральной части Карелии, охристого пятна, которое, возможно, является древним рисунком [6], с оговоркой, что об открытии первой писаницы на территории Карелии говорить пока преждевременно [6: 67]. Красное пятно, обнаруженное М. М. Шахновичем на озере Пизанец, расположено на высоте 30 метров над уровнем водоема, на значительном удалении от его берега, на блоке скалы с вертикальным уклоном. Данное пятно, как и подобные охристые образования на скалах района озера Пизанец, осматривалось в 2009 году автором настоящей статьи во время экскурсионной поездки, организованной для учащихся археологического клуба петрозаводского Дворца творчества детей и юношества.

Следует заметить, что при публикации охристого пятна, расположенного на озере Пизанец, М. М. Шахнович оставил без внимания тот факт, что вокруг предполагаемой им писаницы имеется множество иных красноватых пятен из железистых окислов, которые располагаются в нижней части скальных козырьков или уходят в расщелины между скальными блоками (рис. 2)¹, то есть имеют явно естественный характер. Предполагаемая писаница на озере Пизанец, в отличие от иных охристых рисунков, обнаруженных на территории Северной Европы, не имеет естественной защиты от осадков, например в виде скального козырька (см. рис. 2). В отличие от финских рисунков она располагается на явном удалении от берега водоема. Не имеет аналогий с древними финскими рисунками и размещение охристого пятна на озере Пизанец на столь значительной высоте над уровнем водоема. Существенные изменения береговой линии в этом районе маловероятны, так как непосредственно на берегу озера известно поселение каменного века с многочисленным кварцевым инвентарем [11: 65]. Тем не менее публикация М. М. Шахновичем данных о результатах рекогносировочного поиска древних рисунков, обсуждение методики их поиска и определение мест наиболее вероятного размещения (на берегах Ладожского и Онежского озер, водоемов в западной части Карелии) представляется вполне оправданной, так как побуждает исследователей к регулярному поиску писаниц на территории Карелии, например, при археологическом изучении земельных участков, предназначенных для хозяйственного освоения. В этой связи особый интерес вызывает обнаружение в 2019 году экспедицией Петрозаводского государственного университета одиночного древнего изображения,

выполненного охрой, неподалеку от западного побережья Онежского озера, в районе д. Тулгуба Кондопожского района Республики Карелия (рис. 1, 3). Хронология писаницы Тулгуба, представленная в данной статье, опирается на результаты изучения высотного размещения близлежащих древних поселений (низовье реки Суна), что позволило реконструировать изменения береговой линии этой части побережья Онежского озера. Изучение стилистических особенностей писаницы Тулгуба выявило ряд аналогий в наскальном творчестве древнего населения Северной Европы.

Рис. 2. Естественные охристые пятна на скалах в окрестностях озера Пизанец в центральной части Карелии (фото члена Эстонского общества доисторического искусства Л. Йыекалда)

Figure 2. Ochre stains of natural origin from the Lake Pizanets surrounding area in the central part of Karelia (Photo by Loit Jõekalda, member of the Estonian Prehistoric Art Society)

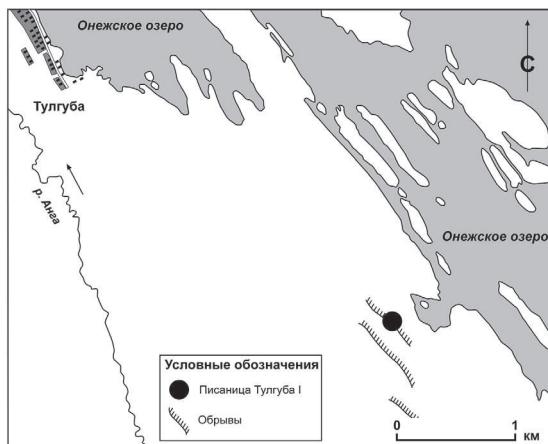

Рис. 3. Схема расположения писаницы Тулгуба
Figure 3. Survey map Tulguba rock painting site

ОПИСАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ

В ходе исследования писаницы Тулгуба был выполнен инструментальный план данного объекта с использованием геодезического оборудования с привязкой к современному берегу водоема (рис. 4). Писаница расположена в 210 м западнее современного берега Онежского озера (см. рис. 3, 4). Древний рисунок находится у основания вы-

сокого обрывистого склона, на нижнем участке скалы с отрицательным уклоном, защищающим изображение от дождя. Перед писаницей располагается узкая, относительно ровная площадка, восточнее которой начинается крутой склон, переходящий в заболоченную низину (см. рис. 4). Писаница имеет высоту около 11 м над современным уровнем Онежского озера (44,5 м над уровнем моря в балтийской системе высот). Участок скалы, на котором расположен рисунок, почти не имеет лишайников и выделяется белесым пятном на окружающем фоне (рис. 5). Древний рисунок, выполненный красной охрой, представляет собой продолговатую линию, изогнутую вверх с южного края. В верхней части этой линии прослеживаются три коротких вертикальных выступа-столбика. Длина писаницы составляет 19,5 см, ширина – около 5 см (см. рис. 5). На писанице имеются небольшие участки, где охристый слой не сохранился, поэтому край рисунка не всегда четко читается. При осмотре скального уступа с писаницей, имеющей протяженность около 300 м, иные охристые пятна, в том числе на уступах с козырьками, не были обнаружены.

В ходе разведочных работ, проведенных в районе обнаружения писаницы, выяснилось, что рядом с ней располагаются залежи зеленоватого сланца – важнейшего материала для изготовления каменных рубящих орудий. Плиты из сланца располагаются на отметках 9–10 м над уровнем Онежского озера, в 10 м севернее от тулгубской писаницы, также у основания высокого скального уступа (рис. 6). Залежи зеленоватого сланца наблюдаются на протяжении 10–15 м вдоль основания скального уступа. Такая порода камня лишь изредка встречается на территории

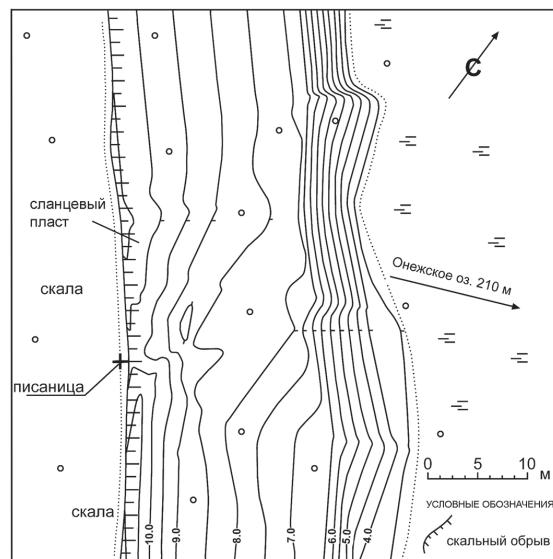

Рис. 4. План писаницы Тулгуба
Figure 4. Plan of Tulguba rock painting site

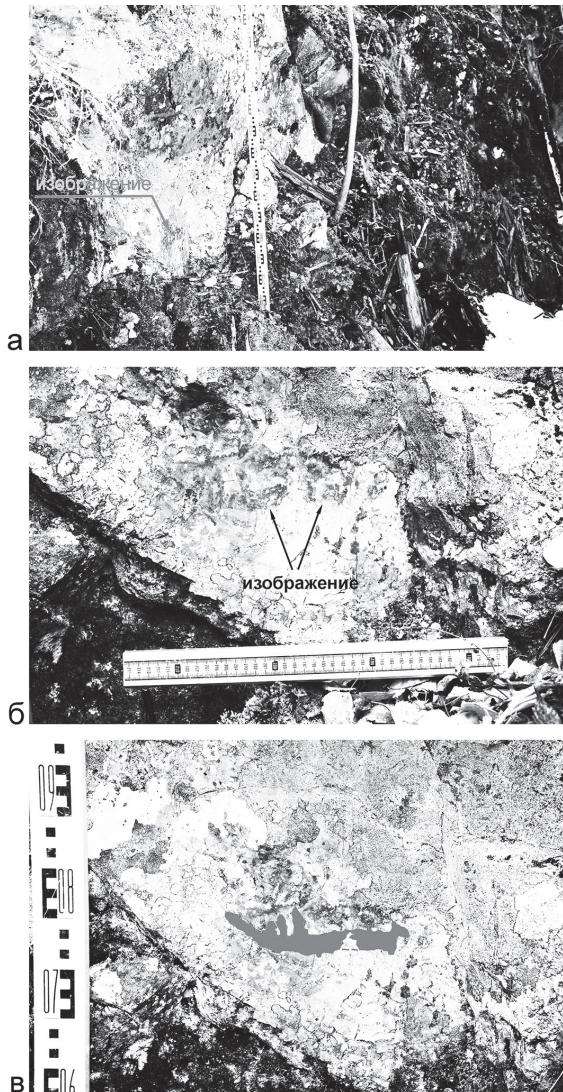

Рис. 5. Писаница Тулгуба: а – общий вид с юга на скалу с писаницей, б – вид на писаницу, в – графическая прорисовка писаницы

Figure 5. Tulguba rock painting site: a – General view on the rock cliff with painting seen from the South, б – photo of rock painting, в – rock painting drawn by the author of the paper

Карелии, в основном на северо-западном побережье Онежского озера. Из аналогичного по цвету зеленоватого сланца, как мне представляется, изготовлены рубящие орудия, найденные в ходе археологических раскопок древних стоянок в низовье реки Суна, неподалеку от д. Тулгуба. Не исключено, что в районе расположения писаницы находился рудник, где древние люди заготовляли сырье для изготовления рубящих орудий. Топоры, тесла, долота из онежского сланца и метатуфа встречаются далеко за пределами региона, в том числе на территории Финляндии, Эстонии, Латвии, на Верхней Волге, что говорит о том, что они служили продуктом обмена и первобытного «экспорта» с берегов Онежского озера [12].

Рис. 6. Плиты из зеленоватого сланца, обнаруженные рядом с писаницей Тулгуба
Figure 6. Plates of greenish slate found nearby Tulguba rock painting

Подножие крутого склона, который расположен восточнее писаницы (см. рис. 4), имеет отметку около 4 м над уровнем Онежского озера. На такой высоте в этом районе, по данным автора настоящей статьи, размещаются позднеэнеолитические стоянки с асбестовой керамикой типа Палайгуба, датируемой по калиброванным радиоуглеродным датам второй половиной III тыс. до н. э. Исходя из этих данных, формирование обширной заболоченной низины у подножия склона с писаницей, обусловленное отступанием берега Онежского озера из-за последникового поднятия Балтийского щита, следует отнести к первой половине III тыс. до н. э. А в неолите и на раннем этапе энеолита, в V–IV тыс. до н. э., береговая линия Онежского озера проходила вплотную у подножия скалы, на которой находятся древний рисунок и залежи зеленоватого сланца. Расположение наскальных изображений неподалеку от уреза воды, как уже было отмечено, характерно для писаниц, выявленных на территории Финляндии [10], [11]. Эти данные позволяют отнести обнаруженную нами писаницу к неолиту – началу энеолита.

По своему облику писаница Тулгуба (горизонтальная узкая полоса с загнутым южным краем, от которой вверх отходят короткие вертикальные столбики) напоминает изображения лодок линейного типа, известных на петроглифах Онежского озера, в том числе на территории Финляндии [10], [11]. А. Я. Брюсов, объясняя наличие на Карельских петроглифах лодок в линейном и силуэтном стилях, предположил, что у древних судов с широким корпусом, изображенных на Беломорских петроглифах, был реальный прототип в виде типичного морского баркаса². Первобытные изображения лодок в линейном стиле, на которых экипаж показан короткими столбиками,

обычны для скоплений древних изображений, обнаруженных на территории Сибири и северо-востоке Азии [5]. На тулгубской лодке, в отличие от многих подобных линейных фигур на петроглифах Карелии, Альты и Кольского полуострова, не показан форштевень в виде головы лося (рис. 7: 16, 17, 20) [2], [3], [9], не наблюдается здесь и выступающий вперед киль, обычный для лодок на Канозерских и Беломорских петроглифах [3]. Изображения лодок, подобные тулгубской писанице, часто встречаются в скоплениях древних рисунков на территории Финляндии (рис. 7: 3, 4, 7–11) и в единичных случаях представлены на петроглифах Канозера, Онежского озера (рис. 7: 18, 21)³, Белого моря (низовье реки Выг).

Представляется, что нахождение на скальном обрыве, неподалеку от берега Онежского озера одиночного древнего наскального изображения лодки рядом с естественными залежами сланца не случайно: это своего рода «метка», знак, маркирующий особо важную территорию. Как известно, образ лодки в архаичной культуре много-значен. Он одновременно связан с понятиями «община», «благополучие рода» и в то же время с представлениями об ином мире. Использование подобных символов в ритуале обеспечивало связь первобытного коллектива с миром предков [2: 105–112]. Возможно, в данном случае выполненный охрой знак на скале, символически связанный с представлением о первобытном коллективе, мог выполнять функцию, аналогичную известному в культуре финно-угорских народов дереву карсикко около рыболовной тони, которое одновременно служит и символом защиты и покровительства предков, и знаком принадлежности промыслового источника определенному роду [4].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По высотным данным и имеющимся аналогиям тулгубская писаница относится к эпохе неолита – началу энеолита, датируется V–IV тыс. до н. э., но, поскольку залежи сланца могли разрабатываться в этом районе древними людьми и после отступания от них берега озера, не исключен несколько более поздний возраст обна-

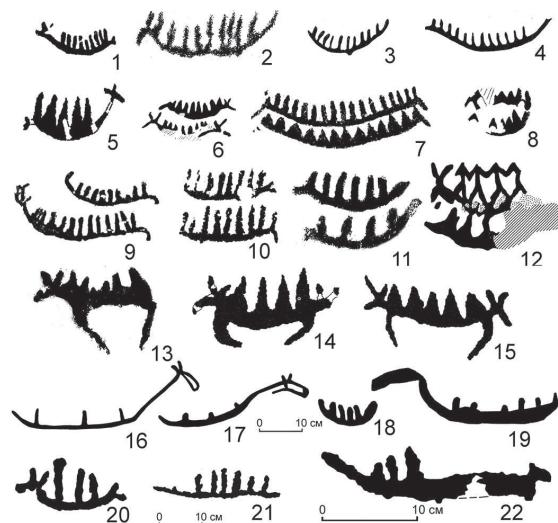

Рис. 7. Линейные изображения лодок с изогнутым корпусом или с плавно изогнутым форштевнем на писаницах и петроглифах Северной Европы. 1–15 – писаницы Финляндии (без масштаба) (1 – Веняинниеми, 2 – Муураисвуорет, 3–4 – Астувансалми, 5 – Паталахти, 6–8, 13–15 – Сараакаллио, 9 – Пюхянпää, 10 – Мюллюоя, 11 – Канноналус, 12 – Валкеасаари), 16–17 – петроглифы Альты, 18–19 – петроглифы Канозера (группа Каменный-7), 20–21 – петроглифы Онежского озера (20 – Пери Нос III, 21 – Бесов Нос), 22 – писаница Тулгуба

Figure 7. Linear depictions of boats with curved bottom from rock-art sites in northern Europe. 1–15 – Rock paintings from Finland (without scale) (1 – Venajanniemi, 2 – Muuraisvuoret, 3–4 – Astuvansalmi, 5 – Patalahti, 6–8, 13–15 – Saraakallio, 9 – Pyhänpää, 10 – Myllyoja, 11 – Kannonalus, 12 – Valkeasaari), 16–17 – Rock carvings at Alta, 18–19 – Kanozero Petroglyphs, (group Kamenny-7), 20–21 – Petroglyphs of lake Onega (20 – Peri Nos III, 21 – Besov Nos), 22 – Tulguba rock painting

руженного экспедицией университета древнего изображения – III тыс. до н. э. (финал энеолита). В дальнейшем для подтверждения предположения о расположении рядом с писаницей рудника по добыче сланца необходимо проведение геохимического анализа образцов сланца из окрестностей Тулгубы и сланцевых изделий с нео-энэолитических стоянок, находящихся поблизости от места обнаружения писаницы в низовье реки Суна.

Найдение первой в Карелии писаницы дает надежду на обнаружение новых подобных памятников первобытного искусства на территории региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фотографии охристых пятен на скалах в районе озера Пизанец предоставлены автору данной статьи членом Эстонского общества доисторического искусства Лойтом Йыекалда.

² Брюсов А. Я. Карельские петроглифы // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 174.

³ Равдоникас В. И. Наскальные изображения Онежского озера и Белого моря. Ч. 1. Наскальные изображения Онежского озера. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. Табл. 11: 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Генинг В. Ф. Наскальные изображения Писаного Камня на р. Вишере // Советская археология. 1954. № 21. С. 259–280.
- Жульников А. М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 224 с.

3. Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Лодки в петроглифах Канозера и Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012, № 1 (49). С. 76–81.
4. Конкка А. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 286 с.
5. Кулакова А. С. Изображения лодок Северной Евразии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2, № 2 (58). С. 58–69.
6. Шахнович М. М. Опыт поиска писаниц в Западной Карелии // От Балтики до Урала: изыскания по археологии каменного века. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2014. С. 64–68.
7. Шумкин В. Я. Новые наскальные изображения Северной Финноскандии и старые проблемы их изучения // Краткие сообщения Института археологии. 1990. № 200. С. 39–43.
8. Gjerd e J. M. Rock art and landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. Tromsø: University of Tromsø, 2010. 550 p.
9. Helsgaard K. Communicating with the world of beings: The World Heritage rock art sites in Alta, Arctic Norway. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2014. 240 p.
10. Kivikas P. Kallio, Maisema ja Kalliomaalaus. Rocks, landscapes and rock paintings. Jyväskylä: Minerva Kustannus Oy, 2005. 175 p.
11. Lahelma A. A touch of red: Archaeological and ethnographic approaches to interpreting Finnish rock paintings. Iskos 15. Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008. 279 p.
12. Tarasov A. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia // Estonian Journal of Archaeology. 2015. No 19 (2). P. 1–27.

Поступила в редакцию 17.01.2022; принята к публикации 31.01.2022

Original article

Alexander M. Zhulnikov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
rockart@yandex.ru

TULGUBA ROCK PAINTING

A b s t r a c t. This article presents an overview of a prehistoric Tulguba rock painting discovered by the archaeological expedition of Petrozavodsk State University on the west side of Lake Onega. This is the first rock painting discovered in the Republic of Karelia. Previously known rock paintings of the European part of Russia are located in the northern part of the Kola Peninsula and in the upper reaches of the Vishera River (the Western Urals). The paper focuses on establishing the chronology and identifying the stylistic parallels and possible semantics of the studied rock painting. Comparing the altitude data for the Tulguba rock painting and the prehistoric sites in the lower reaches of the Suna River showed that in 5000–4000 BC the shore of Lake Onega was located directly beside the ancient painting. Location of the rock painting on steep cliff faces looking at the bodies of water is typical for Finnish Neolithic pictographs. Thus, the Tulguba rock painting could be associated with the Neolithic period. The deposit of greenish slate suitable for making stone axes and adzes was found near the painting. Comparison of the Tulguba rock painting with the known similar ochre painting and petroglyphs from Northern Europe suggests that this painting schematically depicts a boat as a curved bottom with so-called “crew lines”.

Key words: rock painting, ochre painting, petroglyphs, boat depiction, Neolithic, Lake Onega

For citation: Zhulnikov, A. M. Tulguba rock painting. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022; 44(2):8–13. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.726

REFERENCES

1. Генинг, В. Ф. Rock paintings on the Pisanniy Stone on the Vishera River. *Soviet Archaeology*. 1954;21:259–280. (In Russ.)
2. Zhulnikov, A. M. Petroglyphs of Karelia. Image of the world and the worlds of images. Petrozavodsk, 2006. 224 p. (In Russ.)
3. Kolpakov, E. M., Shumkin, V. Ya. Boats in the rock art of Kanozero and Northern Eurasia. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*. 2012;1(49):76–81. (In Russ.)
4. Конкка, А. Карсикко: “деревья-знаки” в ритуальных практиках и верованиях финно-угорских народов. Петрозаводск, 2013. 206 p. (In Russ.)
5. Кулакова, А. С. Изображения лодок в наскальной живописи Северной Евразии. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2014;2(58-2):58–69. (In Russ.)
6. Шахнович, М. М. Searching for rock paintings in western Karelia. *From the Baltic to the Urals: essays on the Stone Age archaeology*. Syktyvkar, 2014. P. 64–68. (In Russ.)
7. Шумкин, В. Я. New rock paintings of Northern Fennoscandia and old problems of their studies. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 1990;200:39–43. (In Russ.)
8. Gjerd e, J. M. Rock art and landscape. Studies of Stone Age rock art from northern Fennoscandia. Tromsø, 2010. 550 p.
9. Helsgaard, K. Communicating with the world of beings: The World Heritage rock art sites in Alta, Arctic Norway. Oxford & Philadelphia, 2014. 240 p.
10. Kivikas, P. Kallio, Maisema ja Kalliomaalaus. Rocks, landscapes and rock paintings. Jyväskylä, 2005. 175 p.
11. Lahelma, A. A Touch of red: Archaeological and ethnographic approaches to interpreting Finnish rock paintings. Iskos 15. Helsinki, 2008. 279 p.
12. Tarasov, A. Spatial separation between manufacturing and consumption of stone axes as an evidence of craft specialization in prehistoric Russian Karelia. *Estonian Journal of Archaeology*. 2015;19(2):1–27.

Received: 17 January, 2022; accepted: 31 January, 2022

СВЯТОСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИЦЕНКО

кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Института радиотехнических и телекоммуникационных систем

МИРЭА – Российский технологический университет
(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1204-0125; svjatoslav11@bk.ru

«ДЕЛО ФИНЛЯНДИИ – НАШЕ ДЕЛО»: ФИНЛЯНДИЯ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ШВЕЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена активным общественным дискуссиям о политическом положении и перспективах Финляндии, развернувшимся в Швеции в начале Первой мировой войны и во многом заложившим основы современной шведской внешней политики в Балто-скандинавском регионе. Главной целью работы стало выяснение места и значения «финляндского вопроса» в шведских общественно-политических дискуссиях в годы войны. На основе изучения историко-сравнительным, историко-типологическим и рядом других специальных методов материалов шведской публицистики и прессы, а также ряда дипломатических документов делается вывод о том, что идею о вооруженном вторжении в Великое княжество Финляндское милитаристы увязывали со вступлением Швеции в Первую мировую войну на стороне Германии. Эти идеи легли в основу «прогерманализма» (прогерманского «активизма»), охватившего часть шведского офицерства, интеллигенции и политического истеблишмента в те годы. Тем не менее влияние «активистов» на общественное мнение в стране оказалось не таким значительным, чтобы вынудить монархическое правительство вступить в военный союз в Германии и открыть против России фронт в Финляндии. В результате к концу 1916 года министр иностранных дел Кнут Валленберг окончательно отказался от этой идеи, а большинство шведских публицистов прекратило милитаристскую пропаганду.

Ключевые слова: Первая мировая война, внешняя политика Швеции, шведский «прогерманализм», Рудольф Челлен, Финляндия

Для цитирования: Гриценко С. А. «Дело Финляндии – наше дело»: Финляндия в общественном мнении Швеции в годы Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 14–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.732

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время Финляндия является одной из стран Северной Европы, полноправным членом межнациональных отношений в данном регионе и преуспевающим в разных отношениях государством. Однако исторически финские земли вплоть до XIX века были неразрывно связаны со Шведским королевством и считались исконным шведским владением. Отрыв Финляндии от Швеции в результате русско-шведской войны в 1808 году по этой причине оказался значительным ударом по шведской национальной гордости и в течение следующего столетия периодически порождал «phantom боли» и реваншистские настроения.

Эту горькую пилюлю в известной степени, конечно, подсластила слабая личная уния Швеции с Норвегией, образовавшаяся в 1814 году. После ее распада в 1905 году в условиях приближавшей-

ся Первой мировой войны группа общественных деятелей – политиков, ученых, военных, которых в современной научной литературе называют прогерманскими «активистами» [2], [6: 104–105 и др.] или просто прогерманистами¹, неоднократно предпринимала попытки сподвигнуть шведское общественное мнение к поддержке милитаризации страны, военного союза с Германией с перспективой войны против России с целью возвращения Великого княжества Финляндского если не в состав Швеции, то по крайней мере в орбиту шведского влияния.

В этой связи ключевой задачей данного исследования представляется изучение приемов, методов, а также целей и результатов использования «финляндского вопроса» шведскими публицистами, журналистами и политиками в прогерманской, милитаристской пропаганде первых лет Первой мировой войны. Источниковой базой работы при этом преимущественно

являются шведская публицистика 1914–1916 годов, периодические издания, а также материалы личного характера.

В разное время к проблематике «финляндского вопроса» в шведских внутриполитических дискуссиях времен «Великой войны» обращались такие отечественные ученые, как А. С. Кан [3], А. И. Рупасов [7], О. В. Чернышева [8], И. Н. Новикова [5], [6] и Е. В. Корунова [4]. Автор этих строк также исследовал данную проблематику [2]. Из зарубежных историографов, пожалуй, наиболее значительный вклад в изучение темы внесли исследователи шведской внешней политики периода Первой мировой войны Вильгельм Карлгрен [9] и Торстен Гиль [12].

* * *

Разразившаяся в 1914 году Первая мировая война, казалось, дала шведским прогерманистам надежду на реализацию их реваншистских планов. Однако при этом обострился и старый шведский «rysskräck» – известный в отечественной и зарубежной научной литературе (см., например: [15]) феномен «страха перед русскими», вызванный провальными для Швеции войнами с соседней Россией в XVIII–XIX веках. Так, по причине панического страха перед Россией осенью 1914 года была объявлена частичная мобилизация шведской армии на границе с Финляндией. Кроме того, опасения вызывали слухи о возможном укреплении Россией «балтийского Порт-Артура» – Аландского архипелага, находившегося в опасной близости от Стокгольма [7: 32]. Масла в огонь подливала и немецкая дипломатия: посол Германии Франц фон Райхенау чуть было не предъявил Швеции ультиматум по поводу вступления в войну, в последний момент дезавуированный, правда, его осторожными коллегами [11: 81].

Историческим шансом Швеции на отрыв Финляндии от России был серьезно озабочен и отец европейской geopolитики Рудольф Челлен. На протяжении всего 1914 года он прямо указывал на необходимость для Швеции следования в фарватере немецкой политики [10: 146–150], участия в войне с Россией в союзе с Германией с целью восстановления великороджавия, а также возвращения в состав страны Финляндии, которую шведские «активисты» все еще считали законным шведским владением [13]. Однако прямые предложения отобрать у России Финляндию неизменно встречали более чем холодный прием в шведском общественном мнении в первые годы войны. Тем не менее прогерманские «активисты» предпринимали и иные попытки добиться свое-

го. В частности, высокопоставленные реваншисты пытались продвигать «финляндский вопрос» на дипломатическом уровне. В феврале 1915 года в ходе неофициальных переговоров в Берлине Роберт Дуглас, сын риксмаршала Людвига Дугласа и близкий к королевской чете придворный, сформулировал достаточно скромные цели Швеции в возможной войне с Россией – аннексия Аландских островов и безопасная русская граница. При этом отвергалась выдвинутая ранее немецкими дипломатами идея об оккупации шведскими войсками всей Финляндии. Для немецких политиков, видевших в отторжении Финляндии лишь начало подрыва «колониальной мощи» России и остальных стран Антанты [14: 85–86], такого шведского участия было явно недостаточно.

Маневры «активистов» вызывали опасения и у русской агентуры в Скандинавии. Так, в рапорте российского военно-морского агента В. А. Сташевского в Петроград от 3 февраля 1915 года говорилось, что Швеция не отказывается от идеи войны с Россией и намерена вскоре напасть на нее с моря и суши с целью не допустить «обрушения» Финляндии и в перспективе создать из нее буферное государство. То же самое заявил и датский посланник в Швеции другому русскому агенту, Д. Л. Кандаурову [1: 130].

В действительности наступать на Россию в 1914–1916 годах неизменно желала лишь небольшая горстка «активных» прогерманистов, которых по этой причине обеспокоила мелькнувшая в то время возможность заключения сепаратного мира России с Германией, ведь в этом случае можно было забыть о планах по возвращению Финляндии.

Эта опасность была обозначена Людвигом Дугласом и социал-демократом Отто Ярте в ряде бесед в «активистских» кругах в апреле 1915 года. Тогда же были сформулированы новые радикальные идеи, легшие в основу записки маршала Л. Дугласа с предложениями о вступлении в войну, поданной им министру иностранных дел Кнуту Валленбергу 8 июня 1915 года. В этом документе, кроме старой идеи об аннексии стратегически важного Аландского архипелага и возвращении на нем шведских укреплений, предлагалось вторжение двух шведских корпусов в Финляндию при поддержке такого же количества немецких войск, а равно вхождение шведского флота в немецкую «диспозицию» [12: 142]. Однако и это наиболее основательное предложение «активистов» было отвергнуто шведским королем Густавом V, в годы войны, очевидно, отошедшим от своих прежних прогерманских взглядов. Предполагавшееся вторжение шведов и немцев

в Финляндию объективно упиралось в проблему флотов: немецкий не мог прорваться в Ботнический залив мимо укрепленного русскими «Аландского района», а шведский был создан для обороны в шхерах и в одиночку в открытом море намного уступал российскому. Кроме того, силы шведов, готовых высадиться в Финляндии, по немецким меркам были незначительны – не более 160 тыс. человек, запасы оружия в королевстве также были ограничены. Такой небольшой контингент действительно не был бы в состоянии облегчить Германии военные задачи на потенциальном «финском фронте», и опасения Берлина касательно положительных последствий шведского вступления в войну были небеспочвенны.

Кстати говоря, в Финляндии в то время при закулисной поддержке шведов и немцев началось своеобразное «встречное движение» – зародился свой собственный, национально окрашенный прогерманский «активизм», представители которого были настроены прошведски и проводили свои встречи в Стокгольме, дополнительно осложняя политическую обстановку в шведской столице [5: 75–78]. Даже в России наиболее дальновидные деятели видели еще в предвоенные годы опасность «отрыва» Финляндии «наследственным врагом» – Швецией². Нагнетал атмосферу и видный прогерманский активист, выдающийся социолог и публицист Адриан Мулин, который в своей программной статье для так называемой «Книги активистов» (Aktivistboken) 1915 года напоминал шведам об «опасности с Востока», назвал Финляндию «шведской ирредентой» и призвал к ее возвращению во имя спасения от русификации братского финского народа. А. Мулин также выразил надежду, что возвращение Финляндии в скандинавскую орбиту влияния будет первым шагом к возрождению политического «скандинавизма» и будущего союза народов Северной Европы со Швецией во главе [13]. Наконец, именно Мулин первым во всеуслышание заявил: «Дело Финляндии есть дело Швеции» [13], и эта фраза стала общим местом для прогерманистов времен Первой мировой войны, а много позднее трансформировалась в лозунг времен Зимней войны финнов с СССР в 1939–1940 годах.

Официальные круги Швеции тоже периодически позволяли себе высказывания в пользу военного решения «финляндского вопроса». Так, недовольный все новыми ограничениями нейтральной торговли со стороны Англии министр иностранных дел К. Валленберг весной 1916 года в частном разговоре выдвинул смелую идею – в случае сильного голода и безработицы

в Швеции мобилизовать армию и предпринять военный поход в Финляндию³, о чем сообщал немецкий посол Гельмут Люциус фон Штёдтэн в Берлин. Однако эта идея вряд ли была реалистична, даже если Валленберг действительно ее высказывал.

Тогда же, в 1916 году, в тупик зашли и многолетние (с 1910 года) шведско-немецкие переговоры на уровне генштабов: шведы настаивали, с одной стороны, на полном снабжении своей армии в Финляндии за немецкий счет в случае начала войны с Россией, с другой – считали неприемлемым немецкое требование о переходе командования к ним над шведским корпусом. В отсутствие же реальных политических действий «прогерманизм» энтузиастов войны за Финляндию не имел под собой серьезных оснований.

Даже «Шведский военный журнал», рупор милитаристской пропаганды предвоенных лет, в военные годы изменил свою позицию по финляндской проблеме. На страницах этого издания анонимный автор, подписавшийся N-n (вполне возможно, редактор журнала и «активист» из шведского Генштаба К. О. Нурденсван), утверждал, что в годы европейской войны на внешнеполитической арене Швеция оказалась «одинокой, как никогда»: даже Германия в случае своей победы в войне наверняка пренебрежет шведскими интересами, заключавшимися в оккупации Аландского архипелага и, как минимум, прекращении русификации Финляндии. Из этого автор статьи сделал справедливый вывод о необходимости для Швеции самостоятельного решения своих политических задач⁴, что означало, в конечном счете, поворот к осторожной поддержке официальной политики нейтралитета также и шведским офицерством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, несмотря на все предпринятые в 1914–1916 годах усилия, консервативным и откровенно реакционным силам в годы Первой мировой войны не удалось втянуть Швецию в военные действия ради возвращения Аландских островов и Финляндии в состав королевства, мести России и создания военно-политического союза с немецким народом и Империей кайзера. Кроме того, прогерманским «активистам» не удалось приблизиться к другой, сокровенной цели их агитации – отвлечь военными приготовлениями шведское общество от насущных проблем демократизации, избирательной реформы и повышения уровня жизни широких масс населения. Эта борьба, начавшаяся еще в середине XIX столетия, будет про-

должена социал-демократами в первые послевоенные годы и в итоге приведет к превращению Швеции в мирную малую страну, построившую настоящее государство благосостояния для всех

своих членов – «дом для народа» (folkhemmet). Милитаристские же и реваншистские иллюзии уже в межвоенный период останутся для Швеции в далеком прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Гриценко С. А. Прогерманизм в общественно-политической жизни Швеции (1905–1916): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 280 с.
- ² Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. К финляндскому вопросу в Государственной Думе. СПб., 1908. 65 с.
- ³ Ein Telegram von Luzius an Auswärtiges Amt den 13. April 1916 // Riksarkivet. Kopior av Auswärtiges Amts Archiv. Vol. 123. Deutsche Gesandtschaft in Stockholm.
- ⁴ N[ordensva]n [C. O]. Nya kraf på vårt land // Svensk Militär Tidskrift. 1916. № 7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брыков Д. С. Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 – февраль 1917 гг.) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 5. М., 2008. С. 125–151.
2. Гриценко С. А. «Прогерманизм» как явление в политической жизни Швеции последней трети XIX – начала XX вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. № 7 (81) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840006302-1-1/?reader=Y> (дата обращения 01.10.2021).
3. Кан А. С. (отв. ред). История Швеции. М.: Наука, 1974. 719 с.
4. Корунова Е. В. Шведский нейтралитет в Первой мировой войне: случайность или закономерность? // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 3–18.
5. Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе. Германия и проблемы независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 300 с.
6. Новикова И. Н. Между молотом и наковальней: Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 448 с.
7. Рупасов А. И. Германо-шведские контакты о заключении союза (1910–1915) // Первая мировая война и международные отношения. СПб., 1995. С. 30–40.
8. Чернышева О. В. Шведы и русские: образ соседа. М.: Наука, 2004. 256 с.
9. Carlgren W. M. Neutralität oder Allianz: Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des Ersten Weltkrieges. Stockholm: Almqvist&Wiksell, 1962. 276 с.
10. Falkeimark, Gunnar. Kjellén och första världskriget // Kjellén R. Geopolitiken och konservatismen. Stockholm: Hjalmarson & Höglberg, 2014. S. 146–150.
11. Franzén N - O. Undan stormen: Sverige under första världskriget. Stockholm: Bonnier, 1986. 379 с.
12. Gihl T. Den svenska utrikespolitikens historia. 1914–1919. Stockholm, 1951. 456 с.
13. Molin A. Sveriges uppgift // Sveriges utrikespolitik i världskrigets belysning. Stockholm, 1915 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://sv.wikisource.org/wiki/Sveriges_utrikespolitik_i_v%C3%A4rldskrigets_belysning/Sveriges_uppgift (дата обращения 24.09.2021).
14. Nadolny R. Mein Beitrag. Köln: DME-Verlag, 1985. 524 с.
15. Nilsson S. Rysskräcken i Sverige: fördömar och verklighet. Örebro: Ljungföretagen, 1990. 236 с.

Поступила в редакцию 04.10.2021; принята к публикации 17.01.2022

Original article

Svyatoslav A. Gritsenko, Cand. Sc. (History), Associate Professor, MIREA – Russian Technological University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1204-0125; svyatoslav11@bk.ru

“FINLAND’S CAUSE IS OUR CAUSE”: FINLAND IN SWEDISH PUBLIC OPINION DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract. The article addresses active public discussions about political situation and perspectives of Finland which started in Sweden in the early First World War and largely provided the basis for Sweden’s modern foreign policy. The main purpose of the study was to identify the place and role of the “Finnish issue” in Swedish political

discussions of that time. The examination of Swedish journalism and media, as well as some diplomatic documents of that time with the use of the comparative and typological historical methods led to the conclusion that the Swedish militarists linked the idea of military invasion into the Grand Duchy of Finland with Sweden's entry into the First World War on German side. Such ideas provided the basis for the so-called "Pro-Germanism" (pro-German "activism") among a part of Swedish officers, intellectuals and political establishment. However, the activists' influence on Swedish public opinion was not strong enough to oblige Swedish monarchy to form a military alliance with Germany and to levy war against Russia within Finland. As a result, at the end of 1916 Knut Wallenberg, Swedish Minister of Foreign Affairs, completely abandoned this idea, and most of the Swedish publicists ceased military propaganda

Keywords: First World War, Swedish foreign policy, Swedish "pro-Germanism", Rudolf Kjellén, Finland

For citation: Gritsenko, S. A. "Finland's cause is our cause": Finland in Swedish public opinion during the First World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):14–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.732

REFERENCES

1. Brykov, D. S. Russian-Swedish relations during World War I: military and political aspects (1914 – Febr. 1917). *Russian Papers: Studies on Russian History*. 2008;5:125–151. (In Russ.)
2. Gritsenko, S. A. "Pro-Germanism" as a phenomenon in Swedish political life in the last third of the XIX century and the early XX century. *The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")*. 2019;7(81):1–4. Available at: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840006302-1-1/?reader=Y> (accessed 01.10.2021). (In Russ.)
3. History of Sweden. (A. S. Kan, Ed.). Moscow, 1964. 719 p. (In Russ.)
4. Korunova, E. V. Sweden's neutrality in the First World War: accident or natural consequence? *Modern and Contemporary History*. 2014;6:3–18. (In Russ.)
5. Novikova, I. N. The "Finnish card" in German solitaire. German and the problems of Finland's independence during the First World War. St. Petersburg, 2002. 300 p. (In Russ.)
6. Novikova, I. N. Between the beetle and the block: Sweden in German-Russian struggle in the Baltic region during the First World War. St. Petersburg, 2006. 448 p. (In Russ.)
7. Rupasov, A. I. German-Swedish contacts about forming an alliance (1910–1915). *World War I and international relations*. St. Petersburg, 1995. P. 30–40. (In Russ.)
8. Chernyshova, O. V. The Swedes and the Russians: the image of a neighbor. Moscow, 2004. 256 p. (In Russ.)
9. Carlgren, W. M. Neutralität oder Allianz: Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des Ersten Weltkrieges. Stockholm, 1962. 276 s.
10. Falkemark, Gunnar. Kjellén och första världskriget. *Kjellén R. Geopolitiken och konservatismen*. Stockholm, 2014. S. 146–150.
11. Franzen, N-O. Undan stormen: Sverige under första världskriget. Stockholm, 1986. 379 s.
12. Gihl, T. Den svenska utrikespolitikens historia. 1914–1919. Stockholm, 1951. 456 s.
13. Molin, A. Sveriges uppgift. *Sveriges utrikespolitik i världskrigets belysning*. Stockholm, 1915. Available at: https://sv.wikisource.org/wiki/Sveriges_utrikespolitik_i_v%C3%A4rldskrigets_belysning/Sveriges_uppgift (accessed 24.09.2021).
14. Nadolny, R. Mein Beitrag. Köln, 1985. 524 s.
15. Nilsson, S. Rysskräcken i Sverige: fördömar och verklighet. Örebro, 1990. 236 s.

Received: 4 October 2021; accepted: 17 January, 2022

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ НИКИТИН

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения факультета исторических и политических наук
Национальный исследовательский Томский государственный университет
(Томск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8621-8072; nikitds33@gmail.com

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИНДИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОНГРЕССА И АНГЛО-ИНДИЙСКОЕ СООБЩЕСТВО В 1880-е ГОДЫ

Аннотация. В настоящее время вопрос взаимоотношений англо-индийского сообщества и национального движения остается малоизученным. Целью исследования является выявление особенностей взаимоотношений раннего Индийского национального конгресса с англо-индийским сообществом, роли англо-индийцев в становлении организации и его реакции на развитие национального движения в Индии. Индийский национальный конгресс, возглавивший в XX веке борьбу Индии за независимость, в первые годы своего существования выступал за сохранение британского правления. В условиях колониальной зависимости от Великобритании особое значение для Конгресса приобретали отношения с англо-индийцами – британцами, постоянно проживавшими в Индии. В годы правления вице-короля Рипона национальное движение получило стимул к развитию и стало новым фактором общественно-политической жизни Индии, на который англо-индийское сообщество реагировало различным образом. Немногочисленная либеральная часть сообщества, разделявшая взгляды индийской интеллигенции, приняла активное участие в создании и развитии Конгресса, но большинство англо-индийцев восприняло его деятельность отрицательно. Исследование выполнено на основе историко-генетического метода и исторического анализа источников. Сделаны выводы о том, что критика Конгресса англо-индийцами нашла выражение в публицистике и периодической печати, общественных дискуссиях и поддержке противников национального движения. Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть использованы при изучении политического развития колониальных обществ, взаимоотношений между государствами-метрополиями и зависимыми территориями, общественно-политической мысли Азии начала XX века.

Ключевые слова: англо-индийцы, Индийский национальный конгресс, Аллан Октавиан Юм, национальное движение, Британская Индия, колониализм

Для цитирования: Никитин Д. С. Возникновение Индийского национального конгресса и англо-индийское сообщество в 1880-е годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 19–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.727

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение Индийского национального конгресса (ИНК) в 1885 году, ставшее результатом долгой эволюции политического движения и становления капиталистических отношений в Индии на фоне колониальной зависимости от Великобритании, ознаменовало начало нового этапа в истории национально-освободительного движения в Индии. С момента основания ИНК провозглашал своей целью консолидацию прогрессивных сил в стране¹; не было исключением и англо-индийское сообщество – британцы (как чиновники, так и не занятые в управлении лица), жившие в Индии на постоянной основе. Конгресс – «детище гладстонианского либера-

лизма» [9: 342] – в конце XIX века отнюдь не противопоставлял себя британскому колониальному правлению, но, напротив, стремился к сотрудничеству с властями с тем, чтобы добиться превращения Индии в процветающее владение Великобритании, пользующееся теми же правами и привилегиями, что и другие британские территории, такие как Канада и Австралия [16: 214]. Англофильство, широко распространенное в кругах индийских интеллигентов [2], было одной из причин их сближения с либерально мыслящей частью англо-индийцев и вело к тому, что последние на этапе становления ИНК играли заметную роль в деятельности организации. Целью настоящей статьи является выявление особен-

ностей взаимоотношений раннего ИНК с англо-индийским сообществом, роли англо-индийцев в становлении организации и реакции сообщества в целом на появление нового фактора в политической жизни Индии.

УЧАСТИЕ АНГЛО-ИНДИЙЦЕВ В СОЗДАНИИ ИНК

Тенденции к консолидации индийской интеллигенции, особенно усилившиеся в начале 1880-х годов, в годы правления вице-короля Рипона [8: 235], не остались без внимания англо-индийской общественности и колониальной администрации. Сурендранат Банерджи, один из лидеров бенгальских интеллектуалов, писал:

«Англо-индийский чиновник, живущий отстраненно, в отрыве от народа, начал теперь осознавать рождение национального движения, о котором он не имел и малейшего представления» [5: 88].

Вместе с тем незначительная часть англо-индийцев в это время содействовала развитию движения, которое представлялось закономерным следствием либеральных реформистских начинаний Рипона – отмены репрессивного закона о прессе на индийских языках, введения в Британской Индии местного самоуправления, попыток уравнять в правах британских и индийских подданных империи.

Важную роль в объединении представителей различных региональных патриотических ассоциаций в единую организацию сыграл отставной чиновник колониальной администрации Аллан Октавиан Юм (1829–1912). Будучи свидетелем народного восстания 1857–1859 годов, он полагал, что британское правление не прекратило свое существование только благодаря поддержке, которую оказали англичанам широкие народные массы [4: 312], а индийский народ в целом выступает за сохранение британской власти, принесшей в Индию мир и многочисленные блага; однако централизация управления, особенно в годы правления вице-короля Литтона, привела к отчуждению чиновников от индийского населения, следствием чего было непонимание нужд и проблем народа и рост народного недовольства. Поэтому Юм выступал за создание организации, которая, с одной стороны, стала бы связующим звеном между колониальной администрацией и народом, которым она управляет, а с другой – способом канализировать и назревающее в стране недовольство [4: 92]. При Литтоне карьера Юма в Индийской гражданской службе пошла на спад, и он вышел в отставку в 1882 году, однако либеральный курс Рипона и временный, но серьезный интерес к теософии (благодаря которому Юм познакомился со многими видными лидерами мнений) способствовали обращению

Юма к вопросам индийской политики. В 1883–1885 годах он активно занимался поиском сторонников объединения индийских прогрессивных сил как в Индии, так и в Лондоне, выступал с лекциями, консультировался с вице-королями Рипоном и Дафферином [10: 386]; также Юму в значительной степени принадлежит заслуга организации широкомасштабных проводов Рипона по истечении вице-королевских полномочий. Многочисленные митинги и собрания в честь покидающего Индию вице-короля стали, по свидетельствам современников, демонстрацией роста национального духа индийского народа [5: 88], [6: 377].

В декабре 1885 года усилия Юма увенчались открытием первой сессии ИНК. Юм на долгие годы стал генеральным секретарем Конгресса и признанным «отцом ИНК», определявшим, вместе с узким кругом друзей, повестку дня организации и принципы ее деятельности, отстаивавшим ее программу в прессе и на публичных собраниях. После отъезда из Индии в 1894 году Юм остался почетным секретарем Конгресса и до конца жизни был сторонником национального движения.

Выбор англичанина генеральным секретарем первой общеиндийской организации впоследствии породил историографическую проблему, состоящую в определении действительного вклада Юма в становление Конгресса и его истинных целей. В годы борьбы за независимость участие Юма в деле организации ИНК неизменно подчеркивалось конгрессистскими историками – в частности, П. Ситарамайей, президентом ИНК в 1948–1949 годах, автором «Истории Индийского национального конгресса» [15: 77]. Однако в первые годы после достижения Индией независимости в 1947 году в националистической литературе получила широкое распространение точка зрения, согласно которой основной целью Юма было сохранение британской власти в Индии и, как следствие, сдерживание активности индийских лидеров, направление ее в умеренное русло [11: 44]. Схожие взгляды разделяла и левая, марксистская литература, в том числе и отечественная, где отрицательная оценка деятельности Юма и других британских деятелей Конгресса (У. Уэддерберн, Г. Коттон) прослеживается вплоть до второй половины 1880-х годов [3]. Наиболее взвешенной, однако, представляется сформировавшаяся в 1970–1980-е годы позиция [10], [12] (разделяемая и современными авторами [14: 66]), согласно которой задача сохранения и упрочения британской власти в Индии и задача содействия социальному, политическому, культурному прогрессу страны в мировоззре-

нии лидеров раннего ИНК (как индийских, так и британских) не противопоставлялись друг другу, а составляли единое целое. Деятельность Юма в известной степени стала катализатором консолидационных процессов в среде индийской интеллигенции, уже имевшей в начале 1880-х годов опыт сотрудничества на общенациональном уровне (Индийская национальная конференция 1883 года [1: 293]). В лице Юма и других англо-индийцев с опытом службы в системе управления, связями с влиятельными государственными деятелями в Индии и Великобритании ИНК нашел наставников, деятельность которых способствовала уже имевшему место развитию национального движения.

В этой связи вызывают интерес и другие формы содействия англо-индийцев созданию ИНК и его работе на раннем этапе. В первую очередь необходимо упомянуть книгу англо-индийского чиновника Генри Коттона (впоследствии одного из президентов ИНК) «Новая Индия» (1885), оказавшую большое влияние на индийскую интеллигенцию 1880-х годов. Анализируя ситуацию в Индии, Коттон пришел к выводу, что наблюдаемый в стране рост «национального духа»² ведет к необходимости сотрудничества колониальных властей с индийской интеллигенцией. В обрисованном Коттоном идеале «Соединенных Штатов Индии» – федерации самостоятельных государств под эгидой Великобритании – индийские националисты нашли «образ будущего», которого они хотели достичь. Таким образом, англо-индийское влияние отразилось и на идейном наполнении деятельности патриотических ассоциаций и ИНК.

Для основателей Конгресса большое значение имело также и внешнее, формальное признание организации со стороны «неофициальной» части англо-индийского сообщества, которое выражалось в посещении англо-индийцами заседаний ИНК. Так, первую сессию Конгресса в Бомбее в декабре 1885 года помимо А. О. Юма (числившегося делегатом от Шимлы) и У. Уэддерберна (чиновника Индийской гражданской службы) посетили судья Дж. Джардин, директор Эльфинстонского колледжа У. Вордсворт, корреспонденты ведущих англо-индийских газет³. По завершении сессии делегаты были приглашены на прием к вице-королю и генерал-губернатору Индии лорду Дафферину. На первых сессиях Конгресса англо-индийцы были постоянными участниками, хотя возможности присутствия на заседаниях представителей чиновничих кругов были ограничены уже в конце 1880-х годов⁴. Тем не менее в ежегодных отчетах о проведенных сессиях факт участия англо-индийцев в работе ИНК не-

изменно подчеркивался⁵ с тем, чтобы продемонстрировать «представительность» Конгресса, его общеиндийский характер.

РЕАКЦИЯ АНГЛО-ИНДИЙСКОГО СООБЩЕСТВА НА ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОНГРЕССА

Вместе с тем значительная часть консервативной англо-индийской общины воспринимала правление либеральных вице-королей в Индии (в особенности Рипона) и рост национального самосознания индийцев резко отрицательно. Нововведения Рипона, стимулировавшие развитие национального движения, в позднейших англо-индийских воспоминаниях подвергались жесткой критике. Рипон воспринимался как исключительно слабый вице-король, действия которого поставили под угрозу прочность британского правления в Индии и привели к возникновению ИНК⁶. Сильно усложнил отношения между англо-индийцами законопроект Илберта 1883 года, который предполагал уравнять в правах европейских и индийских подданных империи перед судом [7]. Англо-индийское сообщество, замкнутое и практически не связанное с коренным населением, видело в зарождающемся национальном движении угрозу существующему порядку, при котором сообщество располагало многими привилегиями.

Особенно ярко реакция на новые веяния проявилась в политической сатире и прессе. Под впечатлением от дискуссий по поводу законопроекта Илберта Томас Харт-Дэвис, судебный комиссар из Бомбейского президентства, написал «футуристический» памфlet «Индия в 1983 году», где представлял картину будущего, в котором Индия добилась самостоятельности, вследствие чего в стране остался всего один англичанин (в образе которого узнавался генеральный секретарь ИНК А. О. Юм), власть перешла к бенгальской (столичной) интеллигенции, но та не сумела распорядиться ею должным образом, и это привело Индию к военной диктатуре и войне всех против всех – состоянию, в котором она пребывала до британского завоевания⁷. Памфlet, опубликованный анонимно, выдержал несколько переизданий и получил широкую известность, став ярким событием в истории англо-индийской литературы [13: 128]. События 1880-х годов оказали большое влияние и на молодого англо-индийского журналиста Редьярда Киплинга, который в серии стихотворений и очерков второй половины девяностолетия высмеивал индийскую интеллигенцию и ее европейских сторонников⁸. В своих произведениях Киплинг выражал позицию консервативной части англо-индийцев, считавших, что индийцы не способны управ-

лять страной самостоятельно, а их требования обусловлены стоящими за интеллигенцией британскими деятелями – А. О. Юмом, У. Уэддерберном, Дж. Юлом⁹.

В исследуемый период действенным средством англо-индийской «контрагитации» стала пресса, хотя в рядах издателей и не было единства. А. О. Юм, в частности, отмечал, что среди ведущих изданий некоторые (такие как аллахабадский «Пионир» и бомбейская «Таймс офф Индииа») были «оголтелыми анти-индийскими органами», тогда как калькуттский «Стейтсмен» и «Бомбей газетт» стремились быть «справедливыми и беспристрастными» [4: 54]. В конце 1880-х годов «Пионир» сыграл заметную роль в организации антиконгрессистской кампании в Северо-Западных провинциях, призванной не допустить привлечения мусульман Северной Индии в национальное движение. Хотя кампания не была особенно успешной, она способствовала усилению индусско-мусульманских противоречий, которые препятствовали единению патриотических сил в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возникновение Индийского национального конгресса стало важнейшим событием в истории Индии. В XX веке Конгресс стал флагманом национального движения, возглавившим борьбу за независимость. Однако на заре своего су-

ществования ИНК стремился к объединению во имя прогресса страны всех народов и конфессий Индии, и в том числе англо-индийцев, представителей страны-метрополии. Взгляды и идеи лидеров национального движения, воспитанных на европейских политических идеалах, отвечали взглядам либеральной части англо-индийцев, что привело к их участию в создании и становлении ИНК; несмотря на малочисленность европейских сторонников Конгресса, во второй половине 1880-х годов они играли в его деятельности важную роль, выступая организаторами, политическими наставниками, активными борцами за выполнение его требований. Однако значительная часть англо-индийского сообщества (как консервативные бюрократические круги, так и «неофициальные», не занятые в управлении представители общины) видела в молодом национальном движении угрозу для стабильности британской власти в Индии, что вело к неприятию перемен и попыткам противостоять им как административными средствами, так и посредством прессы, литературы, общественных дискуссий. Противоречивое отношение англо-индийского сообщества к ИНК стало одним из факторов своеобразия индийского национально-освободительного движения, в котором отразилась вся сложность политического взаимодействия между метрополией и колониями на пути зависимых территорий кобретению национальной независимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Proceedings of the First Indian National Congress. [Bombay, 1886]. P. 5.
- ² Cotton H. New India, or, India in transition. London, 1885. P. 6.
- ³ Proceedings of the First Indian National Congress. [Bombay, 1886]. P. 7, 11.
- ⁴ The Hindoo Patriot. Calcutta, 1888. 3rd December.
- ⁵ Proceedings of the First Indian National Congress. [Bombay, 1886]. P. 7; Report of the Second Indian National Congress. Calcutta, 1887. P. 9.
- ⁶ Crawford A. T. Our troubles in Poona and the Deccan. Westminster, 1897. P. 79.
- ⁷ India in 1983. Calcutta: Thacker, Spink & Co., 1896. P. 137.
- ⁸ The Pioneer. Allahabad, 1890. 11th September; The Pioneer. Allahabad, 1888. 1st June.
- ⁹ Kipling R. A study of the Congress // The Kipling Journal. 2020. Vol. 94, № 381. P. 55–62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Палишева Н. В. У истоков антиколониального национализма: политические взгляды и идеология первых лидеров Индийского национального конгресса // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 4 (43). С. 290–300.
2. Скородова Т. Г. Англофильство бенгальских интеллектуалов: путь к себе от признания Другого // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 118–128.
3. Хашимов И. М., Кутина М. М. Деятельность Индийского национального конгресса и региональных общественных организаций Индии (конец XIX – начало XX в.). Ташкент: ФАН, 1988. 280 с.
4. Юм А. О. Избранные произведения об индийском национальном движении (1886–1894). Новосибирск: Сибпринт, 2019. 375 с.
5. Banerjea S. N. A nation in making. Bombay: Oxford University Press, 1963. 389 p.
6. Graham G. The life and work of Sir Syed Ahmed Khan. Delhi: Idarah-I Adabiyat-I Delli, 1974. 412 p.
7. Hirschmann E. “White Mutiny”: The Ilbert Bill crisis in India and genesis of the Indian National Congress. Columbia: South Asia Books, 1980. 331 p.
8. Mathur L. P. Lord Ripon’s administration in India (1880–1884). New Delhi: S. Chand, 1972. 263 p.
9. Mehrotra S. R. The early organisation of the Indian national congress, 1885–1920 // India Quarterly. 1966. Vol. 22, № 4. P. 329–352.

10. Mehrotra, S. R. The emergence of the Indian National Congress. Delhi: Vikas publications, 1971. 467 p.
11. Mehrotra, S. R. Towards India's freedom and partition. New Delhi: Vikas Publ. House, 1979. 328 p.
12. Moulton, E. Allan O. Hume and the Indian National Congress, a reassessment // *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 1985. Vol. 8, № 1–2. P. 5–23.
13. Oaten, E. F. A sketch of Anglo-Indian literature. London, 1908. 215 p.
14. Rao, P. V. Class, identity and empire: Scotsmen and Indian education in the nineteenth century // *Social Scientist*. 2016. Vol. 44, № 9–10. P. 55–70.
15. Sitaramayya, P. The history of the Indian National Congress. Madras: Law printing house, 1935. 1038 p.
16. Yadav, B. D. A. O. Hume: founder of Congress. New Delhi: Anmol publications, 1992. 287 p.

Поступила в редакцию 12.01.2022; принята к публикации 31.01.2022

Original article

Dmitry S. Nikitin, Cand. Sc. (History), National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8621-8072; nikitds33@gmail.com

THE EMERGENCE OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS AND ANGLO-INDIAN COMMUNITY IN THE 1880s

Abstract. At present, the relationships between the Anglo-Indian community and the national movement remains poorly studied. The purpose of the study is to identify the features of the relationships of the early Indian National Congress with the Anglo-Indian community, the role of Anglo-Indians in the formation of the organization, and its reaction to the development of the national movement in India. The Indian National Congress, which headed India's struggle for independence in the XX century, in its early years advocated the preservation of British rule. Under conditions of colonial dependence from Britain, relations with Anglo-Indians – British citizens who permanently resided in India – were especially important for the Congress. Under Lord Ripon, the Viceroy of India in the 1880s, the national movement gained momentum and became a new factor in the socio-political life of India, to which the Anglo-Indian community reacted differently. A small liberal part of the community, which shared the views of Indian intellectuals, took an active part in the creation and development of the Congress, but the majority perceived its activities negatively. Based on the historical-genetic method and historical analysis of sources, the author concludes that criticism of the Congress by Anglo-Indians was expressed in journalism, public discussions and support for the opponents of the national movement. The obtained results can be used for studying the political development of colonial societies, the relations between metropolitan states and dependent territories, and the socio-political thought in Asia in the early XX century.

Keywords: Anglo-Indians, Indian National Congress, Allan Octavian Hume, national movement, British India, colonialism

For citation: Nikitin, D. S. The emergence of the Indian National Congress and Anglo-Indian community in the 1880s. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):19–23. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.727

REFERENCES

1. Palisheva, N. V. At the origins of anti-colonial nationalism: political views and ideology of the first leaders of the Indian National Congress. *Questions of National and Federative Relations*. 2018;8(4):290–300. (In Russ.)
2. Skorokhodova, T. G. Anglophilism of Bengal intellectuals: the path to one's self from the recognition of the Other. *Problems of Philosophy*. 2013;6:118–128. (In Russ.)
3. Kashimov, I. M., Kutina, M. M. Activities of the Indian National Congress and regional public organizations in India (late XIX – early XX centuries). Tashkent, 1988. 280 p. (In Russ.)
4. Hume, A. O. Selected writings on the Indian national movement (1886–1894). Novosibirsk, 2019. 375 p. (In Russ.)
5. Banerjea, S. N. A nation in making. Bombay, 1963. 389 p.
6. Graham, G. The life and work of Sir Syed Ahmed Khan. Delhi, 1974. 412 p.
7. Hirschmann, E. "White Mutiny": The Ilbert Bill crisis in India and genesis of the Indian National Congress. Columbia, 1980. 331 p.
8. Mathur, L. P. Lord Ripon's administration in India (1880–1884). New Delhi, 1972. 263 p.
9. Mehrotra, S. R. The early organisation of the Indian national congress, 1885–1920. *India Quarterly*. 1966;22(4):329–352.
10. Mehrotra, S. R. The emergence of the Indian National Congress. Delhi, 1971. 467 p.
11. Mehrotra, S. R. Towards India's freedom and partition. New Delhi, 1979. 328 p.
12. Moulton, E. Allan O. Hume and the Indian National Congress, a reassessment. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 1985;8(1–2):5–23.
13. Oaten, E. F. A sketch of Anglo-Indian literature. London, 1908. 215 p.
14. Rao, P. V. Class, identity and empire: Scotsmen and Indian education in the nineteenth century. *Social Scientist*. 2016;44(9–10):55–70.
15. Sitaramayya, P. The history of the Indian National Congress. Madras, 1935. 1038 p.
16. Yadav, B. D. A. O. Hume: founder of Congress. New Delhi, 1992. 287 p.

Received: 12 January, 2022; accepted: 31 January, 2022

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМИРНОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5225-8543; *burlana@mail.ru*

НАНЬСЮ ЦЯНЬ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН-РЕФОРМАТОРОВ В КИТАЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Аннотация. Анализируется участие женщин в движении за реформы в Китае в конце XIX века в работах профессора китайской литературы американского Университета Райса Наньсю Цянь. Исследована деятельность женщин-реформаторов в ходе Шанхайской кампании за женское образование 1897–1898 годов, изучена роль талантливой цинской писательницы и переводчика Сюэ Шаохуэй в реформах 1898 года в Китае. В работах профессора показано, что в ходе Шанхайской кампании совместными усилиями мужчин и женщин-реформаторов было создано первое женское научное общество, основана первая в истории Китая школа для молодых женщин и первый женский журнал «Образование китайской женщины», был затронут вопрос о правах женщин в Китае. Наньсю Цянь приходит к выводу, что внимание к деятельности Сюэ Шаохуэй расширяет и репериодизирует то, как мы понимаем негосударственную реформаторскую деятельность в последние годы правления Цин: деятельность реформаторов началась в 1860-х годах, вышла далеко за пределы столицы и охватила многие аспекты социальной и культурной жизни страны; была сформирована трудами как женщин, так и мужчин и продолжилась в других формах после того, как наиболее известные реформаторы были казнены или отправлены в ссылку.

Ключевые слова: Наньсю Цянь, история Китая, Шанхайская кампания 1897–1898 годов, женское образование, женщины-реформаторы, Сюэ Шаохуэй

Для цитирования: Смирнова Н. В. Наньсю Цянь о деятельности женщин-реформаторов в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 24–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.728

ВВЕДЕНИЕ

Движение за реформы в Китае 1895–1898 годов привлекало и привлекает внимание современных отечественных [1], [2], [3], [4], [5], [6] и зарубежных [8], [9], [10], [11], [12] исследователей, авторы книг и статей подчеркивают сложность этого исторического момента и его важность в формировании современной китайской истории. В статье анализируются работы профессора китайской литературы Центра азиатских исследований ЧАО Школы гуманитарных наук американского Университета Райса Наньсю Цянь по истории движения за реформы в Китае в конце XIX века. Наньсю Цянь в работах «Возрождение традиции сяньюань (достойные дамы): женщины в реформах 1898 года» [11], «Политика, поэтика и гендер в позднем Цинском Китае: Сюэ Шаохуэй (1866–1911) и эпоха реформ» [10] выделила вклад активных, оптимистичных и самодостаточных женщин-реформаторов [3]

в обновление страны, акцентировала внимание на том, что в 1898 году был затронут вопрос о правах женщин в Китае. Большинство использованных исследовательских материалов профессора представляет собой женские литературные произведения, особенно поэтические сборники.

ШАНХАЙСКАЯ КАМПАНИЯ 1897–1898 ГОДОВ ЗА ОБРАЗОВАНИЕ ЖЕНЩИН В РАБОТАХ НАНЬСЮ ЦЯНЬ

Наньсю Цянь подчеркивает, что кампания за женское образование в Шанхае в 1897–1898 годах явилась одной из самых важных в эпоху реформ. Кампания была вдохновлена традицией сяньюань (достойные дамы), наследием эпохи Вэй-Цзинь (220–420), и культурой «пишущих женщин» XVII–XVIII веков в провинции Фуцзянь на юге Китая, была направлена на создание первой в истории Китая школы для молодых женщин (Ний сюэтан). В традиции сянью-

ань, которая представляла собой самый ранний пример творчества женщин, наделенных литературным и художественным талантом, знаниями, интеллектуальной независимостью, нравственным потенциалом и здравым смыслом, женщины-реформаторы нашли как «стратегию самообновления и самореализации, так и способ построить свой собственный идеал женственности в контексте империализма и глобализации».

«Эти открытые и уверенные в себе женщины-реформаторы с энтузиазмом восприняли новые западные знания и привлекли помочь западных союзников, как мужчин, так и женщин» [11: 399].

Осенью 1897 года группа талантливых реформаторов организовала в Шанхае руководящий комитет для создания школы. Среди них были Цзин Юаньшань, начальник Шанхайского телеграфного бюро, который инициировал проект; Чжэн Гуаньин, пионер в области женского образования; Кан Гуанжэнь, финансовый руководитель; Лян Цичао, вдохновитель проекта. Также участниками были дипломат-ветеран Чэн Цзитун (1852–1907) с образованной женой-француженкой, известной под китайским именем Лай Маи, его младший брат Чэн Шоупэн (1857 – около 1928) с женой Сюэ Шаохуэй. Все члены руководящего комитета были хорошо знакомы с западными идеями и сыграли решающую роль в проекте.

Кампания за женское образование была воодушевлена знаменитым эссе Лян Цичао «Об образовании женщин» (Шиу бао, 1897), где автор доказывал, что Китай ослаб из-за недостатка женского образования. Лян Цичао рассуждал, что хорошо управляемое государство опирается на граждан, которые могут прокормить себя. Другими словами, каждый человек должен иметь работу, и чем больше рабочих мест, тем богаче государство. Исходя из этой теории, страны с сильными системами образования для женщин сравнительно богаче и могущественнее, так как женщины тем самым получают больше возможностей для трудоустройства. Китаю нужно было срочно создать современную систему женского образования не только для их собственного благополучия, но и для защиты государства, расы и «религии» [11: 403].

Таким образом, мужчины-реформаторы и их западные единомышленники связывали идею женского образования в Китае с экономической и военной мощью, надеясь, что одним из ее последствий будет восстановление китайской гордости, несмотря на недавние унижения. Чувствуя политическую срочность, руководящий комитет созвал четыре заседания за двад-

цать дней – с 15 ноября по 6 декабря 1897 года. В первых двух встречах участвовали только мужчины, в то время как в двух других – в основном женщины. Результатом заседаний стало создание 6 декабря 1897 года первого женского научного общества (Нюй сюэхуэй), в состав которого вошли 122 участника (110 китайских и западных женщин, 12 западных мужчин), в основном матери, жены и дочери ведущих реформаторов [11: 405]. Встреча началась с обсуждения вопросов сбора средств и разработки учебных программ, а завершилась банкетом и литературными композициями. 23 стихотворения были собраны Цзин Юаньшанем в Сборнике мнений (Цзин Юаньшань, 1898), а после официального открытия школы в различных газетах и периодических изданиях появилось еще около 25 стихотворений (Синьвэнь бао, 1898; Нюй сюэбао, 1898; Ваньго гунбао, 1898). В эссе, сочиненном во время банкета, Цзянь Лань, будущий редактор женского журнала и преподаватель школы, предложила «совершенный и безупречный» план женского образования, включающий не только стипендии, но и художественное творчество. Для того чтобы проиллюстрировать значение «специализации как в области науки, так и в области художественного творчества», Цзянь Лань дополнила эссе об эрудиции импровизированным стихотворением:

«Проектируя и создавая новое учреждение,
Женщины-ученые, пришло время реализовать наши амбиции.

Хорошо разбирающиеся в китайских и западных исследованиях,

Мы, благородные дамы, собираемся здесь»¹ (Синьвэнь бао, 1897) [11: 408].

Стихи женщин-реформаторов и их союзников сформировали коллективное стремление к более совершенной системе образования. Ликуя, они «извергли свое разочарование», неудовлетворенность, вызванную «горьким подавлением внутренних талантов и мудрости» в течение длительного периода времени (Цзин Юаньшань, Нюй сюэбао, 1898). Утверждая, что фудао, или путь женщин, охватывает гораздо больше, чем то, что традиционно определялось как «женская работа», они утверждали, что «знания женщин должны выходить за пределы кухни», в конечном счете расширяясь до «понимания всего царства под небесами» (Цзин Юаньшань, 1898). Гордясь своей эрудицией и разносторонностью, эти женщины считали поэтическое творчество идеальным средством для демонстрации талантов и утонченности. Как выразилась одна из них: «Изучение поэзии позволяет мне выразить мою

истинную природу; / Описания цветов и травы воплощают мой дух» (Синьвэнь бао, 1898) [11: 409].

Став «хорошо сведущими как в китайских, так и в западных знаниях», женщины-реформаторы почувствовали, что они могут «реализовать свои амбиции» (Синьвэнь бао, 1898). Чжоу Юаньсян выразила свои устремления следующим образом:

«Поскольку я не могу быть священником, я буду хорошим врачом,

Продлевающим жизнь с большим состраданием...

Я буду молить богиню Баогу о ее божественном лекарстве,

Чтобы мгновенно облегчить все недуги на земле» (Цзин Юаньшань, 1898) [11: 409].

Таким образом, как только китайские женщины овладеют «божественным лекарством», то есть необходимыми иностранными и отечественными знаниями, они смогут исцелить все беды мира, включая Китай. Здесь явно прослеживается политическая цель. Большинство мужчин-реформаторов выступали за женское образование для того, чтобы женщины могли сами себя прокормить, тем самым облегчая жизнь мужчинам и, возможно, в конечном итоге обогащая Китай (Лян Цичао, 1897). Женщины-реформаторы в свою очередь рассматривали эту помочь как несущую большие возможности и для самих себя, и для нации.

В конце 1897 года почти все ведущие реформаторы и интеллектуалы того времени поддержали проект открытия школы – Кан Ювэй, Тань Сытун, Чжан Цзянь, Ван Каннянь, Вэнь Тиньши, Чэнь Саньли, Хуан Цзуньсянь и др. Известные западные миссионеры, ученые, дипломаты, журналисты и их родственники, находившиеся в то время в Шанхае, приняли участие в проекте. Американский журналист Янг Джон Аллен и британский миссионер Тимоти Ричард [7] сыграли важную роль в кампании. Дочь Аллена и жена Ричарда позже работали в школе преподавателями. Аллен приглашал западных женщин Шанхая принять участие в работе женского научного общества. Сразу после получения этого приглашения жена авторитетного английского юриста, известного под китайским именем Даньвэнь, организовала чаепитие для членов женского руководящего комитета. Вскоре после этого, 30 ноября 1897 года, жена испанского консула устроила в консульстве званый ужин для китайских и западных женщин. Она выразила надежду, что «китайские женщины с их орхидейным умом и телом будут знать не только дела одной семьи и одной нации, но также и представителей

всех пяти континентов и множества наций». Это знание, по ее словам, «в конечном итоге принесет пользу Китаю» [11: 410–411].

31 мая 1898 года официально открылась первая китайская школа для молодых женщин, в которой обучалось шестнадцать человек, месяц спустя их число возросло до двадцати. «Временный устав», разработанный мужчинами-реформаторами, гласил:

«Поскольку эта школа должна прививать хорошие обычаи и готовить будущих учителей, т. н. образцы для подражания, в ней будут учиться только девочки из хороших семей [происхождение]. Рабыни, куртизанки и проститутки должны быть исключены» [11: 433].

В дополнение к школе-интернату осенью открылась дневная школа, добавив еще двадцать обучающихся. За два года работы было зарегистрировано в общей сложности семьдесят человек. Всего девочки изучили шестнадцать предметов: самосовершенствование (сюшэн), образование, домоводство, гимнастику, северо-китайский диалект (гуаньхуа), классический китайский язык (ханьвэнь), иностранные языки (янвэнь), историю, географию, арифметику, химию, физику, графику, рисование, шитье и музыку [11: 412].

Деятельность кампании за женское образование освещалась в первом женском журнале (Нюй сюэбао) «Образование китайской женщины» (Chinese Girl's Progress), издававшемся в июле – октябре 1898 года. Ведущий автор женского журнала Пань Сюань акцентировала внимание на роли журнала в учреждении школы:

«Общество, школа и журнал – эти три вещи вместе сравнимы с фруктовым деревом. Общество – его корень, школа – его плод, а журнал – его листья и цветы. Если люди хотят знать, что это за дерево, перспективно ли оно, какие плоды оно может принести, разве они не должны сначала изучить его листья и цветы? Все, что касается общества и школы, будет открыто опубликовано в журнале...» (Пань Сюань, 1898) [11: 416].

В другом эссе Пань Сюань писала, что, открыв женские умы для свежих идей, журнал послужит «отправной точкой для 200 миллионов китайских женщин, которые потребуют равных прав». В этом смысле журнал сравнивался с дубинкой в руке командира: «Всякий раз, когда командир поднимает свою дубинку, – писала она, – солдаты кричат в один голос, и все врачи разбегаются» (Пань Сюань, 1898) [11: 416]. Редакторы «Нюй сюэбао» в 12 выпусках 1898 года опубликовали более двадцати эссе, защищающих права женщин; поощряющих изучение науки, медицины, искусства и литературы; предоставляющих медицинские консультации женщинам².

Они также сообщали о численности и занятиях шанхайских работниц: примерно от 60 000 до 70 000 женщин работали в основном на текстильных и чайных фабриках. Через два месяца с увеличением тиража журнала редакция повысила плату за выпуск с 3 до 7 центов.

Чтобы привлечь читательниц, каждый выпуск журнала хоть и занимал всего восемь страниц, включал иллюстрацию на всю страницу с такими названиями, как: Портрет императрицы; Первое заседание женского общества; Дизайн Шанхайской школы для женщин; Карта школы для женщин в Шанхае; Швейная машина; Женские упражнения; В классе; Кормление шелкопрядов; Плетение и вышивание; Ежедневный туалет; Шитье; Плетение для посещения свекрови [11: 418]. Журнал с редакционной коллегией, состоящей исключительно из женщин, защищал права женщин.

Совместными усилиями мужчин и женщин-реформаторов Шанхайская кампания 1897–1898 годов способствовала созданию первого женского научного общества, первой китайской школы для молодых женщин и первого женского журнала «Образование китайской женщины».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЮЭ ШАОХУЭЙ В 1897–1898 ГОДАХ В РАБОТАХ НАНЬСЮ ЦЯНЬ

Цинская писательница Сюэ Шаохуэй была ведущей фигурой в Шанхайской кампании 1897–1898 годов за образование женщин. Сюэ Шаохуэй родилась в Фучжоу – столице провинции Фуцзянь (Минь) на юге Китая. В 13 лет она стала известной местной поэтессой, а уже в 14 лет вышла замуж и познакомилась с известными фуцзяньскими интеллектуалами – Янь Фу, Линь Шу и Чэн Баочэнем. В Фучжоу, одном из первых договорных портов, Военно-морская верфь и академия «произвели на свет большое количество морских офицеров, ученых, инженеров, переводчиков, дипломатов и, прежде всего, реформаторов» [10: 11]. Среди них были шурин Сюэ Шаохуэй Чэн Цзитун, который провел шестнадцать лет в Европе в качестве дипломата династии Цин (вернулся с двумя женами-француженками), и муж Сюэ Шаохуэй Чэн Шоупэн, который провел более короткое время в Европе и принимал активное участие в политике поздней Цин.

Чэн Цзитун был отправлен в Европу в 1870-х годах, получил указание изучать международные отношения и право, историю, литературу и европейские языки во Франции. Находясь в Европе, он написал несколько книг на французском языке, знакомящих жителей с китай-

ской литературой и политикой, а также заметки о своих наблюдениях за французской жизнью. Чэн Цзитун зарекомендовал себя как «защитник китайской культуры» [10: 76], который последовательно подчеркивал вклад женщин в культуру, подразумевая, что в этом отношении китайская культура превосходит свои западные аналоги. По возвращении в Китай он основал журнал о реформах, посвященный изучению западного права и республиканской формы правления, темам, которые позже стали центральными в трудах Сюэ Шаохуэй. В начале XX века в стихотворениях Сюэ Шаохуэй выступала за демократическую республику как идеальную политическую структуру для Китая. Чэн Цзитун также перевел гарантии Кодекса Наполеона на брак по свободному выбору, о равном статусе жены в браке и праве женщины на развод. Наньсю Цянь отмечала, что выпускники Военно-морской академии Фучжоу не только заботились о благосостоянии Китая, но и размышляли на темы свободы, демократии и гендерного равенства [10: 84].

Сюэ Шаохуэй впервые появилась на публике в 1897 году в Шанхае, где она и ее семья приняли активное участие в кампании за образование женщин. Она сделала блестящую карьеру переводчика, поэта и эссеиста. В частности, она подготовила «Предложения по созданию школы для женщин с предисловием» (1897). Лян Цичао в эссе «Об образовании для женщин» (1897) рассматривал образование для китайских женщин как способ ответить на критику Запада, что якобы их «бездействие» статус вызвал отсталость Китая: «200 миллионов ленивых и бесполезных людей», «праздных, как странники, и невежественных, как варвары» [11: 424]. Сюэ Шаохуэй отказалась обвинять женщин в том, что они стали причиной отсталости Китая. Ее многочисленные поэтические и прозаические произведения демонстрировали четкое понимание того, что фундаментальной проблемой, стоящей перед китайскими женщинами, была удушающая политическая и социальная среда, созданная в основном китайскими мужчинами.

Лян Цичао, как и большинство других мужчин-реформаторов, имел довольно узкое представление о том, какими должны быть женские способности:

«То, что в прошлом люди называли “талантливыми женщинами”, относится к тем, кто дразнит ветер и ласкает луну, срывает цветы и гладит траву, а затем сочиняет стихи в жанре цы или ши, чтобы оплакать весну и расставание. Это все. Выполнение подобных вещей не может рассматриваться как обучение. Если у мужчины нет других специальных навыков, и он только хвастается своими поэтическими достижениями, его

осудят как легкомысленного человека, и это тем более относится к женщинам! Под “обучением” я подразумеваю то, что поможет женщине раскрыться и жить в обществе» [11: 425].

Для Сюэ Шаохуэй поэзия развивает характер, это важный способ «культивировать свой характер и чувства» [11: 426].

Видение Сюэ Шаохуэй нового стиля «женского пути» (фудао) пронизывало предложения по учебному плану. Она разработала курсы китайского языка, которые обновили бы четыре традиционных аспекта фудао: фудэ (женская добродетель), фуюнь (женские слова), фугун (женская работа) и фужун (женская внешность). Учебные планы Сюэ Шаохуэй выходили далеко за рамки традиционных моделей «женского» поведения. Например, она рекомендовала изучать музыку, наряду с поэзией в жанре цы, чтобы помочь гармонизировать «отношения между супружескими парами»; географию, чтобы узнать «широту пяти континентов» и «красоту китайских гор и рек»; историю женщин, чтобы понять стандарты, по которым оценивалось их поведение; каллиграфию и живопись, чтобы улучшить художественную восприимчивость женщин; медицину для улучшения физического благополучия женщин и детей [11: 426–427]. «Предложения» Сюэ Шаохуэй, получившие широкое признание, были опубликованы в журнале реформаторов Цюши бао (Международное обозрение. 1897. № 9, 18 декабря и № 10, 27 декабря) и были одними из первых работ женщины в эпоху реформ, которые распространялись «современными» средствами массовой информации [11: 428].

Китайскому женскому обществу, школе и журналу удалось продержаться некоторое время после разгрома движения за реформы в сентябре 1898 года. Последний регулярный выпуск журнала вышел 29 октября 1898 года, а школа пропущившая до осени 1900 года. Однако защитники женского образования и прав женщин продолжали добиваться того, чтобы их голоса были услышаны. Сюэ Шаохуэй и ее муж, например, начали переводить и компилировать ряд западных литературных, исторических и научных работ, продвигая цели неудачных реформ 1898 года. В 1899 году пара начала работу над проектом «Биографии иностранных женщин» (Сюэ Шаохуэй и Чэн Шоупэн, 1906, завершено в 1903), в котором ставилась цель изучить женское образование в зарубежных странах [9]. Все еще сочетая политику с поэтикой, Сюэ Шаохуэй на страницах книги обсуждала политическую функцию женского литературного творчества

и образования и набросала идеальную женскую республику, вдохновленную греко-римскими богинями [11: 423]. Книга «Биографии иностранных женщин» содержит биографические очерки и рассказы об иностранных женщинах [4], в первую очередь европейских и американских, которые датируются с древности до 1885 года и делятся на двенадцать разделов. Первым китайским переводом Сюэ Шаохуэй и Чэн Шоупэн западной научной фантастики стала книга Жюля Верна «Вокруг света за восемьдесят дней». Супруги задумали перевести эту книгу в качестве учебного пособия по мировой культуре, истории, современной науке и технике.

Сюэ Шаохуэй была великой поэтессой, и ее четыреста пятьдесят стихотворений буквально описывали эпоху реформ в Китае. Она стала первой переводчицей-китаянкой (с помощью своего мужа) и одной из первых женщин-журналистов, ее многочисленные эссе и переводы иностранных романов, научной фантастики открыли китайской аудитории, в частности женщинам, гораздо более широкое видение мира. Сюэ Шаохуэй считала, что от женщин не следует требовать отказа от поэзии ради практических дел, так как эти два понятия тесно связаны.

ВЫВОДЫ

Наньсю Цянь утверждает, что китайские женщины-реформаторы конца 1890-х годов имели свою собственную повестку дня, конкретные стратегии достижения самосовершенствования и национального укрепления. Женщины были активными организаторами и изощренными мыслителями, придерживающимися совершенно иного отношения к традиции, чем большинство мужчин-реформаторов. Наньсю Цянь показала в работах, что задолго до движения за новую культуру (около 1915–1925), которое, как обычно считалось, положило начало движению за права женщин, Шанхайская кампания за образование женщин 1897–1898 годов уже начала решать эту проблему.

Ведущую роль в реформах 1898 года в Китае сыграла талантливая писательница и переводчик Сюэ Шаохуэй. Наньсю Цянь приходит к выводу, что внимание к деятельности Сюэ Шаохуэй расширяет и репериодизирует то, как мы понимаем негосударственную реформаторскую деятельность в последние годы правления Цин: деятельность реформаторов не ограничивалась смелыми политическими предложениями, представленными в Пекине во время знаменитых 100 дней реформ 1898 года; началась в 1860-х годах, вышла далеко за пределы столицы и охватила многие аспекты социальной и культурной жизни стра-

ны; была сформирована трудами как женщин, так и мужчин и продолжилась в других формах после того, как наиболее известные реформаторы были казнены или отправлены в ссылку.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод стихов и цитат из эссе с английского на русский язык выполнен автором статьи.

² Основные эссе, опубликованные в двенадцати выпусках журнала, можно сгруппировать следующим образом: Эссе о женском журнале «Образование китайской женщины»: Сюэ Шаохуэй «Предисловие к “Образование китайской женщины”»; Пань Сюань «История появления “Образование китайской женщины” в Шанхае»; Пань Сюань «О трудностях составления “Образование китайской женщины” и способе взаимодействия между китайскими и западными женщинами»; У И «История появления “Образование китайской женщины”»; Шэнь Цуйин «О том, как “Образование китайской женщины” может помочь школе для девочек»; Сунь Юнь «Предисловие к “Образование китайской женщины”».

Эссе о женском образовании: Сюй Фу «Отчет школы для женщин в поселении Цяньси, город Лунду, округ Яопин, префектура Чаочжоу»; Сюэ Шаохуэй «О связи между женским образованием и способом управления»; Лю Жэньлань «Письмо о развитии женского образования»; Кан Тунвэй «О преимуществах и недостатках женского образования»; Цю Юйфан «О равенстве женских и мужских школ»; Цзянь Ваньфан «О том, как женское образование улучшает политическую ситуацию в Китае»; Се Чжи «Женское образование как основа укрепления Китая»; Ян Ланьчжэн «О сбережении денег, выделенных на религиозные нужды, для улучшения женского образования»; Чэн И «Об организации образования для женщин»; Лю Цзин «Песня школы для женщин».

Эссе о равных правах: Ван Чуньлинь «О равенстве между мужчинами и женщинами»; Лу Цуй «О женском патриотизме»; Суй Няньцюй «Суй о военных делах», «О пересмотре свадебного ритуала для исправления обычая».

Эссе о науке и технике: Цюй Юйфэн «О медицинской науке», «Обилие работающих женщин», «Песня об уходе за шелкопрядами» [11: 417–418].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
- Смирнова Н. В. Движение за реформы в Китае в конце XIX века в трудах С. Л. Тихвинского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8. С. 30–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.547
- Смирнова Н. В. Женщины-реформаторы в движении за реформы в Китае в конце XIX века в работах Наньсю Цянь // XXXI Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. 23–25 июня 2021 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, П. И. Рысакова, А. О. Победоносцева-Кая. СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2021. Т. 1. С. 321–322.
- Смирнова Н. В. Роль цинской писательницы Сюэ Шаохуэй в реформах 1898 года в Китае в работах Наньсю Цянь // Россия – Китай: история и культура: Сб. статей и докладов участников XIV Междунар. научно-практ. конф. Казань: ЯЗ, 2021. С. 280–286.
- Тихвинский С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй // Тихвинский С. Л. Избранные произведения: в пяти книгах. Книга первая: История Китая до XX века. М.: Наука, 2006. С. 10–415.
- Тихвинский С. Л. Современная китайская историография движения за реформы в Цинском Китае // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 65–72.
- Johnson E. V. Timothy Richard's vision: Education and reform in China, 1880–1910 (Carol Lee Hamrin, Ed.). Cambridge, United Kingdom: The Lutterworth Press, 2014. 208 p.
- Luke S. K. Kwoong. Chinese politics at the crossroads: Reflections on the Hundred Days Reform of 1898 // Modern Asian Studies. 2000. Vol. 34. Issue 3. P. 663–695.
- Nanxiu Qian. Borrowing foreign mirrors and candles to illuminate Chinese civilization: Xue Shaohui's (1866–1911) moral vision in the biographies of foreign women // Nan Nü: Men, women and gender in early and imperial China 6.1 (March 2004). P. 60–101.
- Nanxiu Qian. Politics, poetics, and gender in late Qing China: Xue Shaohui (1866–1911) and the era of reform. Stanford: Stanford University Press, 2015. 392 p.
- Nanxiu Qian. Revitalizing the Xianyuan (worthy ladies) tradition: Women in the 1898 reforms // Modern China. 2003. October. Vol. 29, No 4. P. 399–454.
- Rethinking the 1898 Reform Period: Political and cultural change in late Qing China (Rebecca E. Karl, Peter Zarrow, Eds.). Cambridge (Massachusetts) and London: The Harvard University Asia Center, 2002. 288 p.

Original article

Natalia V. Smirnova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5225-8543; *burlana@mail.ru*

NANXIU QIAN ON FEMALE REFORMERS IN CHINA IN THE LATE XIX CENTURY

Abstract. The article analyzes the research of Nanxiu Qian, professor of Chinese Literature at Rice University, on women's participation in the Chinese Reform Movement of the 1890s. The research addresses the activity of female reformers during the 1897–98 Shanghai Campaign for Women's Education and the role of a talented writer and translator Xue Shaohui in the 1898 Reform Period in China. The professor's works show that during the Shanghai Campaign the first Chinese women's association, school for young elite women and women's journal *Chinese Girl's Progress* were created by the joint efforts of male and female reformers, and the issue of women's rights in China was raised. Nanxiu Qian concludes that attention to Xue Shaohui's work broadens and reperiodizes how we understand non-state reform activity in the last years of the Qing. It began in the 1860s, extended beyond the capital, encompassed many facets of social and cultural life, was shaped by the writings of women as well as men, and continued in other forms after the best-known reformers were executed or forced into exile.

Keywords: Nanxiu Qian, Chinese history, Shanghai Campaign of 1897–98, women's education, female reformers, Xue Shaohui

For citation: Smirnova, N. V. Nanxiu Qian on female reformers in China in the late XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):24–30. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.728

REFERENCES

1. Samoylov, N. A. Image of Peter the Great and ideology of the Reform Movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489 (In Russ.)
2. Smirnova, N. V. The Chinese reform movement of the 1890s in Sergei Tikhvin's research. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(8):30–37. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.547 (In Russ.)
3. Smirnova, N. V. Female reformers in the 1898 Reform Period in China in Nanxiu Qian's research. *Proceedings of the XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa*. St. Petersburg, 2021. Vol. 1. P. 321–322. (In Russ.)
4. Smirnova, N. V. The role of Xue Shaohui in the 1898 Reform Period in China in Nanxiu Qian's research. *Russia – China: history and culture: Collection of articles and reports of the XIV international research and practice conference*. Kazan, 2021. P. 280–286. (In Russ.)
5. Tikhvin'sky, S. L. The reform movement in China in the late XIX century and Kang Yuwei. *Tikhvin'sky, S. L. Selected works: in five books. Book one: History of China up to the XX century*. Moscow, 2006. P. 10–415. (In Russ.)
6. Tikhvin'sky, S. L. Contemporary Chinese historiography of the reform movement in Qing China. *Modern and Contemporary History*. 2006;1:65–72. (In Russ.)
7. Johnson, E. V. Timothy Richard's vision: Education and reform in China, 1880–1910 (Carol Lee Hamrin, Ed.). Cambridge, United Kingdom, 2014. 208 p.
8. Luke, S. K. Kwon g. Chinese politics at the crossroads: Reflections on the Hundred Days Reform of 1898. *Modern Asian Studies*. 2000;34(3):663–695.
9. Nanxiu, Qian. Borrowing foreign mirrors and candles to illuminate Chinese civilization: Xue Shaohui's (1866–1911) moral vision in the biographies of foreign women. *Nan Nü: Men, women and gender in early and imperial China* 6.1 (March 2004). P. 60–101.
10. Nanxiu, Qian. Politics, poetics, and gender in late Qing China: Xue Shaohui (1866–1911) and the era of reform. Stanford, 2015. 392 p.
11. Nanxiu, Qian. Revitalizing the Xianyuan (worthy ladies) tradition: Women in the 1898 reforms. *Modern China*. 2003;29(4):399–454.
12. Rethinking the 1898 Reform Period: political and cultural change in late Qing China (Rebecca E. Karl, Peter Zarrow, Eds). Cambridge (Massachusetts) and London, 2002. 288 p.

Received: 18 August 2021; accepted: 17 January 2022

ВАДИМ ОЛЕГОВИЧ ЗВЕРЕВ

доктор исторических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики в деятельности органов внутренних дел

Омская академия МВД России
(Омск, Российская Федерация)
zverevoma@mail.ru

НЕМЕЦКИЙ ШПИОНАЖ И БОРЬБА С НИМ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ФИНЛЯНДСКОМ (по документам военной контрразведки)

А н н о т а ц и я . Рассмотрены отдельные аспекты организации немецкого шпионажа в Великом княжестве Финляндском (1915–1916 годы). Обосновывается гипотеза о несущественной роли шведского участия в разведывательных планах Германии. Привлечение неопубликованных документов из российских архивохранилищ позволяет детализировать уже имеющиеся в финляндской и отечественной историографии представления о немецко-шведском шпионаже. Делается вывод о наличии ряда оснований, затруднявших эффективную борьбу контрразведки Северного фронта с немецкой агентурой в Финляндии. К наиболее серьезным препятствиям можно отнести принудительную реорганизацию органов финляндской полиции (их обновление за счет радикально настроенных национальных кадров), отсутствие реальных агентурных возможностей у контрразведки 6-й армии, использование большинства секретных сотрудников контрразведывательного отделения по финляндскому району не по назначению (для отслеживания революционных настроений на Балтийском флоте). Анализ указанных факторов позволил прийти к заключению о неспособности военных и политических специальных служб предвидеть и предупредить возникшие трудности в борьбе с более опытным и pragmatичным противником, нанести ему адекватный контрудар.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великое княжество Финляндское, немецкий шпионаж, шведский шпионаж, жандармская полиция, военная контрразведка

Д л я ц и т и р о в а н и я : Зверев В. О. Немецкий шпионаж и борьба с ним в Великом княжестве Финляндском (по документам военной контрразведки) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 31–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.729

ВВЕДЕНИЕ

Полагаем, история противостояния иностранных и российских спецслужб никогда не будет прочитана до конца. Спустя десятилетия и даже столетия исследователи могут лишь приоткрыть завесу тайны и, завершая изложение своих мыслей, поставить многоточие. Именно недосказанность и потребность в новых знаниях будоражат пытливые умы ученых, подвигая их к научным исканиям.

Актуальность изучения истории военного и морского шпионажа, а также противодействия ему силами контрразведывательных органов в Финляндии периода Первой мировой войны обусловлена обнаруженными в отечественных архивохранилищах неопубликованными документами. Речь идет об обширной и содержательной контрразведывательной переписке (1910–1916 годы). Ее участниками были Особый отдел Департамента полиции, морской атташе России в Швеции, начальник Моргенштаба Мор-

ского министерства России, главнокомандующий армиями Северного фронта и др. Особую ценность представляют материалы армейской и фронтовой контрразведки по финляндскому району за 1915–1916 годы (доклады, сводки агентурных сведений, списки секретных сотрудников, регистрационные листы на заподозренных в шпионаже лиц). Интерпретация названных документов позволит внести некоторые корректировки в уже сложившееся в историографии мнение о специфике немецкого шпионажа в Великом княжестве Финляндском (ВКФ) и, вероятнее всего, создать предпосылки для переосмысления самой идеи возможности полной победы царской контрразведки на «финляндском фронте незримой войны».

* * *

Ввиду неудавшейся к началу XX века политики унификации Великого княжества Финляндского (постепенная ликвидация автономии, эко-

номическая и военно-политическая интеграция в состав Российской империи, упразднение местного законодательства и др.) его территории стремительно превращалась в неподконтрольное Санкт-Петербургу «государство в государстве» или «мятежное государство». Радикализация некоторой части финляндского населения повлекла покушение на жизнь генерал-губернатора Финляндии Н. И. Бобрикова (3 июня 1904 года, г. Гельсингфорс), а в будущем последовали еще одиннадцать терактов¹. В результате состоявшегося 24 октября 1905 года вооруженного выступления политическая обстановка в княжестве еще более накалилась. «Сенат был свергнут... чины полиции и жандармы обезоружены и арестованы...», констатировал в своей «Записке о политическом положении в Финляндии» от 21 августа 1909 года заведующий Особым отделом Департамента полиции МВД России (далее – Департамент полиции) полковник Е. К. Климович².

Рост национальной идентичности финнов и их борьбы за независимость от «российской узурпации», с одной стороны, стимулировались революционными волнениями в Петрограде (внутреннее воздействие), с другой – попытками тайного политического влияния со стороны Германии (внешнее воздействие). В конце 1914 года немецкие дипломатические и военные круги приступили «к прямой подготовке вооруженных беспорядков в княжестве» [5: 74], вследствие чего в январе следующего года представитель германского военного ведомства Г. Фестенберг закупил 10 тыс. винтовок и боеприпасов. Оружие было скрытно размещено вдоль шведского побережья с тем, чтобы в случае необходимости быстро переправить его в Финляндию [5: 74].

Нестабильности внутриполитической ситуации, а вместе с ней и окончательной делигитимизации российской государственности во всех ее проявлениях способствовала сложившаяся в ВКФ атмосфера правового нигилизма. Он проявлялся в повсеместном саботировании губернскими и местными органами самоуправления (городские и сельские общины) верховенства российских законов. Жители княжества также не желали признавать юридическую состоятельность законодательных начинаний и соответствующей практики правительства, направленных на ограничение, а зачастую и полную ликвидацию финляндской автономии (законодательные нововведения 1899–1914 годов). Таким образом, с началом Первой мировой войны самодержавная власть в ВКФ была полностью дискредитирована. Это позволило германской разведке использовать финляндскую территорию для относитель-

но безопасной организации шпионажа против военной и морской безопасности России на ее северо-западе.

Историография германского шпионажа и контрразведывательной борьбы с ним в Финляндии (второе полугодие 1914–1918 год) представлена ограниченным числом научных трудов (большинство имеет лишь касательное отношение к предмету нашего научного интереса). Отметим прежде всего статью петрозаводского ученого И. И. Каявяряйнена. Он был в числе первых, кто актуализировал научные проблемы «активизма» (идеология и практика вооруженной борьбы, в том числе с использованием методов террора, против русских чиновников в ВКФ) и «егерского движения» (форма германо-финляндского сотрудничества в противостоянии с царским режимом) [2].

Один из ведущих зарубежных специалистов по истории германо-финляндских отношений Осмо Апунен заложил фундамент научного осмысливания деятельности германской разведки в Финляндии [7]. В 60–70-х годах XX века в фокусе пристального внимания финских историков оказалась главным образом проблема «егерского движения». Матти Клинге выдвинул гипотезу о «немецком толчке» «егерского движения», которое было инспирировано Германией. Эту точку зрения в более осторожной форме поддержал и упомянутый нами О. Апунен [5: 22].

В начале 2000-х И. Н. Новикова подготовила серьезный труд, в котором всестороннему и глубокому изучению подверглась проблематика немецкого участия в «политике революционирования» ВКФ и практике «государственной измены» как формы борьбы финской молодежи за независимость своей родины [5: 54–94]. Впервые в отечественной исторической науке предметом исследования стали так называемые Локштедтские курсы (местечко Локштедт близ Гамбурга, 1915 год) по обучению финляндских добровольцев подрывному делу и методам партизанской войны [5: 91–93, 98–99, 106–115]. Автор, в частности, отмечает, что «38 егерей в течение войны находились в распоряжении немецкого военно-морского штаба» и решали диверсионные и разведывательные задачи «на территории Финляндии, Скандинавии и даже российского Мурмана» [5: 112–113]. Публикация А. Л. Кубасова [1] во многом повторяет достижения отмеченных финляндских и отечественных историков по рассматриваемой нами теме.

Обобщить и проанализировать многолетний историографический опыт и привнести новое научное знание удалось Э. П. Лайдинену³, а поз-

же авторскому коллективу – Э. П. Лайдинену и С. Г. Веригину. В первой главе их монографии «Создание специальных служб Финляндии (1914–1919 годы)» с опорой на многочисленные финляндские и российские источники анализируются ранее малознакомые историкам проблемы немецкого и финского шпионажа, контрразведки Департамента полиции в ВКФ [3: 29–53].

В целом, судя по краткому историографическому обзору, содержание рассматриваемой проблемы не является исчерпанным полностью, в том числе ввиду недостаточно широкой источниковской базы (акцент главным образом делается на опубликованные монографии финляндских ученых). Возможно, привлечение к работе немецких авторов и неизвестных архивных материалов (в дополнение к тем из них, которые встретились И. Н. Новиковой в архиве МИД Германии) поможет расширить представление о специфике шпионажа в Финляндии. Наконец, соответствующий потенциал отечественных федеральных и региональных архивохранилищ также использован не в полной мере. И тем не менее если о месте и роли Германии в решении «финляндского вопроса», а также организации и финансировании, росте подрывной деятельности (и некоторых ее результатах) прогермански настроенной финской молодежи сказано почти все, то вопросы постановки немецкой (немецко-шведской) агентуры в ВКФ и реагирования со стороны жандармов и армейской контрразведки рассмотрены не до конца.

Итак, в начале XX века ВКФ являлось российскими «северными воротами». Все возрастающее тайное политическое присутствие Германии (в первую очередь поддержка сепаратизма и революционных настроений в финляндском обществе, «активизма» и «егерского движения») позволяло завладеть «ключами» к ним и попытаться девальвировать русский военный и морской потенциал. К примеру, по состоянию на 1900–1901 годы в него входили: Русский 55-й драгунский Финляндский полк, Лейб-гвардии 3-й стрелковый Финляндский батальон (частично укомплектован «финляндскими уроженцами»), Финляндский лейб-гвардии полк⁴, а также гарнизоны Свеаборгской и Выборгской крепостей. В водах Балтики, Ботнического и Финского заливов несли боевую службу корабли и субмарины Балтийского флота.

В разгар Первой мировой войны ослабление финляндского участка русской обороны могло быть возможным лишь в результате получения исчерпывающих разведывательных сведений о Финляндии.

«ФИНЛЯНДИЯ – ГНЕЗДО ШВЕДСКО-ГЕРМАНСКОГО ШПИОНАЖА»

Раскрывать заявленную нами тему начнем с высказывания начальника контрразведывательного отделения (КРО) штаба главнокомандующего армиями Северного фронта по финляндскому району ротмистра Капли. 25 октября 1915 года он докладывал:

«...я лично имел возможность ознакомиться с финляндскими порядками и пришел к убеждению, что уже с начала войны, а особенно теперь в Финляндии прочно свил себе гнездо шведско-германский шпионаж (курсив наш. – В. З.)»⁵.

Допускаем, что начинающий руководитель военной контрразведки и, как следует из личного дела ротмистра Капли, бывший адъютант жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог (до 5 октября 1915 года) имел определенные основания для данного заключения⁶. Однако не преувеличивал ли он степень шведского участия в германском шпионаже? Отвечая на этот вопрос, сделаем краткий экскурс в недавнюю историю разведывательного вмешательства в интересы морской безопасности России со стороны шведской дипломатии. Судя по информации, полученной русской императорской миссией в Стокгольме, к примеру, 20 августа 1910 года «местные военно-морские круги крайне заинтересованы маневрами нашего (Балтийского. – В. З.) флота в нынешнем году»⁷. О серьезности этих намерений свидетельствует тот факт, что уже 6 сентября шесть шведских офицеров прибыли в «Финляндские шхеры для тайного присутствия на предстоящих маневрах». Кадровых разведчиков интересовали «действия подводных лодок в узких фарватерах и способы высадки десанта...»⁸. Впрочем, разведывательные визиты шведских военнослужащих в Россию, как выяснилось, носили систематический характер. Весной 1912 года российский морской атташе в Швеции граф Келлер обеспокоенно докладывал в Моргенштаб о том, что

«ежегодно несколько шведских морских офицеров, говорящих по-русски, посещают Россию. Причем, время посещения совпадает приблизительно со временем наших морских маневров в Балтийском море»⁹.

Но уже с наступлением Первой мировой войны и резким изменением военно-политической конъюнктуры шведское Министерство военно-морских дел прекратило свою незаконную деятельность, связанную со сбором сведений о морских силах России. И поэтому к фразе ротмистра Капли о «шведско-германском шпионаже», а точнее к ее этимологической обоснованности, хочется отнестись с еще большим недоверием.

Контрразведчик не привел доказательств наличия равноправных начал, объединенной стратегии и взаимовыгодного партнерства у разведывательных ведомств Швеции и Германии (эти доводы мы не обнаружили и в других архивных документах). Да и можно ли рассуждать о паритетном характере, если первая из стран по-прежнему была в военном отношении слабой и придерживалась дипломатического нейтралитета, а вторая – имела мощный военно-наступательный арсенал и грандиозные захватнические планы, предусматривавшие абсолютное доминирование в Европе?

Согласимся лишь с тем, что официальная Швеция в форме тайных и опосредованных взаимоконтактов шла на политические уступки Германии. Подтверждение тому находим в советской историографии немецкого шпионажа в Российской империи (1914–1918). Из вывода И. Никитинского и П. Софина следует, что Швеция «не возражала» против существования при германском посольстве «самостоятельной шпионской организации» [4: 23]. Сказанное позволяет утверждать, что в военный период Швеция была страной с ограниченными суверенитетом и политической самостоятельностью. Во-первых, шведские власти действительно закрывали глаза на функционирование в немецком посольстве Стокгольма главной в Скандинавии резидентуры. Руководил этим «аналитическим центром» по обработке поступающих разведданных извне глава диппредставительства Хельмут Люциус фон Штоден¹⁰. Именно ему передавалась вся собранная из разных источников (например, от «активистов» и «егерей») разведывательная информация о расквартированных в ВКФ русских военных частях, фортификационных сооружениях, а также курсирующих вдоль финляндского берега или приварованных к нему судах Балтийского флота. С этой работой с апреля – мая 1915 года успешноправлялась в том числе «широкая агентурная сеть», созданная стокгольмским «Бюро информации» (финский разведцентр, работавший «под немецким контролем») [3: 42]. Как справедливо отмечают Э. П. Лайдинен и С. Г. Веригин, подготовленные им агенты привлекали к сотрудничеству большое количество финских обывателей из различных кругов общества [3: 45].

Во-вторых, официальный Стокгольм не препятствовал нелегальному передвижению финских добровольцев через Швецию в предместье Гамбурга (для прохождения разведывательно-диверсионных курсов) и обратно в ВКФ. «Не замечали» полицейские органы и созданные в столице для финнов, не прошедших

специальную подготовку в Германии, «двуихнедельные курсы, на которых обучали методам ведения разведки» [3: 45].

И, в-третьих, шведское правительство, имея некоторое представление о результатах разведывательных усилий Финляндского жандармского управления, не могло не знать о практике использования германской разведкой шведских подданных и шведов, проживавших в ВКФ. Сразу оговоримся, эта категория шпионов была незначительной по количеству и разнородной с точки зрения их принадлежности к делу разведки. Судя по встретившимся нам в архиве так называемым регистрационным листам¹¹, из 10 человек, задержанных жандармами по подозрению в шпионаже (в интервале с 14 июля 1915 года по 4 октября 1916 года), только двое были уроженцами Швеции, а четверо – шведами, имевшими российское подданство¹².

Первый из шведов – Густав Вестесон¹³ (место проживания – Швеция, род занятий – коммивояжер) был задержан 24 сентября 1915 года в Гельсингфорсе по указанию военной цензуры. В тексте перлюстрированного письма на адрес Военного министерства Германии шведский подданный рассматривал «условия перехода в германское подданство и на службу в германскую армию»¹⁴. Содеянное Вестесоном квалифицировалось как противоправное деяние и попадало под признаки преступления, предусмотренного ст. 108¹ (военный шпионаж) Уголовного уложения 1903 года (в ред. 1914 года).

Согласно другому документальному факту, где главными фигурантами были двое подданных России, 5 июня 1915 года на пограничном пункте в г. Николайстадте (Вазаская губерния) был задержан финляндский швед Мауритце Мексмонтане. При попытке выехать в Стокгольм у него была изъята «записка на шведском языке о месте нахождения наших (русских. – В. З.) броненосцев типа “Гангут”, крейсеров “Громобой” и “Диана”»¹⁵. Кроме того, в ходе обыска обнаружены

«клочки записки о политических делах в России... шесть записок о составе и вооружении судов нашей (русской. – В. З.) эскадры, обширная переписка об успехах немцев и прокламация с возбуждением финнов против России...»¹⁶.

Содержание названных материалов давало жандармским властям все основания заподозрить Мексмонтане в профессиональном шпионаже. Полагаем, на это мог указать незаконный способ приобретения вышеперечисленных военных сведений о русских вооруженных силах. Свободный доступ к ним был категорически запрещен текущим военным законодательством

(«Перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или речах или до-кладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается...»¹⁷). Кроме того, о профессионально-преступном подходе Мексмонтане свидетельствовало и его намерение тайно вывезти полученные сведения за границу.

7 июня 1915 года на том же пограничном пункте во время досмотра у шведского подданного Юханссона была «обнаружена записка с перечислением наших (русских. – В. З.) броненосцев и крейсеров»¹⁸. В ходе разбирательства студент Гельсингфорсского университета признался в том, что «по поручению Мексмонтана он узнал, какие суда нашей (русской. – В. З.) эскадры находятся на рейде...»¹⁹.

В содержательной части вышеприведенных регистрационных листов находим имена финляндских шведов Лейдениуса и Ранделина, которые в конце августа 1916 года фотографировали окопы русской армии в дер. Этсери Вазаской губернии²⁰. И, наконец, последним из шведов, поставленных на жандармский регистрационный учет, был житель дер. Бьёрке Вазаской губернии (Финляндия) торговец Густавссон. Согласно вскрытыму военной цензурой письму, 10 февраля 1916 года он написал в Швецию следующий текст:

«...карту крепости Свеаборг повез от него Гартвику другой человек, через Кваркен по Ботническому заливу, и обещал доставить еще дополнительные планы. Здесь же он извещает об усилении русских войск в г. Ваза (Николайстадт)»²¹.

Таким образом, опубликованные источники и неопубликованные архивные документы (по линии контрразведки) действительно подтверждают разные формы косвенного и прямого участия Швеции и шведов в военном и морском шпионаже против русского оборонного потенциала в Финляндии. Однако эпизодичный, неорганизованный, бессистемный и не всегда квалифицированный характер действий шпионов указывал на отсутствие у них какой-либо внутренней упорядоченности, структуры. И вообще, было бы некорректно отождествлять шпионаж шведов с концепцией разведывательного вмешательства Германии в приоритетные интересы России.

ОРГАНИЗАЦИЯ БОРЬБЫ СО ШПИОНАЖЕМ В ВКФ

Как известно, борьба со шпионажем в России военного времени находилась в компетенции МВД (Департамент полиции), Военного и Морского министерств. Их структурные подраз-

деления, и в частности Финляндское жандармское управление, КРО штаба главнокомандующего армиями Северного фронта по финляндскому району и штаба 6-й армии, морские КРО²², были призваны осуществлять комплексное контрразведывательное обеспечение военно-морской обороны Российского государства в ВКФ. Остановимся на кратком рассмотрении результатов работы жандармской и военной контрразведки.

Вскоре после задержаний и арестов (взятие под стражу с помещением в финляндские тюрьмы) вышеупомянутых шведов Густава Вестесона выслали за пределы России «как вредного иностранца», а его соотечественник Юханссон и соплеменники были привлечены к переписке в порядке «Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении» (дата утверждения 18 июня 1892 года). Данная уголовно-правовая мера воздействия была применена и к другим лицам, задержанным финляндскими жандармами за шпионаж в период с 14 июля 1915 года по 4 октября 1916 года: российской подданной польке Герте Шлискевич, российскому подданному латышу Гинцову, российскому подданному финну Герберту Маннсу, российской подданной русской Серафиме Тихоновой (все подозреваемые взяты под стражу)²³.

Резюмируя всю контрразведывательную работу в ВКФ, Э. П. Лайдинен и С. Г. Веригин утверждают, что было «задержано по подозрению в вербовке, шпионаже и саботаже 250 человек» [3: 52]. На основании этого недифференцированного индекса делается вывод о «существенном ударе», который был нанесен активистскому движению [3: 52–53]. Вероятно, эту же позицию разделяют И. М. Соломещ [6: 46, 105] и И. Н. Новикова²⁴, полагая, что «финляндский центр фактически перестал действовать: лидеры оказались либо в эмиграции, либо были арестованы» [3: 53]. Не вступая в заочную дискуссию с признанными специалистами по обсуждаемой научной проблематике (прежде всего Э. П. Лайдиненом²⁵ и С. Г. Веригиным), ввиду отсутствия у нас веских контраргументов, лишь усомнимся в категоричности сделанного ими заключения. Опираясь на малоизвестными документами политического розыска и военной контрразведки, обратимся к объективным (и частично субъективным) условиям и факторам, которые препятствовали своевременному и результативному реагированию на немецко-финский шпионаж. Во-первых, на фоне роста революционно-стачечных настроений в Санкт-Петербурге (весна – осень 1905 года) наблюдалась тенденция к частичной радикализации финского населения, пронизанного симбио-

зом противоречивых национал-патриотических (сепаратистских) и революционных идей. Одним из примеров их практического воплощения стала повсеместная ротация финляндских органов административно-полицейской власти, основу которой составили члены незаконной боевой организации «Войма»²⁶.

Спустя почти четыре года после произошедших политических катализмов посетивший ВКФ полковник Е. К. Клинович вынес приговор ее правоохранительной системе:

«Говоря об охранении Русских Государственных интересов в Финляндии, признаем, что на содействие ее полиции, даже в узких рамках, указанных Финляндскими законами, рассчитывать нельзя»²⁷.

2 мая 1912 года этот тезис нашел свое подтверждение в высказывании финляндского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Ф. А. Зейна:

«...финляндские полицейские власти не могут быть признаны настолько надежными, чтобы им можно было поручить выполнение столь важного в государственном отношении дела (борьба с военным шпионажем. – В. З.)»²⁸.

С наступлением мировой войны финляндские полицейские чиновники, уже не единожды разглашавшие служебные сведения о мерах по розыску шпионов, в том числе в местных газетах, начали относиться к выполнению своего профессионального долга по принципу: «Враг России – мой друг!» В результате, как следует из частично упомянутого выше доклада ротмистра Капли, например, гельсингфорская полиция во главе с Г. Хайкала «способствовала» немецкому шпионажу, а сами шпионы свободно проживали в Гельсингфорсе и некоторых других городах ВКФ²⁹.

Во-вторых, КРО штаба 6-й армии Северного фронта, оперативные интересы которого распространялись и на Финляндию, не имело на ее территории прочных агентурных позиций. Анализ документов под названием «Ведомости насаженных в районе Финляндии агентов-резидентов» за сентябрь, октябрь и ноябрь 1915 года показал наличие интенсивной «текучки агентурных кадров». Так, в очередной ведомости указывались новые агентурные клички или номера, не совпадавшие с аналогичными данными из предшествующих отчетов³⁰. Кроме того, вызывают некоторое недоверие сведения о большой и примерно одинаковой ежемесячной численности вновь набранных агентов (причем наименования городов их проживания в каждой из ведомостей не повторялись). В сентябрьской ведомости указаны 34 секретных сотрудника, в октябрьской – 31, ноябрьской – 27³¹. Вряд ли офицер-агентурист

из штаба армии старший адъютант подполковник (его фамилия в документе не значится, а роспись неразборчива) с такой регулярностью и быстрой морг вербовать агентуру если и не на вражеской стороне, то во враждебно настроенной по отношению к русской армии иноязычной среде. Также не следует недооценивать тот факт, что местное население, сплоченное вокруг идеи самоидентичности и выхода из-под самодержавного гнета, традиционно «ненавидело русских»³². В столь сложных условиях подбирать и приобретать реальную, промотивированную и добросовестную агентуру в масштабе княжества одному офицеру было попросту невозможно – тактически, физически и психологически. Если предложенная автором версия хотя бы частично оправданна, то перед нами пример явной фальсификации.

В-третьих, действовавшая к 1 января 1916 года в финляндском районе контрразведывательная агентура (Нейтральный, Морской, Осовский, Общественный, Гусь, Листок, Рублевый, Папа, Фролов) ротмистра Капли была не только малочисленной, но и, вероятнее всего, малорезультивативной. Так, единственный неоднократно отмеченный в документах контрразведки агент Нейтральный, при всей его профсостоительности (осведомление о финских новобранцах, рекрутировавшихся в германскую армию, выявление датского шпиона Бленнера Иоганеса и др.), не мог один осуществлять контрразведывательное обслуживание Гельсингфорса, в котором проживала 101 тыс. человек (данные по состоянию на 1902 год)³³. Помимо названных сотрудников были еще пятнадцать агентов, которые привлекались Каплей для наблюдения за революционерами (на военных судах в Гельсингфорсе и в Свеаборгском порту)³⁴, что не могло не скажаться негативно на показателях борьбы «на невидимом фронте».

И, в-четвертых, Финляндское жандармское управление помимо выявления финских и иностранных шпионов занималось приоритетным направлением своей деятельности – обнаружением случаев политического инакомыслия, нехватки которого в ВКФ, как было замечено выше, не ощущалось.

Таким образом, неблагоприятная оперативная обстановка, предательство финляндской полиции, фальшивые сведения об агентах (слабые позиции по контрразведке), отсутствие поддержки большинства финляндского населения, переориентация основных агентурных сил контрразведывательных и разыскных отделений на выявление революционных элементов в своей совокупности заметно осложняли на-

несение «существенного удара» по интересам немецко-финской разведки в ВКФ. Этот вывод соотносится с принятой в отечественной историографии противодействия шпионским угрозам военной безопасности России точкой зрения, согласно которой работа русской контрразведки в ходе Первой мировой войны была признана неэффективной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Германская разведка привлекла к решению своих оперативно-агентурных задач в Финляндии все антирусские силы. И если основная исполнительская роль на «незримом участке войны» была отведена финским добровольцам, и в первую очередь тем из них, кто прошел обучение «шпионскому ремеслу», то шведское участие в военных планах Германии было кратко-

временным, порой инициативным, как правило, непрофессиональным и безрезультатным. Шведские агенты так и не сумели передать немцам оперативно значимую информацию. Жандармская контрразведка в сотрудничестве с органами военной цензуры и жандармско-пограничного контроля, а иногда с опорой на данные, полученные от агентуры, задерживала с поличным подозрительных шведов и применяла в отношении их имевшийся инструментарий административно-или уголовно-правового воздействия.

В целом органы военной и жандармской контрразведки не представляли истинных масштабов, характера и результатов немецко-финского шпионажа в Финляндии, а потому им было сложно подготовить превентивный и соразмерный по своей силе контрудар. Надеясь на абсолютную победу в соперничестве с германской разведкой было преждевременно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 499. Оп. 1. Д. 95. Л. 2.

² Там же.

³ Лайдинен Э. П. Специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России в 1914–1939 гг. (по материалам архивов РК): Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2000.

⁴ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 35^а. СПб., 1902. С. 345.

⁵ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 487. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 224. Л. 11.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л.Ж (1910). Л. 5.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Д. 38л.Ш (1912). Л. 2.

¹⁰ В период между Русско-японской и Первой мировой войной он был первым секретарем посольства Германии в Санкт-Петербурге и занимался агентурной работой по сбору сведений о его военном, морском и военно-промышленном потенциале.

¹¹ Точное название типографского бланка: «Регистрационный лист № 1. Сведения о лице, заподозренном в шпионаже».

¹² РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 1–18.

¹³ Здесь и далее шведские имена и названия финляндских населенных пунктов, почерпнутые из «контрразведывательных документов», в данном случае регистрационных листов, приводятся в оригинальной орфографии.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Громов Н. А. Цензура и шпионство по законам военного времени. Пг., 1914. С. 35.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 16–17.

²¹ Там же. Л. 13.

²² Морская регистрационная служба Моргенштаба, Оперативная канцелярия штаба командующего Балтийским флотом, а также контрразведывательные пункты: Гангэ-Лапвикский, Николайстадтский, при штабе Свеаборгской крепости, при штабе Або-Аландской укрепленной позиции и КРО Ботнического залива.

²³ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 588. Л. 1, 10, 11, 18.

²⁴ Новикова И. Н. Германия и проблема финляндской независимости (1914–1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 123.

²⁵ Эйнар Петрович Лайдинен – известный карельский ученый, кандидат исторических наук, полковник (в запасе) – 1 ноября 2011 года ушел из жизни.

²⁶ РГВИА. Ф. 499. Оп. 1. Д. 95. Л. 12.

²⁷ Там же.

²⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 38л.Ш (1912). Л. 6.

²⁹ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 487. Л. 4.

³⁰ Там же. Д. 6. Л. 1–4, 5–8, 9–11.

³¹ Для сравнения: ротмистр Капля осенью – зимой 1915 года имел всего девять агентов по линии контрразведки и пятнадцать – по наблюдению за политически неблагонадежной средой.

³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 267 (1906). Д. 20. Л. 6.

³³ Маркс А. Ф. Географический и статистический карманный атлас России. СПб., 1907 (страницы не указаны).

³⁴ РГВИА. Ф. 2031. Оп. 4. Д. 487. Л. 108.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кубасов А. Л. На перепутье: Российская военная контрразведка в Финляндии и на Севере России в 1917 – первой половине 1918 гг. // Вестник Военного университета. 2009. № 4 (20). С. 139–144.
- Каявярайнен И. И. О деятельности финских активистов в 1914–1916 гг. // Ученые записки Карело-Финского государственного университета. 1955. Т. 5. Вып. 1. С. 57–66.
- Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Финская разведка против Советской России: специальные службы Финляндии и их разведывательная деятельность на Северо-Западе России (1914–1939 гг.). Изд. 2-е, доп. и испр. Петрозаводск, 2013. 295 с.
- Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. Тбилиси, 1942. 46 с.
- Новикова И. Н. «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблемы независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. 300 с.
- Соломеш И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. 90 с.
- Арунен О. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa 1914–1915. Helsinki, 1968. 293 р.

Поступила в редакцию 27.09.2021; принята к публикации 17.01.2022

Original article

Vadim O. Zverev, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia (Omsk, Russian Federation)
zverevoma@mail.ru

GERMAN SPYING AND COUNTER-ESPIONAGE IN THE GRAND DUCHY OF FINLAND (according to military counterintelligence documents)

A b s t r a c t. The article addresses some aspects of the organization of German espionage in the Grand Duchy of Finland (1915–1916). The author substantiates the hypothesis about the insignificant role of Sweden in Germany's intelligence plans. The use of unpublished documents from Russian archives enables to further detail and develop the ideas about German-Swedish espionage that already exist in Finnish and Russian historiography. It is concluded that there were a number of factors that hindered the effectiveness of the Northern Front counterintelligence struggle against German agents in Finland. The most serious obstacles included the forced reorganization of the Finnish police (its renewal with radical national cadres), the lack of real intelligence capabilities of the counterintelligence of the 6th Army, the use of most secret officers of the counterintelligence department in the Finnish region for other purposes (to track revolutionary sentiments in the Baltic Fleet). The analysis of these factors led to the conclusion that the military and political special services were unable to foresee and prevent the difficulties that had arisen in the fight against a more experienced and pragmatic enemy, and to inflict an adequate counterstrike.

Key words: Grand Duchy of Finland, German espionage, Swedish espionage, gendarmerie police, military counterintelligence

For citation: Zverev, V. O. German spying and counter-espionage in the Grand Duchy of Finland (according to military counterintelligence documents). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):31–38. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.729

REFERENCES

- Кубасов, А. Л. At a crossroads: Russian military counterintelligence in Finland and northern Russia in 1917 and the first half of 1918. *Bulletin of Military University*. 2009;4(20):139–144. (In Russ.)
- Каявярайнен, И. И. Activities of Finnish activists in 1914–1916. *Proceedings of Karelo-Finnish State University*. 1955;5(1):57–66. (In Russ.)
- Лайдинен, Э. П., Веригин, С. Г. Finnish intelligence against Soviet Russia: special services of Finland and their intelligence activities in the north-west of Russia (1914–1939). Петрозаводск, 2013. 295 р. (In Russ.)
- Никитинский, И., Софинов, П. German espionage in Russia during the War of 1914–1918. Тбилиси, 1942. 46 р. (In Russ.)
- Новикова, И. Н. “Finnish card” in German solitaire: Germany and the problems of Finland's independence during the First World War. Ст. Petersburg, 2002. 300 р. (In Russ.)
- Соломешч, И. М. Finnish tsarist policy during the First World War (1914 – February of 1917). Петрозаводск, 1992. 90 р. (In Russ.)
- Арунен, О. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa 1914–1915. Helsinki, 1968. 293 р.

Received: 27 September, 2021; accepted: 17 January, 2022

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА КИЭЛЕВЯЙНЕН

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7502-2525; kielev@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В КАРЕЛИИ

Аннотация. Актуальность обращения к проблемам истории физкультуры и спорта обусловлена особым вниманием современного общества к вопросам развития личности, охраны и укрепления здоровья, подготовки молодежи к труду, повышения творческой активности. Однако в современной России потенциал физической культуры и спорта не используется в полной мере для решения социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач. В статье рассматриваются проблемы создания системы управления физической культурой и спортом в Карелии (1918–1939 годы), представлено развитие массового физкультурного движения, оборонно-массовых видов спорта в конце 1930-х годов. Новизна исследования определяется введением в научный оборот ранее не опубликованных источников из фондов Национального архива Республики Карелия. Авторы впервые на основе анализа архивных документов, материалов периодических изданий рассматривают деятельность Совета физической культуры при ЦИК АКССР (1920–1936) и Комитета по делам физической культуры при Совнаркоме Автономной Карельской Советской Социалистической Республики (1936–1941), Школы мастеров спорта, организацию и проведение товарищеских встреч, показательных выступлений, всекарельских соревнований по различным видам спорта. Основными методами исследования являются историко-описательный и историко-сравнительный. Сделаны выводы о том, что созданные Советы физической культуры являлись государственными органами руководства и контроля в центре и на местах. Правительство страны использовало спорт и массовую физическую культуру в качестве инструмента не только укрепления здоровья широких масс трудящихся, но и способа повсеместной военизации населения. Показательные спортивные выступления, товарищеские встречи, спортивные соревнования имели важное значение в деле агитации и пропаганды физической культуры и спорта среди населения.

Ключевые слова: спорт, физическая культура, спортивные соревнования, Высший Совет физической культуры, Комитет по делам физической культуры, Карелия

Для цитирования: Калинина Е. А., Киэлевяйнен Л. М. Становление и развитие физической культуры и спорта в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.730

ВВЕДЕНИЕ

История физической культуры и спорта в 1918–1939 годах является предметом различных исследований современных историков. Данная тема хорошо изучена в исторической литературе. На основе широкого использования архивных и документальных источников авто-

ры обстоятельно освещали вопросы создания органов государственной власти по управлению физической культурой, развития массового спорта, истории развития отдельных видов спорта в СССР [1], [2], [3], [4], [5], [6]. Однако вопросы становления и развития системы физической культуры и спорта на территории Карелии в до-

военное время не нашли отражения в работах ученых. Современными исследователями уделялось внимание страницам истории по отдельным видам спорта: лыжного, стрелкового, футбола и легкой атлетики, как более распространенным и привлекательным среди жителей страны в 1920–1930-е годы. В последнее десятилетие появились работы карельских специалистов в области физической культуры, освещающие развитие физической культуры и спорта в довоенное время, судьбы спортсменов¹. Но эти исследования носят справочно-информационный характер и не затрагивают особенности развития системы физической культуры и спорта в довоенное время на территории Карелии.

Целью данной статьи является рассмотрение проблем становления и развития системы физической культуры и спорта в Карелии в 1918–1939 годах. Выводы авторов стали результатом анализа правительенных распоряжений этого времени, документов Национального архива Республики Карелия и материалов республиканской периодической печати. Деятельность государственных органов управления физической культурой в регионе по организации физкультурных коллективов, внедрению комплекса ГТО, проведению спортивных соревнований различного уровня, пропаганде и агитации спорта среди населения раскрывает особенности становления и развития физической культуры и спорта в Карелии в исследуемый период.

У ИСТОКОВ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

С первых дней существования СССР физическая культура и спорт были поставлены на службу укрепления здоровья людей, воспитания всесторонне развитого человека, подготовки молодежи к высокопроизводительному труду и защите Родины. 22 апреля 1918 года, реализуя постановление VII съезда РКП(б), ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов издал подписанный В. И. Лениным Декрет о всеобщем военном обучении рабочих в возрасте до 40 лет и допризывной подготовке молодежи начиная с 18 лет. Руководство физическим воспитанием и спортом было возложено на Всевобуч. Так, становление системы физической культуры и спорта в СССР началось на спортивных занятиях Всевобуча под руководством инструкторов спорта. Уже в 1919 году была создана программа физического воспитания допризывников, а в 1924 году – «Наставления по физической подготовке Красной Армии».

В июле 1925 года было принято постановление ЦК РКП(б) «О задачах партии в области фи-

зической культуры», где была дана широкая программа дальнейшего развития советского физкультурного движения. В нем указывалось, что

«физическая культура это не только метод оздоровления населения, его культурно-хозяйственной и военной подготовки, но и один из методов коммунистического воспитания масс, вовлечение их через занятия физической культурой и спортом в общественно-политическую жизнь страны»².

Особое внимание уделялось организации и проведению спортивных состязаний, которые рассматривались как один из способов вовлечения населения в занятия физической культурой и выявления спортивных достижений.

Массовые физкультурно-спортивные мероприятия (Дни спорта, спартакиады, олимпиады) являлись эффективной формой охвата физическим воспитанием широких масс трудящихся. По всей стране началось создание физкультурных коллективов по производственному принципу, стали проводиться спортивные праздники, соревнования по различным видам спорта, обустраивались спортивные сооружения.

В это время в Советском Союзе совершенствуется система физической культуры и спорта, создаются органы централизованного управления, школы высшего мастерства, спортивные клубы, секции, добровольные спортивные общества. Главной задачей было развитие массовой физической культуры и спорта. Для ее решения правительство использовало различные способы: организацию физкультурных коллективов, введение комплекса ГТО, проведение спортивных состязаний, товарищеских встреч, показательных выступлений.

В 1920 году при Главном управлении Всевобуча был создан Высший совет физической культуры, а на местах – советы физической культуры. Первым руководителем Совета, по предложению В. И. Ленина, был назначен Николай Ильич Подвойский – председатель Военно-революционного комитета в Петрограде. С окончанием Гражданской войны деятельность Всевобуча приостановилась. Военная подготовка граждан в мирное время оказалась ненужной. Всевобуч расформировали, а развитием физической культуры и спорта вплотную занялись комсомол и профсоюзы.

В середине 1923 года руководство в сфере физической культуры было передано вновь созданному Высшему совету физической культуры (ВСФК), председателем которого стал комиссар здравоохранения Н. А. Семашко. Организация ВСФК явилась важным событием на пути созда-

ния единой системы государственного управления физкультурным движением [5: 190].

В 1930-е годы шло дальнейшее совершенствование центральных и местных государственных органов руководства физической культурой и спортом. Президиум Центрального исполнительного комитета СССР в 1930 году вынес постановление «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при Центральном Исполнительном Комитете Союза ССР». ВСФК стал центральным органом руководства физической культурой и получил государственное финансирование. В его подчинение вошли все Советы физической культуры при ЦИК союзных республик. На местах создавались республиканские Советы физической культуры, куда входили представители отделений здравоохранения, образования, партии, комсомола, губисполкома и профсоюза, местных спортивных организаций, а на предприятиях стали формироваться физкультурные коллективы. В ноябре 1936 года создается новый государственный орган руководства физкультурным движением – Всесоюзный комитет по делам физкультуры при Совете народных комиссаров СССР.

Совет физической культуры при губернском военном комиссариате Карельской трудовой коммуны действовал в течение 1921–1922 годов под руководством начальника полкового территориального округа И. Нестерова. За год было проведено семь заседаний, на которых слушались доклады о деятельности Всевобуча, положении спортивной работы в республике, обсуждались проблемы отсутствия финансирования, специальных помещений и спортивного инвентаря. Работа Совета в эти годы сводилась к составлению планов, обсуждению проблем развития физической культуры в республике, поиску финансовых средств, активной деятельности Совет не проявлял. В итоге его работа «оказалась в конце концов бесплодной и ненужной», и он был распущен³.

В 1923–1929 годах сфера физической культуры и спорта в Карелии находилась под руководством комсомольских организаций, а обеспечение финансовой поддержки возлагалось на профсоюзы.

В феврале 1930 года карельский Совет физической культуры был вновь организован при ЦИК АКССР. Его председателем был назначен В. В. Ефремов. С ноября 1936 года Совет был реорганизован в Комитет по делам физической культуры при Совнаркоме АКССР. В это время на местах стали создаваться городские комитеты. Петрозаводский городской комитет по делам физкультуры появился в 1929 году. Пер-

воначально на местах районные Комитеты не создавали, там работали районные уполномоченные. В 1930-е годы в каждом районе Карелии были организованы районные комитеты по делам физической культуры. Отметим, что к 1941 году в республике действовало 34 таких комитета (один городской – в Петрозаводске и 33 районных).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОЛЛЕКТИВОВ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1930-е годы началась перестройка физкультурного движения по производственному принципу, повсеместно создавались физкультурные коллективы на предприятиях, в учреждениях, учебных заведениях. В коллективах появляются физорги, в основном опытные спортсмены-общественники. Физкультурная работа была включена в социалистическое соревнование. Первые коллективы физкультуры на промышленных предприятиях Карелии были созданы в конце 1920-х годов. Первоначально они появились в Петрозаводске (на железнодорожной станции, Онегзаводе и лыжной фабрике), в Кондопоге (на бумажном комбинате) и Ухте (на лесозаводе) – будущих центрах развития спорта в Карелии. Пионером массового физкультурного движения в республике стал райпрофсоюз Мурманской железной дороги, который одним из первых в Петрозаводске организовал коллектив физкультуры.

С 1935 года физколлективы начали свою работу и в лесных карельских поселках на лесоучастках в Лососинном, Матросах, Вилге, Суне. Спортсмены и физкультурники, работая на заводах, фабриках и в леспромхозах становчиками, слесарями, каменщиками, лесорубами, успешно совмещали свою работу со спортивной деятельностью. Все они были стахановцами, перевыполняли нормы выработки, создавали коллективы физкультуры, участвовали в спортивных состязаниях разного уровня.

Количество карельских коллективов физкультуры к 1939 году значительно увеличилось. В начале 1930-х годов в республике было создано четыре городских спортивных организации, в 1935 году – 47, а в 1939 году – 237 (132 в городах и 105 в сельской местности)⁴.

Занятия физической культурой и спортом для членов физколлективов проводились двумя способами: организованно – в школах спортивного мастерства или секциях под руководством инструкторов по спорту или тренеров, а также самостоятельно – в свободное от основной работы время. Как правило, в городах действовали спортивные секции, а в сельской местности спортсмены тренировались сами. Занятия по лет-

ним и зимним видам спорта проводились инструкторами бесплатно. В организации спортивных занятий по различным видам спорта возникал ряд проблем. Кадровый вопрос решался за счет привлечения к работе инструкторами по спорту бывших военных, а отсутствие спортивных залов, ковров, инвентаря, формы не останавливало любителей спорта. Например, в Кондопоге для занятий французской борьбой не было «ни помещений, ни мата, ни круга, ни боксерских рукавиц и другого инвентаря, но физкультурники... приобрели и сами изготовили нужный им инвентарь»⁵, нашли помещение для занятий. Подобная ситуация была повсеместной. Более приемлемые условия для занятий спортом были только в Петрозаводске в Школе мастеров спорта, которая открылась в августе 1934 года. В ней начали работу отделения гимнастики, французской борьбы и бокса. Помещение для проведения занятий арендовалось в Доме народного творчества добровольного спортивного общества «Спартак»⁶. ВСФК АКССР брал на себя оплату за «отопление, чистый, освещенный и оборудованный спортзал, раздевалку и массажную комнату»⁷. Спортсмены занимались в течение двух лет по два дня в неделю с 20 до 22 часов. За время обучения они знакомились с основными приемами, техническими и тактическими действиями в своем виде спорта, правилами спортивных соревнований. Много времени уделялось физической подготовке занимающихся.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КОМПЛЕКС ГТО

С 1931 года большим стимулом к дальнейшей активной массовой деятельности в области физкультуры и спорта стало введение Всесоюзного спортивного комплекса ГТО. Его внедрение проходило везде и массово. В формулировках документов того времени цель комплекса ГТО звучала так: всестороннее физическое развитие человека, укрепление и сохранение его здоровья, подготовка к высокопроизводительному труду и защите Родины, формирование духовного и морального облика человека. Сдать все нормативы можно было только при условии систематических тренировок. Тем, кому удавалось это сделать, вручали в качестве награды специальные значки.

Центральные органы стали определять контрольные цифры государственного заказа по выполнению нормы ГТО для всех региональных комитетов физкультуры, которые в свою очередь распределяли их по городским и сельским советам. Как правило, не всем участникам удавалось выполнить нормативы в пол-

ной мере. Для большинства физкультурников нормы ГТО были достаточно высоки и практически недостижимы. Важно отметить, что ежегодно контрольные цифры повышались, и хотя общая численность сдающих нормы ГТО увеличивалась, полностью выполнить установленные нормативы не удавалось. Так, в 1931 году по плану ВСФК 4000 карельским физкультурникам необходимо было сдать нормы I ступени ГТО. Однако, судя по архивным документам, только 583 (14,5 %) человека смогли получить наградные значки⁸. В 1934 году контрольные цифры по обязательной сдаче норм ГТО составляли 6000 человек, а уложились в нормативы только 1441 (24 %)⁹, в 1935 году из 11000 человек полностью сдали 3800 (34,5 %)¹⁰. Тем не менее этот спортивный комплекс стал основой массового физкультурного движения на местах.

СПОРТИВНАЯ ЖИЗНЬ В КАРЕЛИИ В 1930-Е ГОДЫ

Постановление ЦК РКП(б) «О задачах партии в области физической культуры» (1925) заметно активизировало спортивно-массовую работу как средство пропаганды и популяризации физической культуры и спорта. В 1930-е годы проведение спортивных праздников, показательных выступлений, товарищеских встреч, соревнований по различным видам спорта становится особенно популярным. В городах, селах и деревнях проводились спортивные вечера, на которых демонстрировались показательные выступления гимнастов, легкоатлетов, бои боксеров и схватки борцов. Как правило, спортивные мероприятия проходили на гимнастических площадках, в залах кинотеатров, сельских клубах, привлекая значительное количество зрителей. Власти старались использовать эти мероприятия в целях пропаганды основ советского строя. Особенное значение в деле популяризации физической культуры и спорта играли товарищеские встречи с чемпионами и победителями всесоюзных соревнований. Такие соревнования давали возможность жителям провинциальных городов увидеть лучших спортсменов Советского Союза, поучиться и померяться с ними своими силами. Перед началом состязаний сотрудники Комитетов по делам физической культуры и спорта организовывали митинги с пением «Интернационала», приглашением партийных и советских руководителей, которые говорили о большом значении развития физической культуры и спорта в СССР. Во время митингов составлялись приветственные письма в адрес руководства страны. В Карелии такие показательные выступления организовывались в кинотеатре

«Триумф», где мастера французской борьбы, бокса, гимнастики демонстрировали свое спортивное мастерство. Так, летом 1932 года в Петрозаводск приехали борцы из Ленинграда, члены секции борьбы Красного Спортинтерна из Швеции. ВСФК АКССР организовал показательные выступления между шведской, ленинградской и карельской командами.

Большой интерес у петрозаводчан вызывали футбольные матчи. В августе 1930 года «любители футбола увидели хорошую игру в лице гостей – футбольной команды “Выборгский металллист”, занимавшего на тот момент III место в первенстве Ленинграда»¹¹. В 1933 году в Петрозаводск на празднование десятилетнего юбилея спортивного общества «Динамо» приехала команда футболистов из Архангельска. Товарищеская встреча закончилась со счетом 3:2 в пользу карельской команды.

Проведение товарищеских встреч по различным видам спорта активизировалось после выхода в свет Постановления IV пленума ВСФК Карелии в феврале 1936 года «О состоянии и перспективах физкультурной работы в Карелии», в котором требовалось «чаще устраивать междугородние и межрайонные встречи»¹². В этот период впервые в Карелии стали проводиться всекарельские спартакиады и олимпиады по различным видам спорта. Они устраивались ежегодно по летним и зимним видам, являясь знаменательными спортивными событиями в республике. На состязания в столицу республики приезжали спортивные команды из разных районов Карелии и, несомненно, привлекали внимание многих жителей города. Первая спартакиада по летним видам спорта (легкая атлетика, футбол и баскетбол) была организована в Петрозаводске в июне 1920 года. В ней приняли участие пять команд из Петрозаводска, Олонца, Вознесенья, Пудожа и Вытегры. Для привлечения зрителей состязания сопровождались игрой духового оркестра¹³. В марте 1921 года в акватории Онежского озера прошло первое лыжное первенство¹⁴. В августе 1923 года в честь пятилетия Всевобуча провели первую спортивную олимпиаду по легкой атлетике, гимнастике, футболу, а также по водным видам спорта (гребля, плавание, парусные гонки). В 1930-е годы всекарельские состязания стали проводить ежегодно.

Активная деятельность коллективов физкультуры по организации регулярной работы Школ мастеров спорта, спортивных секций, спортивных соревнований способствовала успешной подготовке спортсменов высшего спортивного мастерства. Несомненно, главными со-

стязаниями для спортсменов являлись соревнования всесоюзного масштаба. Среди чемпионов Советского Союза в 1930-е годы необходимо отметить лыжников. Так, выступая в лично-командном первенстве СССР на VI Всесоюзном зимнем празднике в Москве в 1933 году, сборная команда Карелии заняла I общекомандное место среди 16 команд, опередив лыжников Ленинграда и Москвы. Призерами на первенстве СССР по лыжным гонкам 1934 года стали М. Минина, В. Саукко и Г. Сивонен.

Французская борьба и бокс в 1930-е годы имели большое значение в спортивной жизни Карелии. Энергичное развитие этих видов спорта подтолкнуло появление в республике финских иммигрантов из Северной Америки и Финляндии. Финны проживали в разных населенных пунктах Карелии. Работая на промышленных предприятиях, в леспромхозах станочниками, каменщиками, слесарями, лесорубами, они успешно совмещали свою работу со спортивной деятельностью, создавали коллективы физкультуры, участвовали в спортивных состязаниях разного уровня.

Центрами развития французской борьбы и бокса были Петрозаводск, Кондопога и Матросы. Здесь проводились соревнования различного уровня: от товарищеских встреч до всесоюзных первенств, которые привлекали внимание многочисленных зрителей. Как правило, в Матросах и Кондопоге организовывали товарищеские встречи и межрегиональные турниры, в Петрозаводске – всекарельские и всесоюзные соревнования. Так, в ноябре 1934 года ВСФК АКССР пригласил в Петрозаводск команду чемпионов СССР по борьбе из Москвы¹⁵. Команда москвичей в течение двух дней боролась с карельскими боксерами. Все схватки с молодыми борцами были выиграны москвичами¹⁶. Несмотря на проигрыш карельскими борцами большинства схваток, представитель московской команды Г. Курдов отметил: «Борцы Карелии по силе и технике стоят в рядах лучших мастеров по французской борьбе нашего Советского Союза»¹⁷.

В марте 1935 года в Петрозаводске проводились Всесоюзные тяжелоатлетические соревнования, в которых принимали участие представители 12 регионов Советского Союза: Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Закавказья, Восточной Сибири и др. По итогам соревнований борцы из Карелии заняли IV место после команд Москвы, Ленинграда и Украины. В состав сборной ВЦСПС на международные соревнования в сборную Советского Союза вошли карельские борцы Б. Канерва и О. Кари. Примечательно,

что на заседании Президиума ВЦСПС была отмечена хорошая работа по подготовке карельских молодых мастеров спорта по борьбе¹⁸.

С 1936 года Всесоюзные первенства проводили по круговой системе. Команды от регионов СССР объединялись в группы, которые соревновались между собой, выявляя лучших спортсменов. Например, соперниками карельской команды борцов в отборочных турах 1936–1937 годов были ленинградская и горьковская команды. Сборная Карелии по борьбе выезжала на соревнования в Ленинград и Горький и встречала эти команды в Петрозаводске.

С большим интересом для публики прошел чемпионат Карелии по борьбе и боксу в августе 1937 года. Соревнования показали существенный рост численности атлетов в республике (42 борца и 19 боксеров). В списке значились команды-участники из Петрозаводска, Калевалы, Кестеньги, Кеми, Ругозера, Кондопоги, Прионежья, добровольные спортивные общества «Энтузиаст», «Спартак», «Динамо», «Темп», «Рот-фронт» и др.¹⁹ Звание чемпионов Карелии по борьбе завоевали представители финской диаспоры: Р. К. Хиета, А. М. Антила, Б. В. Сеппеля, Канерва, Ермолайнен, Т. И. Харью, Кууселя, Ю. Паакки, В. Лиукканен, В. Веса, Аалто, Сало²⁰. Однако репрессии 1937–1938 годов значительно изменили ситуацию в карельском спорте. Спортивные команды Карелии по многим видам спорта лишились своих спортивных лидеров и тренеров, сократился численный состав занимающихся физической культурой и спортом.

ВОЕНИЗАЦИЯ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В предвоенные годы советское правительство уделяло пристальное внимание развитию оборонно-массовых видов спорта. В это время главной задачей физкультурных организаций была подготовка молодежи к производственному труду и выполнению священного долга гражданина по защите Отечества. Значительное место в области физической культуры занимали прикладные виды спорта: стрельба, гранатометание, штыковой и рукопашный бой, фехтование, плавание, бокс, борьба и т. д. Повсеместно создавались кружки по стрельбе из винтовки, подготовке младшего и среднего медицинского персонала, изучению и вождению автомобиля или мотоцикла.

В высших учебных заведениях создавались военные кафедры. В теоретическом курсе обучения военной подготовке студенты изучали устройство военной техники, средства противовоздушной и противохимической обороны,

а на базе воинских частей летом организовывали учебные военные сборы. Во внеучебное время работали студенческие секции и кружки по обучению вождению мотоциклов, противохимической обороне, стрелковому делу. Ежегодно проводились студенческие спартакиады по стрельбе, устраивались многодневные походы в противогазах, а также различные военные игры на местности. Так, в Карельском педагогическом институте военно-физкультурная кафедра была создана в 1931 году. Она осуществляла физическое и военное обучение студентов, проводила массовые мероприятия и соревнования по военно-прикладным видам спорта. В 1937 году была проведена студенческая спартакиада по программе: противохимическая и противовоздушная оборона, лыжи, гимнастика, коньки и легкая атлетика. Самыми популярными в это время являлись соревнования по стрельбе из мелкокалиберной винтовки и револьвера. Студенты пединститута были активными участниками многодневных лыжных походов, которые в конце 1930-х годов стали приобретать военизированный характер – лыжники передвигались в противогазах в ночное время с проработкой тактических задач. Ежегодно в июне – августе организовывался учебный военный лагерь. К 1940 году в таких лагерях все студенты педагогического института, представители мужского пола, проходили военную подготовку²¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в 1918–1939 годах на территории Карелии проходило становление и развитие системы физической культуры и спорта. Карельский Комитет по делам физической культуры в соответствии с общегосударственной политической активизировал деятельность по созданию коллективов физкультуры на предприятиях республики, содействовал развитию различных видов спорта в регионе – легкая и тяжелая атлетика, лыжный спорт, спортивные игры (футбол, баскетбол, волейбол, хоккей) и др., что увеличило количество занимающихся физкультурой. Если в 1933 году численность физкультурников в Карелии составляла 8040 человек, то в 1941 году – уже 16 328²².

Однако общие итоги развития физической культуры и спорта в указанный период в Карелии были неутешительными из-за сложной экономической ситуации. Положение региона, отсталого в экономическом отношении (отсутствие крупных промышленных предприятий, разбросанность поселений, неразвитая сеть дорог), несомненно, оказывало влияние на станов-

ление и развитие физической культуры и спорта. Отсутствие стрельбищ, спортивных площадок, инвентаря, нехватка финансирования не позволяли выполнить задачи партии и правительства в полной мере. В деятельности республиканского и районных комитетов присутствовала бюрократическая волокита, гонка за выполнением плана сдачи норм ГТО. Особенно остро стояла кадровая проблема. Преподаватели и инструкторы не соглашались проводить занятия физической культурой и спортом бесплатно. Занятия физической культурой и спортом привлекали только городских жителей, а население в сельской местности

не принимало в них активного участия. Во многих районах Карелии в течение изучаемого периода так и не появились коллективы физической культуры, не были организованы соревнования, а в учебных заведениях не проводились уроки физкультуры.

Следует отметить успехи борцов финской спортивной корпорации. Победы на отборочных турах в розыгрышах первенства СССР, участие в чемпионатах Советского Союза ставили Карелию в число сильнейших команд страны. Однако репрессии 1937–1938 годов отрицательно повлияли на дальнейшее поступательное развитие спорта в Карелии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Киселев В. Петрозаводск спортивный. Петрозаводск, 2004. 96 с.; Колосов Г. В. Страницы футбольной истории Карелии: Книга-справочник. Петрозаводск, 2017. 100 с.; Лыжный спорт в Карелии / Сост. А. Ф. Типсин, А. М. Ершов, П. И. Петров. Петрозаводск; 2013. 218 с.; Прошутинский С. П. Война, спорт, жизнь. (По страницам истории карельского спорта). Петрозаводск, 2021.
- ² Основные постановления, приказы и инструкции по вопросам советской физической культуры и спорта 1917–1957 гг. / Под ред. И. Г. Чудинова. М.: Физкультура и спорт, 1959. 302 с.
- ³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 148/1229. Л. 25.
- ⁴ Там же. Ф. Р-860. Оп. 1. Д. 1/13. Л. 23; Д. 7/113. Л. 1.
- ⁵ Ману. Борьба и бокс в Кондопоге // Красный страж. 1936. № 9. С. 20.
- ⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-860. Оп. 1. Д. 6/90. Л. 8.
- ⁷ Там же. Д. 9/159. Л. 50.
- ⁸ Там же. Д. 1/12. Л. 48.
- ⁹ Там же. Л. 33.
- ¹⁰ Там же. Д. 1/13. Л. 23.
- ¹¹ Колосов Г. В. Страницы футбольной истории Карелии: Книга-справочник. Петрозаводск, 2017. С. 17–18.
- ¹² О состоянии и перспективах физкультурной работы в Карелии: постановление расширенного IV пленума Высшего совета физической культуры АКССР // Красный страж. 1936. № 1/2. С. 33.
- ¹³ Первенство губерний // Олонецкая Коммуна. 1920. 8 июня.
- ¹⁴ Каролреста. Лыжные состязания // Олонецкая Коммуна. 1921. 23 марта.
- ¹⁵ К встрече лучших борцов Москвы и Карелии // Красная Карелия. 1934. 21 ноября.
- ¹⁶ В. К. Москва-Карелия. Итоги соревнований по французской борьбе // Красная Карелия. 1934. 2 декабря.
- ¹⁷ В. К. Кто входил в состав сборных команд Москвы и Карелии // Красная Карелия. 1934. 2 декабря.
- ¹⁸ Итоги Всекарельских соревнований по борьбе и боксу // Комсомолец Карелии. 1937. 24 августа.
- ¹⁹ Атрахович К. На Всесоюзных соревнованиях по тяжелой атлетике // Красная Карелия. 1935. 27 марта.
- ²⁰ Итоги Всекарельских соревнований по борьбе и боксу // Комсомолец Карелии. 1937. 24 августа.
- ²¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. Р-1168. Оп. 3. Д. 13/118. Л. 54.
- ²² Там же. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 77/580. Л. 25.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абраменко М. Е. Создание системы физического воспитания и спорта в БССР (1921–1941 гг.) // Проблемы здоровья и экологии. 2005. № 1 (3). С. 148–152.
2. Белюков Д. А. Формирование органов управления физической культурой и спортом в России на региональном уровне в 1920-е гг.: (по материалам Псковской губернии) // Власть. 2010. № 11. С. 146–149.
3. Касинцев С. А. Проблемы развития физической культуры и спорта на Дальнем Востоке в конце 20-х – 30-е годы XX века // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2015. № 8 (126). С. 74–80.
4. Сарычева Т. В. Советская система физической культуры как социокультурный феномен XX века (на примере Западной Сибири, 1920–1991 гг.). Томск: Печатная мануфактура, 2019. 695 с.
5. Столбов В. В., Финогенова Л. А., Мельникова Н. Ю. История физической культуры. М.: Физкультура и спорт, 2000. 423 с.
6. Суник А. Б. Размышления о физкультурно-спортивном движении в постреволюционную эпоху (20-е годы) // Теория и практика физической культуры. 2005. № 5. С. 2–13.

Original article

Elena A. Kalinina, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

Larisa M. Kieleväinen, Cand. Sc. (Pedagogics), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7502-2525; kielev@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN KARELIA

A b s t r a c t. The relevance of addressing the problems of the history of physical culture and sports is due to the special attention of modern society to the issues of personal development, health protection and promotion, preparing young people for work, and increasing creative activity. However, in modern Russia, the potential of physical culture and sports is not fully implemented for solving socio-economic, educational and health problems. The article deals with the problems of creating a system of management of physical culture and sports in Karelia (1918–1939), tracks the development of mass physical culture movement, and discusses the development of mass defensive sports in the late 1930s. The novelty of the research is determined by introducing unpublished sources extracted from the funds of the National Archives of the Republic of Karelia into scientific circulation. For the first time, the authors analyze archival documents and materials from periodicals to investigate the activities of the Council of Physical Culture under the Central Executive Committee of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic (1920–1936), the Committee for Physical Culture under the Republic's Council of People's Commissars (1936–1941) and the School of Masters of Sports, as well as the organization and implementation of friendly matches, demonstration performances and all-Karelian competitions in various sports. The main research methods are the descriptive and comparative historical methods. It is concluded that the created Councils of Physical Culture were state bodies for leadership and control both in the center and in the periphery. Russian government used sports and mass physical culture as a tool not only for improving the health of the large masses of workers, but also for the widespread militarization of the population. Demonstration performances, friendly matches and sports competitions were important for conducting outreach campaigns and promoting physical culture and sports among the population.

Key words: sports, physical education, sport competitions, Supreme Council of Physical Culture, Committee for Physical Culture, Karelia

For citation: Kalinina, E. A., Kieleväinen, L. M. Formation and development of physical culture and sports in Karelia. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):39–46. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.730

REFERENCES

1. Abramenko, M. E. Development of physical training and sports system in BSSR (1921–1941). *Health and Ecology Issues*. 2005;1(3):148–152. (In Russ.)
2. Belyukov, D. A. Formation of governing bodies for physical culture and sports in Russia at the regional level in the 1920s: (based on the materials from the Pskov Province). *The Authority*. 2010;11:146–149. (In Russ.)
3. Kasantsev, S. A. Problems of development of physical culture and sports in the Far East in the late 1920, in 1930. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2015;8(126):74–80. (In Russ.)
4. Saricheva, T. V. Soviet system of physical culture as a socio-cultural phenomenon of the XX century (the case of western Siberia, 1920–1991). Tomsk, 2019. 695 p. (In Russ.)
5. Stolbov, V. V., Finogenova, L. A., Mel'nikova, N. Yu. History of physical culture. Moscow, 2000. 423 p. (In Russ.)
6. Sunik, A. B. Reflections on the physical culture and sports movement in the post-revolutionary era (1920s). *Theory and Practice of Physical Culture*. 2005;5:2–13. (In Russ.)

Received: 11 January, 2022; accepted: 31 January, 2022

ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОРОНЦОВА

кандидат богословия, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0272-6513; irinavoronc@yandex.ru

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ РОССИИ О ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВЕ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А н о т а ц и я . После революции в феврале 1917 года появилась возможность реализации многолетнего запроса Русской церкви на независимость от государства. В среде культурных, церковных и общественных деятелей началась дискуссия о новом статусе церкви и моделях взаимодействия церкви и власти, наметилась готовность просвещенного слоя русского общества к отделению церкви от государства. Задача статьи – проанализировать все предлагавшиеся в первом полугодии 1917 года модели церковно-государственных отношений и отследить эволюцию запроса. Цель статьи – определить, какие модели церковно-государственных отношений были представлены и как расставлялись акценты и приоритеты. Ответ на этот вопрос позволил бы выдвинуть предположение, что декрет Совнаркома об отделении церкви от государства и школы от церкви (1918) только закрепил внутреннюю готовность многих к тому, чтобы религия стала частным делом граждан, а Православная церковь – одной из общественных организаций. Сегодня актуально восстановление религиозного сознания в социуме как гаранта социальной стабильности, нравственности и традиционной этики, идет поиск механизмов взаимодействия церкви и государственных структур. Это указывает на необходимость обращаться к вопросу о том, что могло способствовать разрушению церковно-государственного союза, функционировавшего до 1917 года. Источниками стали книги и статьи культурно-общественных и церковных деятелей, изданные в первом полугодии 1917 года. Применены проблемно-хронологический, историко-генетический и нарративно-аналитический методы. Анализ содержания предложенных моделей взаимодействия церкви и власти в республиканской России 1917 года показал, что в течение марта – июня из поля зрения общественности исчезла теократическая модель начала века, и подтвердил, что запрос на церковную независимость был заменен в процессе дискуссии на полное отделение церкви от государства с постепенным вытеснением ее за пределы культурно-общественной жизни.

К л ю ч е в ы е с л о в а : церковь и власть, Февральская революция, модели взаимодействия церкви и власти, разделение церкви и государства, 1917 год

Д л я ц и т и р о в а н и я : Воронцова И. В. Общественность России о церкви и государстве в первые месяцы после Февральской революции // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 47–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.731

ВВЕДЕНИЕ

После Февральской революции в России 1917 года русское образованное общество решало вопрос о новых формах церковно-государственных отношений. «О желательных отношениях государства и церкви в новой России», – так можно было назвать немало статей и книг, напечатанных весной и летом 1917 года. Они принадлежали представителям общественности, по-разному относившимся к церкви: тем, кто был против перемен в церковной жизни, и тем, кто еще в 1905 году связал конституционную реформу с церковной, политизи-

ровав ее, а в 1917 году сохранял уверенность, что революция должна привести к «декларации» прав и свобод и в церкви. Волновал он и тех, кто ждал революцию религиозную. На то, какие были предложены формы церковно-государственного взаимодействия, влияла неопределенность внутриполитической ситуации в России с февраля по июнь 1917 года: политическая жизнь страны проходила сквозь череду быстро менявшихся событий. Несмотря на то что 2 марта 1917 года, в день отречения от власти императора Николая II, Временное правительство заявило о низвержении старого государственного строя, отрекшийся от престола

3 марта великий князь Михаил Александрович выразил готовность принять управление страной, если народ выберет монархию, проголосовав за большое число монархистов на выборах в Учредительное собрание. Это означало, что судьба власти еще могла измениться. Монархическое управление гарантировало бы христианский статус государства, и вопрос самодержавия как формы «церковно-политической власти» занимал в обсуждении свое место. Вместе с тем монархическое управление не дало Русской церкви ожидавшейся ею независимости. И если церковная интеллигенция до 1917 года была за автономию церкви, а религиозная – за теократическую форму власти, то после февраля и те и другие обсуждали отделение. 4 марта 1917 года к обязанностям обер-прокурора приступил В. Н. Львов, товарищем обер-прокурора стал церковный либерал, примыкавший к кадетам, «неохристианин» А. В. Карташев. Они и глава департамента духовных дел инославных исповеданий С. А. Котляревский стали готовить церковь к отделению. В марте начались аресты близких к Г. Е. Распутину епископов. Заявление В. Н. Львова о представлении церкви полной свободы на практике не действовало из-за права светских властей по своему усмотрению останавливать решения Синода. Накануне февраля и в начальный период законодательной деятельности Временного правительства церковь не имела того морально-нравственного авторитета, который позволил бы ей выступить влиятельной силой, а современники епископат такой силой не считали [19: 93]. 10 марта 1917 года журнал «Церковь и жизнь» писал: церковь в опасности, потому что во главе ее – те же чиновники и бюрократы, далекие от религиозной жизни, «что даст эта иерархия церкви в новой России?»¹ Журнал выступил за «очистку церкви» и отделение ее от государства.

По инициативе В. Н. Львова 14 апреля состав Синода был заменен, из прежнего в нем осталась только архиепископ Сергей (Страгородский). Как пояснял действия В. Н. Львова А. В. Карташев,

«во имя помощи и облегчения самой церкви и в переходе ее от подневольно-государственного положения к свободному выборному строю, Временному правительству нужно было... акушерски помочь рождению соборной реформы Церкви» [9: 376].

Под предлогом создания «демократической церкви» [11: 7], отстраняя епископов, новая власть в максимально короткое время стремилась «покончить» со старым строем [20]. Закон о свободе совести сделал 14 лет возрастом религиозного самоопределения, что создало предпо-

сылки для удаления Закона Божия из школьной программы и превращения его в факультативный предмет; постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» уже 20 марта лишило преемницу Русской церкви – Православную российскую церковь статуса первенствующей. 20 июня церковно-приходские школы были переданы в ведение Министерства народного просвещения. В таких обстоятельствах в русском обществе, при отсутствии оценки Синодом новой политической власти [2: 16], поднялась волна обсуждения положения церкви в государстве. Какие формы церковно-государственного взаимодействия были обсуждены, приняты или отвергнуты с марта по июнь? Стал ли большевистский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви насилием над общественным мнением? В предложенной парадигме вопрос не ставился и не был предметом научного исследования.

Интерес к установлению форм взаимодействия церкви и власти в государстве характерен для научных работ, анализировавших пребывание у власти Временного правительства и его законодательную деятельность [16], [17], [18], [20]. Ближе всех к нашей теме подошел А. В. Соколов, изучавший модели церковно-государственных отношений, предлагавшихся *политическими* силами в марте – июле 1917 года [17: 3, 4]. Внимание А. В. Соколова и А. Н. Егорова [6] привлекла деятельность на посту министра исповеданий А. В. Карташева и реализация его программы. Нас же интересует обзор частного мнения представителей русской общественности, не занимавших посты в правительстве. С. П. Синельников рассмотрел формирование модели церковно-государственных отношений церкви и Советского государства и пришел к выводу, что в феврале 1917 года складывалась система отделения церкви от государства в варианте «правомерного отношения государства и церкви» [16: 289]. Общественные силы, приближившие отделение церкви от государства, исследовались нами в парадигме социально-религиозного поиска в России начала XX века [3], вывод об объективной природе этого поиска продиктовал наше обращение к моделям, выдвигавшимся религиозной и церковной общественностью весной – летом 1917 года.

В задачу статьи не входило описание отношений Православной российской церкви и Временного правительства, – эта тема широко представлена в статьях, монографиях и учебниках церковной истории [1], [10], [14], [15], в том числе по правовой проблематике [5], [13]. За рамками

данной статьи оставлено обсуждение вопроса на Поместном соборе (1917–1918). Целью был опыт изучения узкого сегмента проблемы, чем обусловлен и короткий список историографии вопроса.

Источниками сведений об отношении к церкви в новой политической реальности высокодоказанных общественных и культурных деятелей выбраны статьи и книги, написанные весной – летом 1917 года. При отборе учитывались время выхода книги, знакомство автора с церковной историей, юридическое образование, отношение к революции и обновлению Русской церкви, вероисповедный аспект. Привлечены книги и статьи по проблеме «церковь и власть» профессоров П. Я. Светлова² и Н. Н. Фиолетова³, религиозных реформистов А. В. Карташевой⁴ [4] и А. А. Мейера⁵, кандидатов богословия Н. М. Малахова⁶ и В. П. Соколова⁷, В. В. Зеньковского⁸, доктора права П. В. Верховского⁹ и редактора журнала «Баптист» В. Г. Павлова¹⁰ [15], учтены высказывания доцента кафедры гражданского права Киевского университета В. И. Бощко¹¹, юриста (впоследствии автора декрета Совнаркома об отделении церкви от государства) М. А. Рейснера¹² [7], статского советника Н. В. Отрокова¹³. Такой широкий охват должен дать максимально верное представление о мнении общественности России по поднятой нами проблеме.

Применены проблемно-хронологический и историко-генетический методы, позволяющие учесть обстоятельства и динамику появления моделей (от марта к июню 1917 года), а также нарративно-аналитический метод, он призван определить основные дискурсы проблемы и дать описание моделей.

* * *

До февраля 1917 года вопрос об отделении церкви от государства в России существовал в трех парадигмах: «независимость (автономность) церкви» (сторонники – клирик и ортодоксальные миряне), «отказ церкви от союза с самодержавием» (сторонники – религиозная интеллигенция и христианские социалисты), «неизбежность союза церкви и государства» как естественного взаимодействия, продиктованного самой природой человека (церковная интеллигенция). Так, Н. В. Отроков отмечал, что присущее человеку религиозное чувство «является сильным двигателем... и в жизни целого народа, и в жизни... государства», и государство должно заботиться о развитии этого чувства у своих граждан. А поскольку это «развитие принадлежит церкви», стимулировать к тому призвано духовенство¹⁴. Н. М. Малахов

писал, что церковь не государство в государстве, но особая сила, которая предназначена при содействии благодатных средств проникать и преобразовывать жизнь государства. Церковь может и должна пользоваться политической организацией государства как одним из необходимых внешних и временных орудий для достижения своих целей, государство для нее среда, в которой должна развиваться спасительная деятельность церкви. Признававший «неоднородность» и различие природ и назначения этих двух «институтов», Н. М. Малахов сомневался, можно ли ставить вопрос о том, быть или не быть государству в союзе с церковью:

«Говорить о союзе между Церковью и государством столь же странно, как говорить о союзе между душой и телом. Как между душой и телом существует не союз, а живая, непосредственная, в самой природе их начертанная связь непрестанного взаимодействия, так точно такая же связь и отношение должны существовать между церковью и государством»¹⁵.

Эта модель естественного (бездоговорного) взаимодействия, не привязанная к конкретной политической форме правления, оставалась актуальной в марте – апреле 1917 года. Но после действий, предпринятых В. Н. Львовым, в сочинениях видных культурно-общественных деятелей появились и другие модели новых взаимоотношений церкви и государства: свободная теократия, договорной союз, правовая форма с полным отделением церкви от государства. Обсуждение их велось по нескольким направлениям: какие формы сосуществования церкви и государства есть в истории; в чем различие церковной и государственной областей; в чем выражается свобода церкви и ее независимость; может ли Православная церковь сохранить господствующее положение в новой России; есть ли опасность превращения православной России в безрелигиозное государство. Выяснялись понятия «церковь» и «государство», специфика областей их деятельности, разница и общие интересы, формы сосуществования церкви и государства, имевшие место в истории западного христианства. При выяснении вопроса о том, в чем выражается свобода церкви и ее независимость, участники обсуждения обращались к религиозной, политически-правовой и внутренней свободе церкви. Оценивались риски отделения церкви – гуманитарные, духовные и практические. Все, кто принял участие в этой неофициальной дискуссии (вне договоренности), придерживались того правила, что проблема должна рассматриваться в параметрах республиканской формы

правления и в условиях монокультурного государства.

Помимо этих моделей, с начала XX века в среде русской религиозной интеллигенции была распространена идея религиозной теократии. Она родилась как модификация византийской модели в догме «нового религиозного сознания», но с устранением православного самодержавия и предусматривала отказ церкви от связи с ним в той или иной форме (мистической, политической). В. В. Зеньковский считал абсурдом теорию Д. С. Мережковского о «мистической связи». Он опубликовал статью, в которой назвал исторический союз православия и самодержавия «церковно-политической» формой власти в России. «Крушению» этой формы «предшествовало, – как он полагал, – внутреннее падение самодержавия, и «давно уже оформилась идея необходимости преодоления самодержавия как церковно-политической формы»¹⁶. Более того, «самодержавие как исторический факт и самодержавие как церковно-политический идеал не только не совпадают, – написал он в 1917 году, – но... глубоко расходятся»¹⁷, самодержавие даже и не знало своего церковного идеала. По Зеньковскому, задача церкви (Царство Божье на земле) была делегирована ею государству в лице самодержавия. Та церковно-политическая идеология, которая сложилась в России, заключалась в «использовании существующей власти», и в этом ошибка русской теократической идеи¹⁸.

«Церковь пытается оплодотворить идею самодержавия... мечтала влиять на внешний государственный процесс, личность самодержца была проводником и кратчайшим путем к преображению государственности». Но «меньше всего в царизме было стремления к освобождению общества, к единению классов... нелицемерной любви к бедным и обиженным... Сплошное царство официальной лжи и борьба с нараставшим народным самосознанием...»¹⁹.

Зеньковский считал, что чем скорее церковное сознание похоронит свой былой идеал, тем ярче проявится в истории правда этого идеала и найдет для себя новую форму взаимодействия с государством. Значительная по объему статья Зеньковского явно была написана им весной 1917 года: несмотря на ее позднюю публикацию, она не вписывается в позднейший дискурс проблемы – полное или неполное отделение церкви.

В основу модели религиозной теократии была положена идея НРС о единстве (при вочеловечении Второй Ипостаси Святой Троицы) «земного» и «небесного», духовного и социального. Отделение церкви от государства интеллигенция НРС считала религиозной необходимостью. По С. Н. Булгакову, выступившему на I Все-

российском съезде духовенства и мирян, Февральская революция (будучи для государства политической) для Русской церкви имела «религиозное» значение: она освобождала народ от веры в «религиозное освящение» монархии²⁰. С приходом демократии рождался новый церковно-политический союз, и Булгаков считал, что при иерархической структуре церкви он будет таким же «соблазном», что и формула ««православие и самодержавие», которые рассматривались как нерасторжимое и существенное единство»²¹. По Булгакову, вместо этой формулы у церкви есть иное, религиозное обоснование, – вочеловечение Христа²², и полное отделение церкви стало бы «религиозным отделением», а этого нельзя допустить. При этом христианский социалист С. Н. Булгаков и «неохристианин» А. В. Карташев уже с 1905 года с политических позиций отстаивали различие природ церкви и государства, отрицая право государства диктовать церкви правила ее жизни, а церкви – применять дисциплинарные санкции к священнослужителям, занявшимся гражданско-правовой и политической деятельностью.

Профессор Высших курсов П. Ф. Лесгафта А. А. Мейер, как «неохристианин», верил в религиозную революцию в церкви и считал, что «государственное вмешательство не помогало бы делу, а только портило бы его», что вера в народе не исчезнет после революции, он сохранит церковь и позаботится о ее существовании без материальной помощи государства. Все, кто за свободу совести, должны быть и за отделение церкви от государства²³. Сотрудничавший с «неохристианами» В. П. Соколов, призываая в марте к смене церковных иерархов, писал: «...должно сказать твердо: долгие века путали вы Божье и кесарево. Теперь довольно. Наши дороги разошлись. Для новой России нет «господствующей церкви»²⁴. Он надеялся, что новый состав Синода проведет революцию в церкви.

Протоиерей П. Я. Светлов систематизировал формы церковно-государственных отношений, обсуждение которых шло с марта по май. Обращая внимание на духовную задачу церкви и ее роль в историко-культурном становлении христианских государств, Светлов подробно описал четыре известных в церковной истории типа отношений с государством: господство, подчинение, взаимодействие, разделение. Они же – латинский, протестантский, византийский, республиканско-правовой. Латинский и протестантский, считал он, отличаются «чрезмерным смешением кесарева с Божиим, т. е. государства и церкви, политики и религии»²⁵, византийский – при-

мирением этих крайностей. Предпочитаемый у нас многими, писал Светлов, византийский тип не был осуществлен и остается на положении идеала. А республиканский «создается неправильным разделением кесарева и Божия»²⁶.

Византийский тип, по Светлову, характеризуется признанием равноправия обеих сторон, имеющих свои задачи и пути их решения, а также стремлением к установлению взаимной пользы. Но после февраля 1917 года он уже многим представлялся внешним и поверхностным и не удовлетворял сторонников действительного взаимодействия церкви и государства. «Действительное взаимодействие» заключалось в *сотрудничестве* церкви и государства по строительству на земле Царства Божьего. (Акцент на Царстве Божием на земле был характерен для богослова, он, а также религиозные реформисты и социальные христиане считали, что это и есть историческая цель государства и христианства.) При сотрудничестве, писал Светлов, церковь и государство «внутренним образом и свободно, объединяются (как душа и тело в человеке) в одно целое, именуемое “свободной теократией или христианским государством”»²⁷, объединение устанавливается не принуждением и действием внешних мер, а естественным путем органического соединения власти с верующим народом.

Республиканско-правовой тип – это сосуществование свободной церкви и безрелигиозного государства. Этот тип, согласно Светлову, судившему по печати, собраниям духовенства и мирян и чрезвычайным епархиальным съездам, стал популярен весной 1917 года. Для модели этого типа характерно не отделение, а *разделение* церкви с государством. Полное разделение он противопоставил ранее искомой «автономии» и (в 1917 году) «отделению» церкви. Свобода церкви и отделение ее от государства, считал он, – вещи разные, и

«русская Церковь... была наиболее свободной в период самой тесной связи с государством в начале своей истории. ...Не всяким отделением достигается свобода Церкви, менее же всего полным отделением»²⁸,

не всяким союзом или связью церкви с государством отрицается свобода церкви. Автономия церкви достигается в неполном отделении, а проведение принципа «разделения» ведет к обратному – к самой тяжелой форме церковной зависимости, «похожей на гонение церкви»²⁹.

Разделение «ведет к безрелигиозному государству с безразличным отношением к религии как объекту частного права, даже к гонениям на религию... В своем чистом виде безрелигиозный тип полного разделе-

ния церкви и государства не наблюдается в истории, и представляется возможным разве только в теории»³⁰. «Полный разрыв государства с церковью есть решительная невозможность, отрицаемая понятиями о суверенитете государства и церкви, которая по своей видимой человеческой стороне – есть внешнее учреждение или общество, состоящее из... граждан того же государства; поэтому государство вынуждено всегда регулировать правовое положение религиозных обществ и причислять их к объектам публичного права, подвергая оценке их вероучения и правила жизни с точки зрения своих государственных интересов»³¹.

В ситуации надежды общественности на созыв осенью Учредительного собрания Светлов предлагал гражданам хорошенько подумать перед голосованием в Учредительное собрание: нужно ли российскому государству отделение церкви, равносильное ее упразднению?

Правовую форму предложили церковные интеллигенты П. В. Верховской, В. Г. Павлов, Н. Н. Фиолетов, юристы В. И. Бошко и М. А. Рейснер. В свете смены политических режимов в стране она представлялась наиболее приемлемой формой взаимодействия, к тому же одобренной в Европе.

П. В. Верховской писал свою книгу в атмосфере надежды на созыв Учредительного собрания весной 1917 года (созыв был перенесен на осень) и считал, что нужно к этому времени сформулировать все необходимые требования. Они должны быть направлены на решение того, «как сохранить исключительную историческую ценность» Православной церкви, за тысячу лет христианства ставшей в России «величайшей народной святыней»³². Он выдвинул договорной союз, который исключал разделение: церковь становилась независимой в ее внутренней жизни общественной организацией с рядом привилегий (например, священники и псаломщики признавались невоеннообязанными, церковь имела право учреждать высшие и средние учебные заведения и содержать их за государственный счет, преподавать Закон Божий детям православных родителей в светских и частных школах). Неприкосновенными оставались церковные землевладения и имущество, последнее освобождалось от налогов в случае отсутствия дохода; признавались судебные действия церковных учреждений, постановлений и должностных лиц. «Надзор» за церковью осуществлялся в общем судебно-административном порядке, государство по-прежнему выделяло денежные средства на церковные нужды³³. Это был вариант западно-христианского конкордата между светской и духовной властью.

За правовую форму с полным отделением церкви от государства от лица всех баптистов России высказался В. Г. Павлов.

«Мы, баптисты, – сказал он 3 апреля 1917 года, – считаем союз церкви с государством ненормальным, вредным для обеих сторон и решительно требуем отделения церкви от государства»³⁴.

Глава церкви – Христос, писал он, поэтому церковь не может сама от себя издавать законы; ни соборы, ни синоды, ни папы и собрания – ничто не может господствовать над нею³⁵. Такая постановка лишала церковь внутреннего самоуправления. В соответствии с законом о свободе совести, считал Павлов, Православная церковь не может быть господствующей, духовенство не имеет права на казенное содержание; права юридических лиц должны принадлежать всем религиозным общинам и союзам общин; курс православия может читаться в духовных учебных заведениях только в последний год обучения; преподавание Закона Божьего нужно сделать необязательным. Павлов предлагал считать религию частным делом; объявить все церковное имущество национальной собственностью, в том числе храмы, которые должно сдавать в аренду; духовные учебные заведения передать в ведение Министерства внутренних дел, церковно-приходские школы закрыть; ввести государственную регистрацию гражданских браков³⁶.

Н. Н. Фиолетов опубликовал статью весной 1917 года и считал, что правовые отношения церкви с государством вынуждают республиканскую власть положительно относиться к религии, к ее значению для общественной и государственной жизни; создавать условия, при которых могла бы свободно проявляться и развиваться религиозная жизнь: предоставлять каждой церкви право самоуправления, признавать публичными религиозные учреждения, предоставить духовенству особые права и особое положение, выделять ему материальную помощь³⁷. Очевидно, что модель правовых отношений Фиолетова предполагала признание обеими сторонами того, что государство и церковь «соприкасаются в живой и нераздельной человеческой личности». Церковь нуждается в организации, имущественных средствах для отправления богослужений и не может относиться равнодушно к общественной жизни, писал Фиолетов. При этом он был согласен с позицией тех, кто считал, что государство и церковь – «общества» различные (задача церкви – приготовление к Царству Божию, которое не от мира сего, а государство имеет целью установление внешнего порядка и содействие земному благополучию его членов). Фиолетов брал в качестве примера эволюцию госу-

дарств Европы (от «полицейского» – в правовое, обеспечивающее свободу совести и религиозных обществ и союзов). Церковный интеллигент Фиолетов учитывал, что правовая модель даст статус господствующей церкви той конфессии, к которой будет принадлежать большинство населения страны, что скажется и на церковных праздниках, и на обязательном преподавании Закона Божьего, и на положении духовенства и его имущественной поддержке.

Модель полного отделения поддержал В. И. Бошко, считавший, что в России слишком сильно «спаяны были... нити политики и религии». Как и А. В. Карташев, изменивший свое мнение на посту обер-прокурора в пользу отделения церкви, Бошко был за принцип постепенного отделения церкви от государства и считал, что оно обязано «обеспечить церкви безболезненный переход... в... положение свободной церкви в свободном государстве», что в дальнейшем приведет к полному отделению ее от государства³⁸.

М. А. Рейснер был известным специалистом в области государственно-конфессиональных отношений. Как либерал, он с начала века считал, что любые провозглашаемые в самодержавной России принципы в области «церковного» права выгодны лишь для господствующего строя, но при этом выступал за запрет публичной проповеди атеизма [7: 107]. Поддерживая свободу совести как естественное право человека, он смотрел на церковно-государственные отношения с позиции марксистов. Рейснер был убежден, что лишь не причастная ни к какой религиозной конфессии «общественная власть» может гарантировать свободу вероисповедания [7: 107, 108].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство моделей, предложенных в 1917 году, переводили историческую Русскую церковь в статус общественной организации; независимо от вероисповедной принадлежности их авторов в приоритете были узко правовые отношения церкви и государства (несущие риск полного разделения). Принятие новым советским правительством, несмотря на протест духовенства, декрета 1918 года де facto закрепило готовность общества к полному отделению церкви. Мы получили одну из худших, но ожидавшихся общественностью форм существования церкви и государства; началось преследование духовенства и мирян. Формировавшая культуру и менталитет России, церковь на долгие годы оказалась в бесправных условиях в атеистическом государстве с богоборческой властью и сегодня остается одной из общественных организаций, тогда как она – духовный институт с определенным

и неменяющимся содержанием. Как показал итог обсуждения 1917 года, моделируя церковно-государственное взаимодействие, следует учитывать принципы внутренней жизни церкви и охра-

нять ее традиции. Помещая церковь в чуждые ее природе условия социально-политической перестройки в государстве, мы подвергаем рискам устои и гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чего от нас ждет церковь? // Церковь и жизнь. 1917. № 5. С. 67.
- ² Светлов Павел Яковлевич (1861–1941) – протоиерей, магистр богословия (1886), с 1897 года профессор Императорского университета Св. Владимира (Киев).
- ³ Фиолетов Николай Николаевич (1891–1943) – специалист по церковному праву. Окончил Камышинское духовное училище, в 1913 году Московский университет, приват-доцент кафедры церковного права; в мае 1917 года профессор Пермского госуниверситета.
- ⁴ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – профессор СПбДА (1900–1905) и Высших женских (Бестужевских) курсов (с 1906), один из лидеров движения за церковную реформу в России.
- ⁵ Мейер Александр Александрович (1874–1939) – в 1895–1906 годах революционер; увлекся богоискательством, активный участник движения за церковную реформу в России.
- ⁶ Малахов Нил Михайлович (1884–1934) – кандидат богословия, в 1914–1915 годах редактор «Церковного вестника», издавал журнал «Церковь и общество».
- ⁷ Соколов Василий Петрович (1883 – не ранее 1931) – преподаватель словесности в гимназии М. С. Михельсона (Петроград); в 1917 году печатался в «Церковно-общественной мысли», в 1918 году в обновленческом журнале «Соборный разум».
- ⁸ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) окончил историко-филологический факультет Киевского университета (1908), магистр философии (1915), в 1906–1907 годах последователь С. Н. Булгакова; учредитель (1908) и председатель (1911) Киевского религиозно-философского общества, с 1916 года профессор Киевского университета.
- ⁹ Верховской Павел Владимирович (1879–1943) – крупнейший историк церкви Синодального периода, специалист по церковному каноническому праву, окончил (1906) Санкт-Петербургский университет и МДА; служил в канцелярии обер-прокурора Св. Синода (1906–1908), с 1909 года доцент кафедры русского права Варшавского университета, профессор (1913). Защитил диссертацию по вопросу об отношении церкви и государства в России (1917), разработал проект «Определения Священного Собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви».
- ¹⁰ Павлов Василий Гурьевич (1854–1924) – один из основателей, а с 1909 года председатель Союза баптистов России.
- ¹¹ Бонч-Бруевич Владимир Ильинич (1885–1949) окончил КДА (1910), юридический факультет Киевского университета (1918), доцент кафедры гражданского права (1920).
- ¹² Рейнер Михаил Андреевич (1868–1928) – публицист, кандидат права, участник I конференции РСДРП (в 1903–1905 годах продолжительно общался с социал-демократами, переписывался с Лениным); приват-доцент (1907–1918) Петербургского университета, после 1917 года участвовал в разработке первой советской конституции.
- ¹³ Отроков Николай Васильевич (1858–1940) окончил медицинский факультет МГУ, с 1905 года Вологодский уездный земский врач, организовывал народные библиотеки, школы, больницы. Имеет печатные труды по медицине.
- ¹⁴ Отроков Н. В. Должна ли церковь быть отделена от государства? Никольск, 1917. С. 4–5.
- ¹⁵ Малахов Н. Церковь и общество // Церковь и общество. 1916. № 1. С. 8.
- ¹⁶ Зеньковский В. В. Закат самодержавия // Церковно-общественная мысль. 1917. № 6. С. 7–8.
- ¹⁷ Там же. С. 9.
- ¹⁸ Там же. С. 11.
- ¹⁹ Там же. С. 14.
- ²⁰ Булгаков С. Церковь и демократия: Речь, произнесенная на первом Всероссийском съезде духовенства и мирян 2 июня 1917 г. в Москве. М., 1917. С. 7.
- ²¹ Там же. С. 3.
- ²² Там же. С. 8.
- ²³ Мейер А. А. Церковь и государство. Пг., 1917. С. 7.
- ²⁴ [Соколов В. П.] Чего от нас ждет церковь? // Церковь и жизнь. 1917. № 5. С. 67.
- ²⁵ Светлов П. Я., прот. О желательных отношениях государства и церкви в России // Церковно-общественная мысль. 1917. № 1. С. 8.
- ²⁶ Там же. С. 13.
- ²⁷ Там же. Курсив Светлова.
- ²⁸ Светлов П. Я. Есть ли основания к отделению церкви от государства. Пг., 1917. С. 2.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Светлов П. Я., прот. О желательных отношениях государства и церкви в России // Церковно-общественная мысль. 1917. № 1. С. 13.
- ³¹ Там же.
- ³² Верховской П. В. Церковь в обновленном государстве. Пг., 1917. С. 9.

³³ Там же. С. 15–16.

³⁴ Павлов В. Г. Отделение Церкви от государства. М., 1917. С. 4.

³⁵ Там же. С. 7.

³⁶ Там же. С. 36–28.

³⁷ Фиолетов Н. Н. Государство и церковь. М., 1917. С. 20.

³⁸ Бончко В. И. Отделение церкви от государства. Киев, 1917. С. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева А. В. Церковь и государство в России в начале XX века: Учеб. пособие по спецкурсу «Государство. Общество. Церковь. XX век». Ярославль, 1999. 44 с.
2. Васильева О. Ю. Российская православная церковь и Октябрьская революция 1917 г. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 12–29.
3. Воронцова И. В. «Заколдованный круг русского сознания»: проблемы социально-религиозного поиска в православной России второй половины XIX – начала XX века. М.; СПб., 2020. 933 с.
4. Воронцова И. В. Трактат А. В. Карташева «Реформа, реформация и исполнения Церкви» // Диалог со временем. 2021. Вып. 76. С. 70–84.
5. Государство, церковь и право. Конституционно-богословские и правовые проблемы: Материалы IX междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию восстановления патриаршества и избрания святителя Тихона (Белавина) на Всероссийский Патриарший престол. М., 2017. 502 с.
6. Егоров А. Н. Министр исповеданий А. В. Карташев и конфессиональная политика Временного Правительства // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 3. С. 843–885.
7. Исааков П. И. Роль М. А. Рейснера в подготовке Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2021. Вып. 98. С. 106–117.
8. Исповедь в застенках ВЧК. К биографии историка и общественного деятеля профессора и протоиерея П. В. Верховского // Вестник ПСТГУ. Сер. II. 2012. Вып. 5. С. 87–104.
9. Карташев А. Временное правительство и Русская Церковь // Современные записки. Париж, 1933. Вып. LII. С. 368–388.
10. Конфессиональная политика Временного правительства России: Сб. док. / Сост., пред. и комм. М. А. Бабкин. М., 2018. 558 с.
11. Лескин Д. Церковно-государственные отношения в преддверии Поместного собора 1917 года // Поволжский вестник науки. 2020. № 1. С. 7–12.
12. Николин А., с вяц. Церковь и государство: История правовых отношений. М., 1997. 429 с.
13. Кашеваров А. Н. Русская Православная Церковь между Февралем и Октябрем 1917 г. // Петербургская историческая школа. СПб., 2001. С. 153–169.
14. Печорин А. В., Сухарев Ю. М. Поместный собор Российской православной церкви и первый чрезвычайный Всероссийский съезд духовенства и мирян в воспоминаниях екатеринбургского протоиерея Алексия Игнатьева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2018. № 2. С. 148–180.
15. Потапова Н. Евангельские христиане и баптисты России в революционном процессе 1917–1922 гг.: трансформация идентичности (по материалам конфессиональной прессы) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 396–416.
16. Синельников С. П. К характеристике государственно-церковных отношений в России в 1917–1918 гг. // Русская словесность как основа Русского мира: Материалы XV Междунар. форума. Липецк, 2020. С. 288–291.
17. Соколов А. В. Временное правительство и Русская православная церковь: 1917 год: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 26 с.
18. Смолин М. Б. Церковь, государство и революция. М., 2013. 93 с.
19. Фирсов С. Л. Святейший Правительствующий Синод накануне и во время революции. Историко-социологический очерк // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 1–2. С. 90–103.
20. Фирсов С. Л. Православная церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России. СПб., 1996. 660 с.

Поступила в редакцию 22.10.2021; принята к публикации 17.01.2022

Review article

Irina V. Vorontsova, Cand. Sc. (Theology, History), Senior Researcher, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0272-6513; irinavoronc@yandex.ru

RUSSIAN PUBLIC OPINION ABOUT CHURCH AND STATE IN THE FIRST MONTHS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION

Abstract. The Revolution in February of 1917 gave an opportunity to fulfill the long-standing request of the Russian Orthodox Church for independence from the state. Cultural, church and public figures started a discussion

about the new status of the church and models of interaction between the church and the authorities, which revealed the readiness of the enlightened circles of Russian society for the separation of church and state. The objective of the article was to analyze all the models of church-state relations proposed in the first half of 1917 and to track the evolution of the request. The purpose of the article was to answer the question, what models of church-state relations were presented in the first half of the year, and how the emphases and priorities were set. The answer would help to suggest that the decree of the Council of People's Commissars on the separation of church and state and the separation of school and church (1918) only consolidated the internal readiness of many people to make religion a private matter of citizens, with the Orthodox Church being only one of public organizations. Today, it is important to restore religious consciousness in society as a guarantor of social stability, morality and traditional ethics, so, there is a search for mechanisms of interaction between the church and state structures. This indicates the need to address the question of what contributed to the destruction of the church-state union that existed before 1917. The sources were books and articles of cultural, public and church figures published in the first half of the XX century. The study methodology included the problem-based chronological method, the genetic historical method and narrative analysis. The analysis of the content of the proposed church-state interaction models in republican Russia of 1917 showed that from March to June the theocratic model of the early century disappeared from public view. It also confirmed that during the discussion the request for church independence was replaced with the idea of the complete separation of church and state with the gradual expulsion of church beyond cultural and social boundaries.

Keywords: church and state, February Bourgeois Democratic Revolution, church-state interaction model, separation of church and state, 1917

For citation: Vorontsova, I. V. Russian public opinion about church and state in the first months after the February Revolution. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):47–55. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.731

REFERENCES

1. Belyaeva, A. V. Church and state in the early-twentieth-century Russia: Textbook. Yaroslavl, 1999. 44 p. (In Russ.)
2. Vasilieva, O. The Russian Orthodox Church and the October Revolution. *State, Religion, and Church in Russia and Worldwide*. 2019;37(1–2):12–29. (In Russ.)
3. Vorontsova, I. V. "The enchanted circle of Russian consciousness": problems of socio-religious search in Orthodox Russia in the second half of the XIX century and the early XX century. Moscow, St. Petersburg, 2020. 933 p. (In Russ.)
4. Vorontsova, I. V. "Reform, reformation and replenishment of the Church": historical and analytical review of A. V. Kartashev's treatise. *Dialogue with Time*. 2021;76:70–84. (In Russ.)
5. State, church and law. Constitutional, theological and legal issues: Proceedings of the IX international research conference commemorating the 100th anniversary of the Patriarch's restoration and election of St. Tikhon (Bellavin) as the Patriarch of Moscow and All Russia. Moscow, 2017. 502 p. (In Russ.)
6. Egorov, A. N. Minister of Confessions A. V. Kartashev and confessional policy of the Provisional Government. *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*. 2021;5(3):843–885. (In Russ.)
7. Isakov, P. I. The role of professor M. Reusner in preparing of the decree on the separation of church from state and school from church. *St. Tikhon's University Review. Series II*. 2021;98:106–117. (In Russ.)
8. Confession in the dungeons of the Cheka. The biography of the historian and public figure Professor and Archpriest P. V. Verkhovsky. *St. Tikhon's University Review. Series II*. 2012;5:87–104. (In Russ.)
9. Kartashov, A. The Provisional Government and the Russian Church. *Contemporary Annals*. 1933;LII:368–388. (In Russ.)
10. Confessional policy of the Provisional Government of Russia: Collection of documents. Moscow, 2018. 558 p. (In Russ.)
11. Leskina, D. Church and state relations on the eve of the Local Council of 1917. *Volga Bulletin of Science*. 2020;1:7–12. (In Russ.)
12. Nikolin, A. Church and state: History of legal relations. Moscow, 1997. 429 p. (In Russ.)
13. Kasharov, A. N. Russian Orthodox Church from February to October of 1917. *St. Petersburg historical school*. St. Petersburg, 2001. P. 153–169. (In Russ.)
14. Pechorin, A. V., Sukharev, Yu. M. The All-Russian Church Council of the Russian Orthodox Church and the First Extraordinary All-Russian Congress of the Clergy and Laity in the memoirs of the Ekaterinburg Archpriest Alexey Ignatiev. *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*. 2018;2:148–180. (In Russ.)
15. Potapova, N. Evangelical Christians and Baptists of Russia in the revolutionary process of 1917–1922: transformation of identity (based on materials of the confessional press). *State, Religion, Church in Russia and Worldwide*. 2019;37(1–2):396–416. (In Russ.)
16. Sinechnikov, S. P. The characteristic of state-church relations in Russia in 1917 and 1918. *Russian literature as the basis of the Russian world: Proceedings of the XV international forum*. Lipetsk, 2020. P. 288–291. (In Russ.)
17. Sokolov, A. V. The Provisional Government and the Russian Orthodox Church: 1917: Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (History). St. Petersburg, 2002. 26 p. (In Russ.)
18. Smolin, M. B. Church, state and the Revolution. Moscow, 2013. 93 p. (In Russ.)
19. Firssov, S. L. The Most Holy Governing Synod on the eve and during the Kevolution. An historical and sociological essay. *State, Religion, Church in Russia and Worldwide*. 2019;37(1–2):90–103. (In Russ.)
20. Firssov, S. L. The Orthodox Church and state in the last decade of the existence of autocracy in Russia. St. Petersburg, 1996. 660 p. (In Russ.)

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА ЗЕЛЕНСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КИРОВСКОЙ МАГИСТРАЛИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть содержание и анализ результатов работ по модернизации железнодорожной инфраструктуры Кировской магистрали на каждом этапе войны. В годы Великой Отечественной войны перед коллективом железнодорожников Кировской магистрали стояли задачи стратегического характера. На начальном этапе войны требовалось оперативно осуществить переброску войск Северного, затем Карельского, фронта, вывезти в тыловые районы оборудование, сырье промышленных предприятий, население КФССР. В 1942 – первой половине 1944 года в новых территориальных границах было необходимо обеспечить бесперебойное снабжение частей и соединений Карельского фронта через армейские склады, расположенные на железнодорожных станциях, и максимально быстро переправить из г. Мурманска в тыловые районы страны грузы, поступавшие от союзников по антигитлеровской коалиции в период зимней навигации. После освобождения от оккупации части территории КФССР – восстановить железнодорожные коммуникации на всем протяжении Кировской магистрали. Методологическая основа работы включает в себя общенаучные и исторические методы познания. В результате проведенного исследования выявлено, что на каждом этапе войны модернизация железнодорожной инфраструктуры Кировской магистрали проводилась с учетом потребностей военного времени. Работы по расширению магистральной инфраструктуры и повышению транспортно-экономической связанности районов Европейского Севера не проводились.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Европейский Север, Кировская железная дорога, железнодорожная инфраструктура, модернизация

Для цитирования: Зеленская Ю. Н. Модернизация железнодорожной инфраструктуры Кировской магистрали в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 56–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.733

ВВЕДЕНИЕ

История железнодорожного транспорта России вызывает научный интерес. В советский период отечественными исследователями предпринимались попытки осветить основные направления деятельности железнодорожного транспорта в годы Великой Отечественной войны в масштабах страны. Значительный вклад в разработку данной темы внес Г. А. Куманев [10], [11]. На современном этапе внимание исследователей сосредоточено на изучении специфических особенностей функционирования отдельных железнодорожных магистралей [1], [4], [13]. Авторы научных трудов рассматривают процесс перевода работы железных дорог на военный лад, обеспечение эвакуационных и воинских перевозок, помочь фронту. В 2014 году, в преддверии празднования 70-летия Победы в Великой

Отечественной войне, в свет вышла монография «Волжская рокада и железнодорожное строительство в Поволжье в годы Великой Отечественной войны» [6]. В 2020 году в честь празднования 75-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне коллективом авторов была опубликована монография «От Тихого океана до Берлина и обратно: железнодорожники Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны» [17].

На Европейском Севере в годы Великой Отечественной войны бесперебойное сообщение тыла с фронтом обеспечивала Кировская железная дорога. Деятельность Кировской магистрали в военный период нашла отражение в отечественной историографии. Сведения о работе дороги встречаются в исследований Г. А. Куманева [10], [11], Н. С. Конарева [5],

П. В. Федорова [15]. На региональном уровне особое значение Кировской железной дороги отмечено в трудах А. А. Киселева [9], К. А. Морозова [12], С. Ф. Харитонова [16], С. Г. Веригина [2], [3], С. Д. Улитина [14]. В диссертационном исследовании Ю. Н. Зеленской рассмотрены различные аспекты деятельности Кировской магистрали в годы войны¹.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть комплекс мероприятий по модернизации инфраструктуры Кировской магистрали в контексте задач, которые стояли перед коллективом железнодорожников в разные периоды Великой Отечественной войны. Методологическая база работы состоит из общеначальных и исторических методов исследования.

СОСТОЯНИЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ КИРОВСКОЙ МАГИСТРАЛИ ЛЕТОМ – ОСЕНЬЮ 1941 ГОДА

В первые дни Великой Отечественной войны Кировская железная дорога оказалась в прифронтовой полосе. Пролегая параллельно линии Карельского фронта, в ситуации неразвитой системы автомобильного и водного транспорта и неблагоприятных климатических условий севера железнодорожная магистраль стала ведущей транспортной коммуникацией между тылом и фронтом, удаленными участками фронта.

На протяжении 1941–1944 годов коллектив дороги обслуживал нужды Красной армии. От деятельности железной дороги зависели оперативность сосредоточения, передислокирования и тыловое обеспечение войск Карельского фронта.

Для осуществления оперативных воинских поставок к размещенным на станциях складам 7-й и 14-й армий следовало перестроить работу транспорта на рельсы военной экономики. Кировская железная дорога перешла с мирного на воинский график перевозок в конце июня 1941 года. График воинских перевозок был составлен в довоенное время в период технической реконструкции железнодорожной инфраструктуры Кировской магистрали. К началу военных действий 1941 года завершить работы по созданию развитой транспортно-логистической системы не удалось². Неравномерность развития технологического комплекса железной дороги негативно сказывалась на оперативности выполнения приема, подготовки, экипировки и отправления паровозов, маневровых работ по расформированию и формированию составов, скорости движения воинских эшелонов.

На всем протяжении железной дороги, за исключением участка Волховстрой – Петрозаводск, действовала однопутная система движения³. Станции не имели тракционных путей, депо – наружных кочегарных канав, стояночных мест для горячих паровозов⁴. Погрузочно-разгрузочные работы на станциях производились медленно. Сказывалось отсутствие высоких платформ и дополнительных путей⁵.

Перестройка работы железной дороги совпала с интенсивными военными действиями, развернувшимися на территории КФССР и Мурманской области. Немецкие войска наступали в направлении Мурманска. Их поддерживали финские воинские формирования. Подразделения финнов в начале июля 1941 года пересекли советско-финляндскую границу и начали продвижение в направлении Кестеньги, Ухты, Ребол, Петрозаводска и Олонца. Противник стремился захватить Кировскую железную дорогу, остановить снабжение Северного фронта и парализовать поступление импортных грузов в СССР [8: 31, 35, 39, 40].

Наступление финских войск и оккупация части территории КФССР летом – осенью 1941 года прервали железнодорожное сообщение с центром страны. Реализация программы обновления станционного хозяйства Кировской магистрали была сорвана. Материально-техническое обеспечение частей 7-й армии прекратилось. Снабжение 14-й армии оказалось под угрозой.

В сложившейся ситуации потребовалось в кратчайшие сроки возобновить строительство железнодорожной линии от станции Сорокская Кировской железной дороги до станции Обозерская Северной железной дороги. Однопутная линия Сорокская – Обозерская проходила по побережью Белого моря с запада на восток и являлась связующим звеном между КФССР и Архангельской областью⁶. Функциональное состояние путевого и станционного хозяйства линии не соответствовало эксплуатационным требованиям и не могло обеспечить возраставшую потребность войск Красной армии в стратегических поставках. В течение августа 1941 года силами заключенных Сороклага НКВД, железнодорожников и местного населения проводились работы по реконструкции линии⁷.

Движение воинских и эвакуационных составов по линии Сорокская – Обозерская началось 1 сентября 1941 года. Полностью завершить строительство железнодорожных объектов к этому времени не успели. Линия функционировала в режиме временной эксплуатации⁸. Эшелоны следовали со скоростью, не превышавшей

5–6 км/ч. За сутки по линии проходило не более трех поездов.

В течение осени 1941 года для оперативной транспортировки наиболее важных и срочных эшелонов поезда стали переводиться на достроенные дополнительные станционные пути. Берега многоводной реки Онега соединил временный железнодорожный мост. Скоростные ограничения сохранились. Линия продолжала работать в аварийном режиме. Полотно железнодорожной линии лежало на дренирующем грунте. Требовалось довести балластный слой до проектной отметки⁹.

В чрезвычайной ситуации военного времени недостроенная железнодорожная линия Сорокская – Обозерская обеспечила в сложнейших природно-климатических условиях севера транспортировку эвакуационных грузов и снабжение войск Карельского фронта и Северного флота на начальном этапе войны.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ХОЗЯЙСТВО В 1942–1944 ГОДАХ

Летом – осенью 1941 года противник оккупировал значительную часть территории Карело-Финской ССР и перерезал Кировскую железнодорожную дорогу. Финские войска заняли железнодорожный участок Сортавала – Масельская. Волховстроевское отделение до станции Лодейное Поле (включительно) было передано для обслуживания Северной железной дороге¹⁰. Протяженность дороги сократилась на 867,8 км и в 1942 году составила 1434 км по главным путям и 419 км по станционным путям¹¹.

В течение 1942 – первой половины 1944 года коллектив Кировской магистрали обеспечивал снабжение армий Карельского фронта, осуществлял импортные перевозки. Основные объемы перевозок пришлись на линию Сорокская – Обозерская. Для увеличения ее пропускной и провозной способности в 1942 году развернулись строительные работы. В октябре 1942 года пропускная способность линии Сорокская – Обозерская составила 14 пар поездов в сутки, участковая и средняя скорости движения поездов – 23,8 и 28,7 км/ч соответственно¹². Повышению скорости движения железнодорожных составов способствовало строительство постоянного моста через реку Онега, разводного моста через Беломорско-Балтийский канал¹³, путей на станциях Сумпосад, Малошуйка, Нюхча и Мудьюга¹⁴, южного выхода на примыкании Сорокско-Обозерской ветки к Кировской железной дороге [7: 27]. За короткий срок временные системы водоснабжения, селекторной и телефонной связи были заменены постоянными¹⁵. В итоге в октябре

1942 года Сорокско-Обозерская линия открылась для постоянной эксплуатации¹⁶.

На других участках магистрали также проводились мероприятия по повышению уровня функционирования железнодорожного хозяйства. На Кемском железнодорожном узле в 1942 году были построены тупики, подъездные пути и два дополнительных пункта технического обслуживания. Работники станции Кемь получили возможность ремонтировать вагоны на месте самостоятельно. По введенной в эксплуатацию железнодорожной ветке Баба-Губа доставлялись дрова для отопления паровозов¹⁷. Снабжение паровозов водой на железнодорожном участке Кемь – Лоухи – Кандалакша стало производиться благодаря строительству дополнительных пунктов набора воды. К водоснабжению (через водопровод г. Мурманска) был подключен Мурманский железнодорожный узел¹⁸.

В 1943 году с целью дальнейшего развития станции Мурманск велось сооружение сортировочных, дополнительных и вытяжных путей¹⁹.

Для обеспечения бесперебойного движения поездов при разрушении больших мостов на Кировской железной дороге в 1942 году в эксплуатацию ввели мосты-дублеры. Запасные мосты строились без укладки на подходах к ним материалов верхнего строения пути. В случае разрушения основного моста его подходы переносились к мосту-дублеру. Осенью 1942 года был построен обходной мост через реку Кемь на расстоянии 180 м от металлического моста. Устройство деревянного моста-дублера через реку Волхов потребовало возведения обходного пути протяженностью 6 км. Мост располагался на расстоянии 507 м от основного металлического моста. За весь период войны по мосту-дублеру через реку Волхов прошли 87 поездов. Обходными мостами через реки Куреньга и Нименъга в военные годы служили отремонтированные старые мосты²⁰. Проведенные в 1942–1944 годах работы обеспечили исправное функционирование Кировской железной дороги в условиях позиционной войны.

Неразвитость железнодорожной сети, низкая пропускная способность, недостаточное количество подвижного состава оказались в период срочных воинских перевозок 1944 года. Для наступления войск Карельского фронта стягивались резервы. Пропускная способность Кировской железной дороги оказалась исчерпанной. Железнодорожный участок Имандра – Лоухи в сутки пропускал не более 13 пар поездов, Ручьи – Капройва – 6 пар, Лоухи – Беломорск – Кочкома – 12 пар. В ходе проведения операции по освобождению советского Заполярья про-

пускная способность железнодорожного участка Мурманск – Имандра составила 18 пар поездов в сутки²¹.

ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КИРОВСКОЙ МАГИСТРАЛИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

За годы оккупации инфраструктуре Кировской железной дороги был нанесен ущерб в размере 196 700 тыс. руб. Требовалось капитально восстановить паровозные депо Петрозаводск, Масельская, Суоярви, 230 мостов и других технических сооружений, 540 км железнодорожных путей для обеспечения наступления войск Красной армии²². На железнодорожных участках работали бригады восстановителей, местные жители, бойцы специальных подразделений. В 1944 году были восстановлены здания паровозных депо Лодейное Поле, Петрозаводск и Сортавала, деповские и складские пути, поворотные треугольники и круги, объекты путевого хозяйства дороги. Заработала система водоснабжения²³. Линии телефонной сети связали станции Петрозаводск, Медвежья Гора, Лодейное Поле, Суоярви и Сортавала, КФССР с Москвой и Ленинградом²⁴.

5 августа 1944 года в эксплуатацию был введен железнодорожный участок Лодейное Поле – Быстрыги, 29 августа – Томицы – Суоярви, 17 ноября – Нымозеро – Куолоярви, 28 ноября – Суоярви – Маткаселья²⁵.

Прямое сообщение на всем протяжении Кировской железной дороги началось 16 июля 1944 года. В этот день в Петрозаводск прибыл

первый поезд с юга²⁶, двумя днями ранее – первый поезд с севера²⁷. Скорость движения поездов по главной линии Кировской железной дороги составила 50 км/ч²⁸.

В 1945 году восстановительные работы на Кировской магистрали продолжились. Ремонтные работы проводились в мастерских и депо, на станциях, железнодорожных мостах через реки Свирь, Янега, Шуя и Видлица²⁹.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны велись работы по обеспечению бесперебойной работы железнодорожной инфраструктуры Кировской магистрали. На начальном этапе войны внимание сосредотачивалось на выполнении воинских и эвакуационных перевозок. Введение в эксплуатацию линии Сорокская – Обозерская обеспечило проведение транспортировки воинских и эвакуационных эшелонов в обоих направлениях. В последующие годы модернизация комплекса сооружений Сорокско-Обозерской линии и других участков магистрали привела к незначительному увеличению скорости продвижения и пропускной способности железной дороги. Железнодорожная инфраструктура оказалась не готова к интенсивной эксплуатации в период наступления войск Карельского фронта в 1944 году. На завершающем этапе войны осуществлялись работы по восстановлению разрушенных элементов железнодорожного хозяйства. Строительство новых объектов, способствовавших развитию железнодорожной инфраструктуры, не производилось.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Зеленская Ю. Н. Кировская железная дорога как стратегический объект Европейского Севера в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2016. 231 с.
- ² Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 4/29. Л. 90, 91, 94.
- ³ Там же. Л. 8.
- ⁴ Там же. Л. 131, 132.
- ⁵ Там же. Л. 83, 84, 85, 87.
- ⁶ Зеленская Ю. Н. Кировская железная дорога...
- ⁷ Прокконен П. С. Обозерская ветка // Север. 1977. № 6. С. 80.
- ⁸ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 2/10. Л. 6.
- ⁹ Там же. П-8. Оп. 1. Д. 291. Л. 2, 3.
- ¹⁰ Там же. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Ф. Р-528. Оп. 12. Д. 59/329. Л. 7, 8; Оп. 13. Д. 4/29. Л. 98.
- ¹² Там же. Л. 122.
- ¹³ Там же. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.
- ¹⁴ Из коллекции музея Петрозаводского филиала Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (ПГУПС).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ НАРК. Ф. Р-3435. Оп. 1. Д. 19. Л. 21.
- ¹⁷ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 715. Л. 46.
- ¹⁸ Там же. Д. 1/6а. Л. 32.
- ¹⁹ Зеленская Ю. Н. Кировская железная дорога...

- ²⁰ НАРК. Ф. Р-528. Оп. 13. Д. 1/6а. Л. 61–62.
- ²¹ Зеленская Ю. Н. Кировская железная дорога...
- ²² Там же.
- ²³ НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1747. Л. 2, 3.
- ²⁴ Там же. Л. 4.
- ²⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 88. Д. 1568. Л. 1–51; Д. 1569. Л. 1–33; Д. 1570. Л. 1–36; Д. 1571. Л. 1–21.
- ²⁶ Первый поезд с юга // Ленинское знамя. 1944. 9 августа. № 164. С. 2.
- ²⁷ НАРК. Ф. Р-2434. Оп. 1. Д. 2/13. Л. 27.
- ²⁸ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1747. Л. 4, 5.
- ²⁹ Там же. Д. 1748. Л. 61 об., 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Б е с ч а с т н ы х Е. В. Железнодорожные перевозки в годы Великой Отечественной войны (по материалам Красноярской железной дороги) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2020. № 3 (33). С. 48–53.
- В е р и г и н С. Г. Политическая и социально-экономическая жизнь Карелии в начальный период Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 3 (108). С. 8–17.
- В е р и г и н С. Г. Карелия в годы военных испытаний: Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.
- Е ш п а н о в В. С. Анализ историографического исследования Ориенбургской железной дороги в годы Великой Отечественной войны // Запад – Россия – Восток. 2019. № 13. С. 51–56.
- Железнодорожный транспорт в Великой Отечественной войне 1941–1945 / Под ред. Н. С. Конарева. М.: Транспорт, 1985. 575 с.
- З а х а р ч е н к о А. В., С о л д а т о в а О. Н. Волжская рокада и железнодорожное строительство в Поволжье в годы Великой Отечественной войны. Самара: Изд-во Ас Гард, 2014. 264 с.
- З е л е н с к а я Ю. Н. «Это могли сделать только русские!». Строительство Сорокско-Обозерской железнодорожной линии, которая в годы Великой Отечественной войны стала «Дорогой жизни» Севера // Военно-исторический журнал. 2015. № 8. С. 23–28.
- Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Отв. ред. А. И. Бабин. М.: Наука, 1984. 360 с.
- К и с е л е в А. А. Мурманск – город-герой. М.: Воениздат, 1988. 189 с.
- К у м а н е в Г. А. Война и железнодорожный транспорт СССР 1941–1945 гг. М.: Наука, 1988. 368 с.
- К у м а н е в Г. А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 324 с.
- М о р о з о в К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Петрозаводск: Карелия, 1983. 239 с.
- С у з д а л ь ц е в а И. А. Железная дорога Дагестана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2020. № 3. С. 199–122.
- У л и т и н С. Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. 288 с.
- Ф е д о р о в П. В. Мурманская магистраль // Железнодорожный транспорт. 2006. № 12. С. 77–79.
- Х а р и т о н о в С. Ф. Рассказ о великом северном пути. Петрозаводск: Карелия, 1984. 144 с.
- Ц и п к и н Ю. Н. От Тихого океана до Берлина и обратно: железнодорожники Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / Ю. Н. Ципкин, У. В. Ежеля, И. П. Тесельская. Хабаровск: Изд-во КГБНУК Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2020. 152 с.

Поступила в редакцию 04.10.2021; принята к публикации 17.01.2022

Original article

Yulia N. Zelenskaya, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
yulia-zelenskaya2008@yandex.ru

MODERNIZATION OF THE KIROV RAILWAY INFRASTRUCTURE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A b s t r a c t. The purpose of this article is to investigate the contents and analyze the results of the works on the modernization of the Kirov Railway infrastructure at each stage of the Great Patriotic War. During the war, the Kirov

Railway workers faced important strategic tasks. At the initial stage of the war, it was necessary to promptly transfer the troops of the Northern and then the Karelian Fronts, and bring equipment, raw materials of industrial enterprises, and the population of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic (KFSSR) to the rear areas. From 1942 to the first half of 1944, within the new territorial borders, it was necessary to ensure uninterrupted supply of units and formations of the Karelian Front through army warehouses located at railway stations, and transport goods provided by the allies in the anti-Hitler coalition during the winter navigation from Murmansk to the rear regions of the country as quickly as possible. After the KFSSR was partly liberated from the occupation, the railway communications along the entire length of the Kirov Railway had to be restored. The research methodology included general scientific methods and methods of historical research. The study revealed that at each stage of the war the modernization of the Kirov Railway infrastructure was carried out according to the relevant needs of the wartime. No work was performed to expand the railroad infrastructure and increase the transport and economic connectivity of the regions of the European North.

Keywords: Great Patriotic War, European North, Kirov Railway, railway infrastructure, modernization

For citation: Zelenskaya, Yu. N. Modernization of the Kirov Railway infrastructure during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):56–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.733

REFERENCES

1. Beschastnykh, E. V. Railway transportation during the Great Patriotic War (based on the materials of the Krasnoyarsk Railway). *Bulletin of the Khakass State University named after N. F. Katanov*. 2020;3(33):48–53. (In Russ.)
2. Verigin, S. G. Political and socio-economic life of Karelia in the initial period of the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2010;3(108):8–17. (In Russ.)
3. Verigin, S. G. Karelia in the years of military hardships: Political and socio-economic situation in Soviet Karelia during the Second World War of 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 544 p. (In Russ.)
4. Eshpanov, V. S. Analysis of historiographical research of the Orenburg Railway during the Great Patriotic War. *West – Russia – East*. 2019;13:51–56. (In Russ.)
5. Railway transport during the Great Patriotic War of 1941–1945. (N. S. Konarev, Ed.). Moscow, 1985. 575 p. (In Russ.)
6. Zakharchenko, A. V., Soldatova, O. N. The Volga Belt Road and railway construction in the Volga region during the Great Patriotic War. Samara, 2014. 264 p. (In Russ.)
7. Zelenskaya, Yu. N. “Only Russians could have done this!” Construction of the Soroksko-Obozerskaya railway line, which became the northern “Road of Life” during the Great Patriotic War. *The Journal of Military History*. 2015;8:23–28. (In Russ.)
8. The Karelian Front in the Great Patriotic War of 1941–1945. (A. I. Babin, Ed.). Moscow, 1984. 360 p. (In Russ.)
9. Kiselev, A. A. The Hero City of Murmansk. Moscow, 1988. 189 p. (In Russ.)
10. Kumanev, G. A. The war and the USSR railway transport in 1941–1945. Moscow, 1988. 368 p. (In Russ.)
11. Kumanev, G. A. Soviet railway workers during the Great Patriotic War (1941–1945). Moscow, 1963. 324 p. (In Russ.)
12. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 1983. 239 p. (In Russ.)
13. Suzdal'tseva, I. A. Railway of Dagestan in the years of the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 2. Art Criticism. Philological Sciences*. 2020;3:119–122. (In Russ.)
14. Ulitin, S. D. The European North of Russia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 2004. 288 p. (In Russ.)
15. Fedorov, P. V. The Murmansk Railway. *Railway Transport*. 2006;12:77–79. (In Russ.)
16. Kharitonov, S. F. A story about the Great Northern Road. Petrozavodsk, 1984. 144 p. (In Russ.)
17. Tsypkin, Yu. N. From the Pacific Ocean to Berlin and back: railway workers of the Far East during the Great Patriotic War of 1941–1945. Khabarovsk, 2020. 152 p. (In Russ.)

Received: 4 October, 2021; accepted: 17 January, 2022

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
отдела «Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма
1941–1944 годов «Концлагерь «Красный»»
Центральный музей Тавриды
(Симферополь – с. Мирное, Российская Федерация)
slavik1855@gmail.com

«ТАЙНАЯ ВОЙНА В КРЫМСКОЙ СТОЛИЦЕ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДПОЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ П. В. СМИРНОВА В ОККУПИРОВАННОМ СИМФЕРОПОЛЕ

А н о т а ц и я . Рассматривается деятельность подпольно-патриотической организации, возглавляемой Петром Владимировичем Смирновым, в городе Симферополе и Симферопольском районе в период нацистской оккупации (1942–1944), о которой практически нет сведений в отечественной историографии. Цель исследования заключается в освещении деятельности подпольно-патриотической организации П. В. Смирнова, анализе ее внутреннего состава, исследуется формирование подпольно-разведывательной сети организации и проведение агитационно-пропагандистской и диверсионной работы. Научная новизна состоит в привлечении уникальных, ранее не публиковавшихся архивных материалов из фондов хранящихся в Феодосийском музее древностей; Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный»»; Государственного архива Республики Крым. Впервые в научный оборот вводятся переписка, воспоминания, справки участников антифашистского Сопротивления – П. В. Смирнова, М. М. Коробаня (Карабаня), Л. Пригариной, М. В. Михайлеску. Анализ этих источников позволяет говорить о том, что подпольной организации П. В. Смирнова удалось наладить контакты с партийными органами, а позже с советской разведкой, завербовать в свои ряды и внедрить в структуры немецкого и румынского военного командования своих агентов из числа румынских и словацких патриотов-антифашистов. Патриоты освобождали из нацистских концлагерей и тюрем советских граждан, распространяли агитационную и пропагандистскую литературу.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Великая Отечественная война, подпольно-патриотическая организация, Петр Владимирович Смирнов, Симферополь

Б л а г о д а р о с т и . Автор выражает глубокую признательность директору Феодосийского музея древностей муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым А. А. Родионову и главному хранителю музейных предметов А. Ю. Елизаровой за возможность ознакомиться в фондохранилище музея с уникальным источником по истории советских органов госбезопасности и партизанско-подпольного движения в Крыму в годы Великой Отечественной войны – «Архивом Мантелейфа А. Н.».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Иванов В. А. «Тайная война в крымской столице»: деятельность подпольно-патриотической организации П. В. Смирнова в оккупированном Симферополе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.734

ВВЕДЕНИЕ

В годы Великой Отечественной войны в г. Симферополе активно действовали многочисленные антифашистские подпольно-патриотические организации. О некоторых из них было известно еще советской историографической традиции: деятельность подпольных групп, возглавляемых Иваном Бабичевым, Валентином Сбоячаковым, Яковом Ходячим, Григорием Орленко, Иваном Лексиным, Евгенией Островской, Игорем Носенко, Анатолием Косухиным¹ и др., известна широкому кругу специалистов. Однако следует

заметить, что не все аспекты участия подпольных организаций в антифашистской борьбе были изучены исследователями. Достаточно сказать, что о таких создателях крупных разведывательных сетей, как Абдулла Дагджи (Дядя Володя), Всеволод Гаршин и особенно Петр Владимирович Смирнов, которые активно сотрудничали не только с Крымским обкомом партии, но и советскими органами госбезопасности, практически нет публикаций. Это объясняется следующими причинами.

Во-первых, не о всех группах было известно из-за высокой степени засекреченности документов, хранившихся в областных партийных архивах. Доступ к этим материалам имели только высокопоставленные партийные работники либо сотрудники спецслужб. Ряд уникальных источников осел в фондохранилищах крымских областных (на то время) музеев, однако в связи с практикой цензуры в советский период даже эта информация не была доступна широкому кругу историков и краеведов, о ней знал лишь ограниченный круг специалистов.

Во-вторых, активно начал создаваться миф о жесткой централизации подполья вокруг партийного аппарата Крымской АССР на временно оккупированной территории Советского Союза (хотя, как показывает практика, даже будучи связанными с партией и комсомолом, подпольщики зачастую не имели связи с партийным центром). Группы Сопротивления образовывались стихийно, опыта тайной борьбы в тылу врага у них не было, отсутствовали навыки ведения боевых операций, агитационно-пропагандистская работа буксовала, морально-психологическая подготовка личного состава не проводилась (как вести себя, к примеру, будучи задержанным вражеским патрулем, многие не знали)².

В-третьих, недооценивался или недостаточно освещался вклад зарубежных антифашистов (на территории Крыма, в частности, румынских и словацких) в разгром нацистской Германии. Зачастую они не просто являлись членами подпольных организаций, а выполняли важные и ответственные задания советской разведки, направленные на подрыв и ликвидацию противника изнутри.

В-четвертых, в советской историографии уже по окончании Великой Отечественной войны имелись факты, когда приижалились настоящие подвиги действовавших в тылу врага советских патриотов и возвеличивались люди, не имеющие фактически никакого отношения к подпольной работе либо не играющие в ней решающей роли. Причем следует заметить, что с 1945 по 1991 год о крымском подполье было издано довольно много литературы, но ценность этих работ была относительно невелика³. После воссоединения Крыма с Россией в 2014 году появилось несколько интересных исследований, посвященных роли руководителей партизанских районов Крыма в подпольно-патриотическом движении Сопротивления. Однако эти работы не затрагивают всех аспектов антифашистской борьбы и посвящены главным образом Восточному Крыму в период до начала 1943 года [1], [2]. На сегод-

няшний день только в книге В. М. Брошевана, написанной в соавторстве с Е. В. Гаршиной, показана деятельность Симферопольской подпольной комсомольской организации В. Гаршина. На наш взгляд, это издание не раскрывает особенностей всех боевых операций, проведенных подпольщиками-комсомольцами, а призвана, скорее, реабилитировать имя незаслуженно оклеветанного и забытого подпольщика В. Гаршина и его товарищей [3].

В настоящей публикации на основании вводящихся в научный оборот материалов из фондохранилищ Феодосийского музея древностей, Государственного архива Республики Крым и Архива Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь “Красный”» рассматривается и анализируется разведывательно-диверсионная деятельность подпольно-патриотической организации, возглавляемой Петром Владимировичем Смирновым (до того момента, как были установлены контакты с советской разведкой летом 1943 года).

* * *

В феврале 1942 года уроженец г. Симферополя Петр Владимирович Смирнов встретился со своими сослуживцами – М. Коробанем (Карабанем), Василием Михайловичем Фирсовым, Калашниковым и Гайваронской. На встрече они приняли решение о создании подпольно-патриотической группы⁴. Накануне войны П. В. Смирнов работал в гараже НКВД г. Симферополя, эвакуироваться ему не удалось⁵. Являясь убежденным советским патриотом, он не мог сидеть сложа руки. И вскоре принял решение действовать. Следующая встреча П. В. Смирнова с товарищами состоялась в марте 1942 года на квартире у В. М. Фирсова в с. Сергеевка Симферопольского района. На этой встрече, кроме Фирсова, присутствовали Шелков, супруга Фирсова Елена Артемовна, Филатов, Калашников, П. Н. Лунев и Жукова-Лунева.

На повестку дня подпольщики вынесли два вопроса: об организации выборов руководителя подпольно-патриотической группы и о создании и разработке программы действий⁶. Руководителем группы выбрали П. В. Смирнова, как молодого комсомольца и инициатора первого собрания. Что касается второго вопроса, то было принято решение (в условиях отсутствия эффективных средств и опыта самостоятельной работы) на первых порах вести следующую деятельность:

– организовывать агитационно-пропагандистскую работу среди населения оккупированного Крыма (причем из-за отсутствия печатных машинок рекомендовано было листовки и прочий

агитационный материал писать и переписывать от руки;

– срывать мероприятия немцев по вербовке и отправке в Германию на принудительные работы населения Крымской АССР;

– препятствовать оккупационным властям восстанавливать предприятия Крымской АССР;

– выяснить, остались ли в г. Симферополе люди для организации подпольно-патриотической работы в тылу врага, направленные городским и областным комитетами ВКП(б)⁷.

В связи с этими обстоятельствами П. В. Смирнов встретился в 1942 году с Луневой-Жуковой, членом ВКП(б). Она была оставлена в Крыму вторым секретарем Крымского обкома ВКП(б) П. Р. Ямпольским, который с октября 1942 по апрель 1944 года возглавлял областной подпольный центр. На встрече был поднят вопрос об установлении связи с крымскими партизанами для получения заданий от руководства. В целях расширения подпольной деятельности принимается решение направить на работу к немцам членов подпольной организации Лунева, Фирсова, Шмырева, Филатова. Они имели возможность сообщать информацию о происходившем в немецком тылу, вербовать сочувствующих советской власти и наносить максимальный урон тому производству или учреждению, которое находилось в подчинении у оккупантов. В феврале 1942 года удалось установить связь с партизанами. Благодаря Е. А. Фирсовой была завербована ранее знакомая ей Матрена Романовна Удалая (проживающая на ул. Комсомольской, д. 1). Родственником Удалой был Александр Андреевич Шонен, работавший лесничим в Зуйском лесу в трех километрах от села Барабановка, который был тесно связан с крымскими партизанами, дислоцировавшимися в Зуйских лесах⁸.

Связные подпольно-патриотической организации П. В. Смирнова – Удалая и Фирсова – начали получать от А. А. Шонена листовки и газеты и распределять их среди членов группы. Листовки расклеивали во дворах или подбрасывали, передавали надежным и проверенным людям. Выполняя эти задания, подпольная организация П. В. Смирнова потеряла А. А. Шонена (схвачен в мае 1942 года, когда находился в Зуйском лесничестве) и М. Р. Удалую (арестована немцами на своей квартире и вскоре погибла). В конце 1942 года П. В. Смирнов руководил фактически небольшой группой подпольщиков, которая действовала не только на территории г. Симферополя, но и Симферопольского района, привлекая в свои ряды новых борцов.

В начале 1943 года с целью активизации подпольно-патриотической работы П. В. Смирнов принимает решение о создании новой группы подпольщиков, возложив руководство ею на своего товарища М. М. Коробана, работавшего в немецком сельскохозяйственном учреждении «ВИКО». Ему удалось завербовать Усатова, работающего в г. Алушта механиком МТС, который наладил связь с партизанами и организовал поставку листовок и газет.

Важной задачей было спасение советских военнопленных, находящихся в многочисленных нацистских лагерях на территории оккупированного Крыма. Из воспоминаний М. М. Коробана:

«Я и ряд товарищей, используя служебное положение, в созданном полицаями Сельхозуправлении, принимали все меры, чтобы из лагерей для военнопленных вырывать как можно больше попавших туда наших советских воинов. Такие лагеря были в Симферополе, «Картофельный городок», г. Джанкой, Воинка и в других городах. Особенно много попало в лагеря после падения Севастополя. Я и т. Федоров Иван всякими путями вынуждали фамилии находящихся в лагерях для военнопленных, составляли списки и потом перед начальством Сельхозуправления ходатайствовали, чтобы таких людей из лагеря забрать, так как они являются шоферами, трактористами, комбайнерами и механиками наших МТС. Часто были по таким спискам освобождены не только крымские товарищи, но и с Украины и даже Центральных областей РСФСР»⁹.

Следует отметить, что к апрелю 1944 года нацистами и их пособниками в г. Симферополе и Симферопольском районе было создано 16 тюрем, концлагерей, сборных пунктов¹⁰ [4: 15–65], [5: 83, 219–221], [6: 36–59], [7], среди которых наиболее крупными были пересыложный лагерь (дулаг) для военнопленных и гражданских лиц № 241 (известный как «Картофельный городок») и концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный»¹¹.

Одним из пунктов дислокации подгруппы М. М. Коробана была конспиративная квартира сестры подпольщика Евплова, входившего в его организацию (находившаяся на улице Лермонтова, 8 в г. Симферополе). В группу М. М. Коробана входила его жена, Мария Афанасьевна Коробань (Карабань), 1916 года рождения¹². Ее обязанностью было хранение секретных немецких документов, захваченных подпольщиками. В 1942 году из лагеря для военнопленных при посредничестве М. М. Коробана был освобожден Павел Полторацкий, уроженец Лариндорфского (ныне Первомайского) района Крыма. Он прибыл в Лариндорфский район и завербовал в свою организацию Н. Д. Игнатова (Игнатьева), А. Михайлова и шофера Беловецкого, а также

Н. Н. Пригарина, ветеринарного врача, кандидата в члены партии, организатора подпольного движения в начале 1942 года в с. Куллар Кипчак (после войны село Красная Равнина, ныне исчезнувшее).

Н. Н. Пригарин информирует М. М. Коробаня о том, что в Лариндорфском и Красно-Перекопском районах (в частности, в с. Воинка) уже созданы подпольно-патриотические группы, которые нуждаются в помощи по распространению агитационно-пропагандистской литературы¹³. С организаторами подпольных групп, в частности с П. В. Смирновым, связался М. М. Коробань и предупредил их о том, что каждая встреча должна проходить в другом районе и на другой квартире. На одной из таких встреч разведчики М. М. Коробань, Дмитрий Прокофьевич Шелков (секретарь и хранитель документов подпольной организации, протоколов, листовок и газет)¹⁴ и Жукова-Лунева приняли в состав своей группы новых членов, действующих на мельнице № 1: Попандопало (Попандопуло), Лаварева, Лапчинского, Дурицкого, Зубченко, Суравчика, Андрощенко, Досычева, Шульженко, Артивитенова. Были поставлены следующие задачи: дезорганизовать работу предприятия, вывести из строя мельничное оборудование, сорвать его ремонт, испортить технологические схемы, снизить производительность труда. О выполнении задания Филатов докладывал непосредственно П. В. Смирнову, а впоследствии – П. Р. Ямпольскому.

Разведчику Д. П. Шелкову было поручено подбирать и внедрять членов подгруппы Филатова в МТС, а также завербовать в состав подполья новых участников. Его группа должна была устраивать диверсии на МТС – срывать ремонт тракторов и других сельскохозяйственных машин¹⁵.

П. В. Смирнов поручает подпольщикам Г. Калашникову и Н. Н. Гайворонской сбор военных сведений, вербовку агентов и ведение агитпропаганды в румынских частях (союзниках нацистской Германии). Группа воспользовалась помощью шофера Александра Либестока (Люпистока). Г. Калашников привлекает в ряды подпольной организации врачей Венско и Авчукова, которые выдавали симферопольским патриотам нужные документы и медикаменты. Кроме того, Г. Калашникову и Н. Н. Гайворонской удалось завербовать офицера румынской армии Михаила Михайлеску и его товарищей – Муту и Лазаря¹⁶.

О результатах подпольной работы группы П. В. Смирнова свидетельствуют следующие факты: 13 октября 1943 года П. Р. Ямпольский,

сообщая в обком ВКП(б) о деятельности подпольных организаций Симферополя, отмечал, что в нем работают следующие группы¹⁷:

1. Группа Бориса Хохлова (17–20 человек);
2. Группа Жуковского (Жбанова; 11 человек);
3. Группа А. Гюргяна («Иван»; 11 человек);
4. Группа В. Григорьева (состав неизвестен);
5. Группа А. Н. Олфиева (состав неизвестен);
6. Группа «Юры» (состав неизвестен);
7. Группа Василия Бахана (6–8 человек);
8. Группа Подымова (10–12 человек);
9. Группа Ходосевича (23 человека);
10. Группа М. М. Коробаня (Карабаня; состав неизвестен);
11. Группа Д. Шелкова (состав неизвестен);
12. Группа П. В. Смирнова (состав неизвестен).

Согласно отчету П. Р. Ямпольского, подпольно-патриотические группы занимались изготовлением и распространением агитационной литературы на основании прослушанных сводок Совинформбюро, имели ряд тайных типографий. От областного подпольного центра подпольщики получали подробные инструкции, деньги на бумагу, мины для действий диверсионных групп¹⁸. На группы П. В. Смирнова, М. М. Коробаня и Д. Шелкова П. Р. Ямпольский, согласно отправленному в Крымский обком ВКП(б) отчету, возлагал большие надежды, так как они были наиболее перспективными с точки зрения разведывательной работы в немецком тылу.

В организации П. В. Смирнова важную роль играли женщины-разведчицы – Антонина Гайворонская (Калашникова) и Александра Петровна Болтачёва, благодаря которым удалось установить связь не только с румынскими антифашистами, но и их чехословацкими коллегами. Так, Антонина Гайворонская была разведчицей Северного соединения крымских партизан и действовала по поручению П. В. Смирнова. О своем участии в разведывательно-диверсионной работе она вспоминала так:

«В эту-то тревожную пору (когда закончились тридцатидневные бои партизан с немецким карательным корпусом. – В. И.) мне и пришлось идти из Зуйских лесов в Симферополь. Несла письма, листовки, мины. Следовало рассказать населению правду о том, что из минувших боев партизаны вышли победителями. Этот рассказ надо было подкрепить новыми ударами по врагу. Одновременно предстояло разгадать новые планы врага. Куда двинется корпус: в южные леса или к Старому Крыму? Может случиться, что он разделится пополам и ударит сразу по всем партизанским районам... Да, много неизвестных оказалось в этой задаче»¹⁹.

Далее разведчица пишет, что на шоссе, ведущем в Симферополь, она наткнулась на контрольно-пропускной пункт. Имеющийся у нее пропуск вызвал подозрение вражеского патруля.

От задержания и ареста ее спасла легковая машина, проезжавшая по шоссе, в которой находились словацкие военнослужащие из «Рыхлой дивизии» – антифашисты. Словаки посадили ее в машину и подвезли в город. Выяснилось, что проводимая подпольщиками и советской разведкой пропагандистская работа начинает приносить свои плоды: в дивизии возникают и множатся антигитлеровские настроения.

Отдельным связующим звеном в организации симферопольского подполья была разведчица Александра Петровна Болтачёва (во время войны она сменила документы и стала Михо). С ней были знакомы словацкие военнослужащие «Рыхлой (Быстрой)» дивизии Войтех Якобчик и его товарищи, позже ставшие бойцами крымских партизанских отрядов. Муж Александры Петровны был арестован как коммунист в 1941 году и расстрелян. Она осталась вдовой с двумя сыновьями на руках – тринадцати и одиннадцати лет. После ареста и гибели мужа Александра Петровна переехала на другую квартиру, смогла достать подложные документы и продолжила борьбу против нацистов. Как пишет в своем очерке Войтех Якобчик, бывший командир группы словацких подпольщиков-антифашистов, разведчик 1-й бригады крымских партизан:

«Александра Петровна присмотрелась к нам, догадалась, что ни в какую часть на службу мы не ходим. Заинтересовалась. Мы открылись. Тогда она стала подбирать нам помощников из местных жителей, чтобы лучше вести антифашистскую работу. Нас, словаков, было в группе пятнадцать человек, а помощников вокруг нас – целый отряд. Когда в лесу возник разговор о моей деятельности в роли разведчика, то оказалось, что многие симферопольцы меня знают»²⁰.

Александра Петровна была не только координатором между словацкими антифашистами и подпольем, но и хранила мины и агитационную литературу, обеспечивала связь симферопольцев, словаков и крымских партизан явками. Войтех Якобчик и его товарищи начали тесное сотрудничество и взаимодействие с подпольщиками Людмилой Скрипниченко, Владимиром Филатовым, Петром Смирновым и Георгием Калашниковым.

Отдельно следует сказать об иностранных разведчиках-антифашистах, активно сотрудничавших с организацией П. В. Смирнова, – М. В. Михайлеску, К. Донче и Щербицким. Советский партийный и хозяйственный деятель, с июня 1943 года командир Второго сектора, а с июля 1943 года командир Первой бригады партизан Крыма Николай Дмитриевич Луговой так описывал одного из знаменитых совет-

ских разведчиков, румынского коммуниста-антифашиста М. Михайлеску:

«Сын квалифицированного рабочего керамического производства города Бузеу, Михаил Михайлеску обучался одновременно в двух школах. Общее и техническое образование получил в гимназии и политехническом институте, а политическую закалку дала нелегальная литература и подпольная работа. Вместе со своим товарищем бессарабским комсомольцем Иваном Сухолиткой почти каждое воскресенье ходил к старому коммунисту подпольщику Бене. В 1936 году вступил в партийную организацию социалистов железнодорожного узла Бузеу. Началась революционная работа – первомайские демонстрации, пропагандистские кружки, агитационные выступления. Вскоре был арестован друг – коммунист Миша. Потом – еще трое. Но работа продолжалась. На первомайской демонстрации в 1939 году был арестован и сам. На последнем курсе института попал в тюрьму. Из тюрьмы через год отправили в армию»²¹.

Из г. Вознесенска Одесской области часть М. Михайлеску перевели вместе с другими румынскими войсками в Крым, где летом 1942 года он оказался в оккупированном Симферополе. Он привлек внимание советских подпольщиков тем, что оказал помочь семье погибшего патриота Чернышева, а позднее на съемной квартире на улице Греческой познакомился с помощью антифашиста И. Дункевича с А. Либестоком. Завоевав доверие последнего, стал выполнять задания по поручению подпольного центра, а позже попал в крымский лес, где встретился с П. Р. Ямпольским и Н. Д. Луговым.

Высоко оценивал М. Михайлеску бывший секретарь Крымского подпольного обкома партии, начальник Центральной оперативной группы партизан Крыма П. Р. Ямпольский. В предисловии к сборнику воспоминаний о событиях Великой Отечественной войны он писал о боевом сотрудничестве со словацкими и румынскими антифашистами и той роли, которую играл в ней М. Михайлеску:

«Румынский коммунист Михаил Михайлеску установил связь с нашим подпольным обкомом, продолжал работать офицером штаба 30-го корпуса. Был он опытным чертежником, и всякий раз, когда гитлеровцам требовалось быстро нанести диспозицию на карты и начертить схемы, Михайлеску брали в оперативный отдел. Нередко его приглашали и в штаб главного командования. В это время у Михайлеску установился контакт с майором Щербицким, начальником бюро переводов. Этот польский коммунист давно искал связи с подпольщиками и партизанами»²².

Когда в бюро поступал какой-либо немецкий приказ для перевода на румынский язык, разведчик Щербицкий немедленно сообщал о содержании документа М. Михайлеску. А тот в свою очередь информировал крымских партизан.

По радио приказ поступал на Большую землю, причем это происходило неоднократно. М. Михайлеску получил агентурную кличку Эм-Эм.

О том, что М. Михайлеску являлся агентом советской разведки, свидетельствуют несколько документов из Государственного архива Республики Крым. В частности, после освобождения Крыма от нацистских оккупантов, 26 августа 1944 года, М. Михайлеску обращается в Наркомат внутренних дел Крымской АССР с просьбой выдать ему разрешение на право управления машиной. Заместителю наркома внутренних дел Крымской АССР, полковнику милиции Смирнову и начальнику паспортного отдела УМ НКВД Крымской АССР, подполковнику Косареву он заявил следующее: о его деятельности известно зам. председателя Крымской АССР П. Р. Ямпольскому²³. Повторно в Совнарком Крымской АССР 7 сентября 1944 года поступил запрос от заместителя начальника паспортного отдела УМ НКВД Крымской АССР майора Вороновского²⁴. Ответное письмо с характеристикой, составленной лично П. Р. Ямпольским, пришло 2 октября 1944 года, где был дан подробный отчет о подвиге М. В. Михайлеску, тесно сотрудничавшего с партизанами в крымских лесах. Как видим, П. Р. Ямпольский весьма ценил своего румынского соратника и оказывал ему всяческое содействие при прохождении проверки органами госбезопасности в получении водительских прав и натурализации в советском обществе²⁵.

Важную роль в снабжении крымских партизан секретной информацией из румынского генерального штаба играл румынский подпольщик Константин Донча, известный антифашистам под именем Виктор. На квартире у симферопольского подпольщика Григорьева он встречался с М. Михайлеску и получал от него сведения о политико-моральном состоянии румынских войск в Крыму²⁶.

8 апреля 1944 года наступлением советских войск со стороны Перекопа и Сиваша началась Крымская стратегическая наступательная операция. Командующий 17-й армией вермахта Э. Енекке принял в тот же день решения, которые касались обороны Крыма. М. Михайлеску немедленно покинул штаб и, избежав вражеских патрулей, прибыл в расположение партизан в крымские леса, передав эти важные сведения советскому военному командованию²⁷. Он сумел воспользоваться неразберихой и паникой, которая царила в штабе румынского корпуса, и укрыться у симферопольских подпольщиков, избежав задержания и ареста со стороны румынской контрразведки или спецслужб нацистской Германии²⁸.

В то же время, активно сотрудничая с подгруппой П. В. Смирнова, М. Михайлеску в Зуйском лесу отпечатал несколько возвзаний к солдатам и офицерам румынской армии о прекращении войны с Советским Союзом. Он сам и два его товарища-подпольщика распространяли среди солдат румынской армии пропагандистские листовки и литературу, которую подпольщики группы П. В. Смирнова доставляли из Зуйского леса. В Штабе Северного соединения партизан Крыма было получено много секретных военных сведений от М. Михайлеску, которые касались дислокации вражеских войск в Крыму и предстоящих операций против крымских партизан. Полученная информация давала возможность последним подготовиться к отражению вражеского нападения. Участник героической обороны Севастополя, разведчик Алексей Калашников вспоминал о том, каким же образом были связаны М. Михайлеску и П. В. Смирнов:

«“Лесная” (Людмила Скрипниченко) вместе с “Белой” (Войтехом Якобчиком) устраивает мне встречу с нашим разведчиком “Эм-Эм” (Михаилом Михайлеску). Он офицер штаба 30-го корпуса. Румынский коммунист. Давно уже работает по заданию нашего подпольного обкома. Еще один коммунист, поляк Щербицкий, работает начальником бюро переводов – переводит немецкие приказы и другие документы на румынский и русский языки. При этом содержание документов Щербицкий передает “Эм-Эм”. Через связных Петра Смирнова, Георгия Калашникова и других они попадают в лес. И часто бывало: приказ румынским войскам еще не поступал, а его содержание уже известно партизанам и по радио передано на Большую землю»²⁹.

Как видим, при немецком полевом штабе 17-й армии, расквартированном в оккупированном Симферополе, активно действовала целая разведывательная агентурная сеть партизан, представленная румынскими и польскими коммунистами-антифашистами. Причем незамеченные гитлеровскими спецслужбами патриоты М. В. Михайлеску и Щербицкий работали под прикрытием – как служащие штаба вплоть до начала наступления Красной армии в апреле 1944 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в настоящей публикации рассмотрена деятельность подпольно-патриотической организации П. В. Смирнова на определенном этапе – до вступления в контакт со спецгруппой НКВД ОМСБОН «Соколы» (зима 1942 – лето 1943 года). Основные задачи группы состояли в организации агитационно-пропагандистской работы среди населения оккупированного Крыма, срыве мобилизации населения

и ресурсов Крымской АССР с целью вывоза их в нацистскую Германию, саботаже восстановления предприятий для последующей работы на благо Третьего рейха, налаживании собственной агентурно-разведывательной сети с целью активации усилий по сбору информации о состоянии вражеских войск, работе немецкой и румынской разведок, обеспечении всем необходимым партизан в крымских лесах. Эта миссия к середине июля 1943 года увенчалась успехом. Подпольщиками была налажена связь с партизанами для обеспечения их разведанными, оружием и амуницией. Кроме того, в организацию удалось привлечь румынских и словацких анти-

фашистов, которые создали разведывательные ячейки не только в местах дислокации своих частей, но и в немецком военном штабе, периодически направляя через связных П. В. Смирнова секретные приказы, донесения и сводки с фронта. Благодаря четко спланированным операциям симферопольские подпольщики, возглавляемые П. В. Смирновым, смогли достичь больших результатов в «тайной войне» против нацистских захватчиков в оккупированном Симферополе. Летом 1943 года подпольно-патриотическая организация П. В. Смирнова установила сотрудничество с советской разведкой, но это уже тема другой статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно информационной записке Председателя Совета народных комиссаров Крымской АССР И. Сейфуллаева от 22 июля 1943 года, г. Сочи, отмечается, что к июлю 1943 года «создано 365 групп советских патриотов, насчитывавших в своих рядах свыше 5000 человек». Государственный архив Республики Крым (ГА РК). Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 17. Л. 111.

² В информационной записке Председателя Совета народных комиссаров Крымской АССР И. Сейфуллаева от 29 апреля 1943 года, г. Сочи, сказано следующее: «...наряду с проведением диверсионных актов, должны были проводить и массово-политическую работу среди населения. Многие товарищи справляются с этой задачей». Однако, как видим, И. Сейфуллаев утаивает факты провала ряда подпольных организаций Крыма и вообще практически ничего не говорит о причинах, которые к этому привели. ГА РК. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 17. Л. 48.

³ Бабичев Г. С. Поколение отважных. Комсомольцы Крыма – активные помощники партии в Великой Отечественной войне. Симферополь: Крымиздат, 1958. 200 с.; Шамко Е. Н. Комсомольцы и молодежь Крыма в боях за Родину. Симферополь: Крымиздат, 1958. 30 с.; Шамко Е. Н. Партизанское движение в Крыму в 1941–1944 годов. Симферополь: Крымиздат, 1959. 160 с.; Чирва И. С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 годов: Сборник / Под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204–261; Луговой Н. Д. Партизанское движение в Крыму (1941–1944 гг.) // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 годов: Сборник / Под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 120–203; Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны / Сост. В. Е. Быстров, Ю. И. Харченко, С. И. Сергеев. М.: Политиздат, 1970. Вып. 2. С. 56–99; Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Кримська область / Відп. ред. М. В. Багров та ін. К.: АН УРСР, 1974. 833 с.; Абрамян Г. С. Мощное оружие советских войск в боях за Крым (1941–1942 годов). Ереван: Изд-во Ереванского ун-та, 1975. 198 с.; Очерки истории Крымской областной партийной организации / Отв. ред. Н. В. Багров. Симферополь: Таврия, 1981. 376 с.; Партийное подполье. Деятельность подпольных партийных органов и организаций на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны / Отв. ред. Н. И. Макаров и др. М.: Политиздат, 1983. 352 с.

⁴ Фонды МБУК РК «Феодосийский музей древностей муниципального образования городской округ Феодосия Республики Крым» (далее – МБУК РК ФМД). Ф. 1. Д. 8. Материалы по партизанско-подпольному движению. Архив Мантейфеля А. Н. (переписка, воспоминания, справки). 1. Группа Барышева (Симферополь). 2. «Ляки». 3. «Серго», спецгруппа «Соколы». Отчет подпольно-патриотической группы, возглавляемой Смирновым Петром Владимировичем, проживающим в г. Симферополе по улице Лермонтова № 17. 20.03.1982 года. Л. 1.

⁵ ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 238. Л. 124.

⁶ МБУК РК ФМД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 2.

⁹ ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 238. Л. 66–66 об.

¹⁰ Яковлев В. Преступления. Борьба. Возмездие. Симферополь: Крымиздат, 1961. С. 12–25.

¹¹ ГА РК. Ф. Р-1289. Оп. 1. Д. 1. Л. 27–28, 32–33; Ф. П-156. Оп. 1. Д. 37. Л. 44; Ф. П-151. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

¹² Архив Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 годов «Концлагерь «Красный» (далее – АМ КК. ЭБД). Электронная База данных о погибших узниках. Карабань Мария Афанасьевна. 1916–1943 гг.; ГА РК. Ф. П-849. Оп. 3. Д. 238. Л. 59.

¹³ ГА РК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 83. Л. 46–47; Д. 87. Л. 15–18.

¹⁴ АМ КК. ЭБД. Шелков Дмитрий Прокофьевич. 1897 (1898) – 1943 годы.

¹⁵ ГА РК. Ф. П-1. Оп. 6. Д. 15. Л. 5.

¹⁶ МБУК РК ФМД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

¹⁷ Из информации руководителя областного подпольного центра в обком ВКП(б) о деятельности подпольных организаций 13 октября 1943 года // Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945: Сборник документов и материалов / Отв. ред. М. Р. Акулов. Симферополь: Таврия, 1973. С. 280–281.

¹⁸ Там же. С. 280.

¹⁹ Гайворонская (Калашникова) А. Случай в разведке // Говорят побратимы: Сборник / Отв. ред. Н. Д. Луговой. Симферополь: Крым, 1968. С. 145–146.

²⁰ Якобчик В. Как я стал партизаном // Говорят побратимы: Сборник / Отв. ред. Н. Д. Луговой. Симферополь: Крым, 1968. С. 72.

²¹ Луговой Н. Д. Побратимы. Партизанская быль. Симферополь: Крым, 1965. С. 386–387.

²² Ямпольский П. Плечом к плечу (Вместо предисловия) // Говорят побратимы: Сборник / Отв. ред. Н. Д. Луговой. Симферополь: Крым, 1968. С. 7.

²³ ГА РК. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 57. Л. 89.

²⁴ Там же. Л. 88.

²⁵ Там же. Л. 87.

²⁶ Самойлов С. Слово правды // Говорят побратимы: Сборник / Отв. ред. Н. Д. Луговой. Симферополь: Крым, 1968. С. 91.

²⁷ Ямпольский П. Плечом к плечу (Вместо предисловия) // Говорят побратимы: Сборник / Отв. ред. Н. Д. Луговой. Симферополь: Крым, 1968. С. 7.

²⁸ Калашников А. Память сердца // Говорят побратимы: Сборник / Отв. ред. Н. Д. Луговой. Симферополь: Крым, 1968. С. 42.

²⁹ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Сулейманова Ш. Иван Генов: страницы биографии // Иван Генов: судьба партизана / Авт.-сост. И. А. Носкова, М. Е. Суднев. Симферополь: ГАК РК Медиацентр им. И. Гаспринского, 2020. С. 18–62.
- Ткаченко С. Н. Иван Генов: малоизвестные страницы деятельности крымского партизана // Иван Генов: судьба партизана / Авт.-сост. И. А. Носкова, М. Е. Суднев. Симферополь: ГАК РК Медиацентр им. И. Гаспринского, 2020. С. 63–84.
- Брошеван В. М., Гаршина Е. В. Правда о Валентине Гаршине и его группе в подполье Симферополя. 1943–1944 гг. Симферополь: ООО Тарпан, 2017. 102 с.
- Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют. Из серии «Рассекреченная память». Крымский выпуск / Сост. В. И. Хорошковский, В. А. Константинов, В. Г. Джарты, В. В. Тоцкий, А. В. Валякин. Симферополь: ДОЛЯ, 2010. 408 с.
- Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944). М.: Вече, 2011. 432 с.
- Лагерь смерти: совхоз «Красный» / Сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь: ООО Антиква, 2015. 224 с.
- Константинов В. А., Кизилов М. Б., Бобков В. В. «Красный». История нацистского лагеря смерти. Симферополь: ИТ Ариал, 2021. 412 с.

Поступила в редакцию 11.08.2021; принята к публикации 17.01.2022

Original article

Vyacheslav A. Ivanov, Cand. Sc. (History), Research Assistant, Memorial to the Victims of the Nazi Occupation of Crimea in 1941–1944 “Krasny Concentration Camp”, Central Museum of Tavrida (Simferopol – village of Mirnoe, Russian Federation)
slavik1855@gmail.com

“THE SECRET WAR IN THE CRIMEAN CAPITAL”: ACTIVITIES OF THE UNDERGROUND PATRIOTIC ORGANIZATION OF PYOTR SMIRNOV IN OCCUPIED SIMFEROPOL

Abstract. The article addresses the activities of the underground patriotic organization headed by Pyotr Vladimirovich Smirnov in Simferopol and the Simferopol region during the Nazi occupation (1942–1944), about which there is practically no information in Russian historiography. The aim of the study is to investigate the activities of Smirnov's underground patriotic organization through the analysis of its internal structure, the formation of its underground intelligence network, and the conduct of outreach, propaganda and sabotage work. The research novelty is determined by the use of unique unpublished archival materials from the repositories of the Feodosia Museum of Antiquities, the Memorial to the Victims of the Nazi Occupation of Crimea in 1941–1944 “Krasny Concentration

Camp", and the State Archives of the Republic of Crimea. The correspondence, memoirs, and the identification cards of the participants of the resistance movement – P. V. Smirnov, M. M. Korobanya (Karabanya), L. Prigarina and M. V. Mihailescu – are introduced into scientific circulation for the first time. The analysis of the sources leads to the conclusion that Smirnov's underground organization managed to establish contacts with the party bodies, and later with Soviet intelligence, recruit Romanian and Slovak patriotic anti-fascists and infiltrate them into the structures of the German and Romanian military command. The patriots liberated Soviet citizens from Nazi concentration camps and prisons, and distributed propaganda literature.

К e y w o r d s : Great Patriotic War, underground patriotic organization, Pyotr Smirnov, Simferopol

A c k n o w l e d g m e n t s . The author expresses his deep gratitude to A. A. Rodionov, director of the Feodosia Museum of Antiquities of Feodosia Municipality of the Republic of Crimea, and A. Yu. Elizarova, chief curator of museum items, for the admission to the museum repository and the opportunity to get acquainted with the Archive of A. N. Manteuffel, a unique source on the history of the Soviet state security bodies and the underground partisan movement in Crimea during the Great Patriotic War.

F o r c i t a t i o n : Ivanov, V. A. "The secret war in the Crimean capital": activities of the underground patriotic organization of Pyotr Smirnov in occupied Simferopol. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):62–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.734

REFERENCES

1. S u l e y m a n o v a , S h . Ivan Genov: pages of biography. *Ivan Genov: the fate of the partisan*. (I. A. Noskova, M. E. Sudnev, Eds.). Simferopol, 2020. P. 18–62. (In Russ.)
2. T k a c h e n k o , S . N . Ivan Genov: little-known facts about the Crimean partisan's activities. *Ivan Genov: the fate of the partisan* (I. A. Noskova, M. E. Sudnev, Eds.). Simferopol, 2020. P. 63–84. (In Russ.)
3. B r o s h e v a n , V . M ., G a r s h i n a , E . V . The truth about Valentin Garshin and his underground group in Simferopol. 1943–1944. Simferopol, 2017. 102 p. (In Russ.)
4. Nazi death camps. Testimonies of witnesses. Series "Unclassified memory". Crimean issue. (V. I. Khoroshkovsky, V. A. Konstantinov, V. G. Dzharty, V. V. Totsky, A. V. Valyakin, Eds.). Simferopol, 2010. 408 p. (In Russ.)
5. R o m a n ' k o , O . V . Crimea under Hitler's heel. German occupation policy in Crimea (1941–1944). Moscow, 2011. 432 p. (In Russ.)
6. The death camp: sovhoz "Krasny". (G. N. Grzhibovskaya, Ed.). Simferopol, 2015. 224 p. (In Russ.)
7. K o n s t a n t i n o v , V . A ., K i z i l o v , M . B ., B o b k o v , V . V . "Krasny". History of the Nazi death camp. Simferopol, 2021. 412 p. (In Russ.)

Received: 11 August, 2021; accepted: 17 January, 2022

ВИТАЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ НИЛОВ

кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь
(Петрозаводск, Российская Федерация)
vmlilov@yandex.ru

РОЛЬ ПЕЧАТИ КАРЕЛИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена исследованию недостаточно изученной деятельности печати Карелии, связанной с формированием идеологического дискурса в период Великой Отечественной войны. На основе анализа впервые включенных в научный оборот архивных документов и материалов газет рассматривается проблема использования местной печатью того потенциала, который был создан в предвоенные годы в результате культурной революции. Ставится цель проанализировать систему печати Карелии в годы войны, деятельность журналистов, инструменты печати, задействованные при формировании идеологического дискурса военного времени, и их роль в мобилизации населения прифронтовой территории Карелии. Для изучения содержания газетных публикаций используется метод дискурс-анализа. Исследование открывает возможность для фундаментального изучения и подготовки монографии по истории печати Карелии военного периода.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Карелия, местная печать, журналистская деятельность, дискурс-анализ

Для цитирования: Нилов В. М. Роль печати Карелии в формировании идеологического дискурса в период Великой Отечественной войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 71–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.735

ВВЕДЕНИЕ

С началом Великой Отечественной войны остро всталась задача перестройки институтов идеологического воздействия, в том числе и печати, которая была призвана формировать новые ценности и смыслы жизни у населения, адекватные военной ситуации, а также обеспечивать контрпропаганду против идеологических диверсий агрессора. По сути дела, вопрос стоял о формировании нового дискурса, при котором каждый читатель, погружаясь в поток информации, мог бы усваивать новую общую смысловую картину мира, находящегося в состоянии войны. Решающее значение для этого понимания имели идеологемы, то есть знаки или устойчивые совокупности знаков, «отсылающие участников коммуникации к сфере должного – правильного мышления и безупречного поведения – и предостерегающие их от недозволенного» [4: 15]. Люди, погруженные в дискурс, принимая с помощью идеологем диктуемые им правила игры и публичного говорения, неизбежно должны были меняться и внутри, перестраиваясь в соответствии с требованиями военного времени.

С точки зрения исторического подхода существенные предпосылки для формирования

дискурса военного времени были созданы в ходе советской культурной революции, обеспечившей всеобщее школьное обучение и приобщение населения к письменной культуре, в частности регулярному чтению газет, что, в свою очередь, поднимало роль прессы в общественной жизни. Например, возросшую потребность жителей Карелии в печатном слове удовлетворяли более 150 газет и журналов. Население выписывало 150 тыс. экз. центральных и местных газет [16: 341]. Местные периодические издания выходили на русском и финском языках и были доступны в среднем каждому десятому жителю. Сведения о чтении и обсуждении материалов газет в семьях в то время сохранились в коллективной памяти на десятки лет [14].

Другой предпосылкой стало появление в 1930-х годах ментальности советского человека, без которой было бы невозможно общество мобилизационного типа [3]. Для ментальности советского гражданина, жившего в атмосфере колlettivизма, были характерны такие культурные ценности, как верность традициям, открытость, дисциплинированность, уважение к власти. При этом «правильный» советский человек не представлял ни себя, ни что-либо еще вне Со-

ветского государства [17]. Анализируя условия, непосредственно способствовавшие проявлению патриотического подъема в ходе жестокого военного противостояния, историки указывают также на такую характерную черту сознания россиян, как готовность терпеть лишения ради высокой цели, жертвовать личными интересами во имя сохранения и укрепления государства [7: 70].

Названные конструкты сознания во многом были обязаны своим появлением рутинизации, то есть неизменной повторяемости постулатов, идеологии и ее переходу в убеждения и общественные практики. Однако последние при этом не утратили своих идеологических функций. Поэтому на этой основе обращения и призывы руководства страны, транслируемые прессой, а также собственные пропагандистские тексты газет органично включались в цепь культуры, то есть в широкий контекст духовных ценностей и норм прошлого, настоящего и будущего.

О глубине и устойчивости советской ментальности можно судить, например, по тому, что у большинства населения оккупированной части Карелии ее не смогли разрушить упорные попытки финской пропаганды. Финская оккупационная администрация в 1941–1944 годах через свои газеты, печатавшиеся на территории оккупированной Карелии («Vapaa Karjala» («Свободная Карелия»), «Paatenean Viesti» («Паданские вести»), «Ita-Karjala» («Восточная Карелия»), «Северное слово» и др.), и радиопередачи «Aunuksen radio» («Радио Олонца») проводила среди карельского населения идею об «освобождении» карел от русского и «большевистского» рабства, передовой культурной миссионерской роли «финского племени» относительно отсталой «руссии», создания «Великой Финляндии» и др. [2: 317–319]. Однако уже в 1942 году финское военное руководство начинает понимать, что значительная часть местного населения остается «верна коммунистическим идеалам» [22: 111], а в 1944 году окончательно стало ясно, что большинство жителей оккупированных районов, несмотря на националистическую пропаганду, «сохранили веру в правоту советского строя» и остались верны ему [2: 333], [9: 105].

Разумеется, наличие базовой советской ментальности не снимало с печати и других идеологических институтов ответственности за ее сохранение и адаптацию к новым смыслам и ценностям военного времени у населения прифронтовых территорий. В Карелии эта задача легла на плечи журналистов местной печати, которая оформилась в республике как система лишь в на-

чале 1930-х годов. К началу войны она включала три республиканских, 19 районных и шесть фабрично-заводских многотиражных газет, выходивших общим разовым тиражом почти 85 тыс. экз.¹, располагала профессионально подготовленным журналистским корпусом, полиграфической базой, комплексом учреждений связи, занимавшихся распространением и экспедицией газет и журналов, а самое главное – весьма грамотной и образованной читательской аудиторией [15]. Все это позволяло сделать местную печать доступной большинству жителей Карелии за некоторым исключением районов приграничной полосы республики – Ругозерского, Ребольского и Кестеньгского [20].

Анализ накопленного довоенного потенциала печати Карелии позволяет поставить проблемный вопрос о том, как и насколько он был реализован в условиях военного времени для формирования идеологического дискурса.

Цель исследования – выявить и проанализировать инструменты печати, задействованные государством при формировании идеологического дискурса военного времени и их роль в мобилизации населения прифронтовой территории Карелии.

Хронологические рамки исследования охватывают период боевых действий на территории Карелии с июня 1941 до июня 1944 года, что обусловлено особенностями целей и содержания пропагандистской и идеологической деятельности печати на этом этапе.

Изучение дискурсов предполагает использование особых аналитических методов, в рамках которых любое коммуникативное событие рассматривается через три измерения: текст, дискурсивную практику (способ производства и восприятия текстов) и социальную практику (способ использования текста) [6: 130]. При этом текст воспринимается как живой документ, поскольку дополняет и трансформирует то, что уже говорилось раньше.

Потребность в дискурсивном анализе печати военного периода диктуется современной логикой развития историографии истории СМИ, существенной особенностью которой является постепенный отход от описательной парадигмы в результате расширения архивной базы по теме, комплексное изучение СМИ военного времени, выявление новых аспектов истории печати, что позволяет отказаться от широко распространенного заблуждения о печати военного времени как «хорошо известном» источнике и обратить внимание на значительные неиспользованные информационные возможности периодических

изданий, которые необходимо изучать [5]. Решение этих задач историками в последние годы все больше носит региональный характер, и во многих регионах уже созданы фундаментальные работы [24]. Поэтому в настоящее время насущной задачей карельских исследователей является создание монографического труда по истории печати Карелии военного периода с учетом результатов работ ведущих карельских историков [2], [11], [12].

ПЕРЕСТРОЙКА ПЕЧАТИ КАРЕЛИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ВОЙНЫ

Война нанесла тяжелый удар по всей системе печати Карелии. Мобилизация материальных и людских ресурсов, временная оккупация ряда районов республики привели к закрытию большинства газет и журналов, потере значительной части полиграфической базы. Только в учреждениях, занимавшихся распространением и экспедицией печати, при эвакуации из Петрозаводска было уничтожено имущества, аппаратуры, газет и журналов на 160,5 тыс. рублей². Прекратили свой выход районные газеты «Большевик Калевалы», «Заонежская правда», «Коммунист», «Коммунист Прионежья», «Красная Пряжа», «Колхозник», «Новая Кондопога», «Петровский ударник», «Ребольский колхозник», многотиражные газеты «Кировская магистраль», «Кировец», «Онежец», журналы «На рубеже» и «Punalippi» («Красное знамя»). К концу 1941 года более чем вдвое сократились разовые тиражи республиканских газет («Ленинское знамя» – до 11 тыс. экз., финноязычная газета «Totuus» («Правда») – до 2 тыс. экз.)³. Тираж республиканской газеты «Молодой большевик» снизился в 10 раз (до 500 экз.)⁴. Двукратно и более уменьшили свои тиражи оставшиеся районные газеты: «Беломорская трибуна» (Беломорск) – до 1500 экз., «Советское Беломорье» (Кемь) – до 2500 экз., «Красный Пудож» – до 3000 экз., «Медвежьегорский большевик» – до 1000 экз. (газета выходила до конца ноября 1941 года, возобновила свой выпуск в 1943 году), «Лоухский большевик» – до 700 экз.⁵

В условиях войны местная пресса потеряла и значительное число своих читателей. Из 700 тыс. жителей Карелии около 100 тыс. ушли на фронт или в партизаны, а до полумиллиона – эвакуировались [1]. В 1942 году в не занятых противником районах проживало примерно 75 тыс. человек, или 11 % населения Карелии до военного периода [2: 225]. На 1 января 1945 года, когда уже начали возвращаться эвакуирован-

ные жители, численность населения составила всего 266 тыс. человек [25: 14].

Необходимость соблюдения военной тайны внесла корректизы в содержание публикуемых материалов. Критерии цензурных запретов стали более четкими, а их интерпретация менее расплывчатой, одновременно журналистская «самоцензура» определялась объединяющим всех стремлением к победе и требованиями военного времени, что в какой-то степени облегчало процедуру контроля и работу цензоров. Для Карелии «самоцензура» журналистов имела особое значение, поскольку оккупация части территории республики и переезд государственных учреждений в Беломорск создали определенные сложности в деятельности Главлита КФССР, которые были устраниены только в 1944 году [26].

Перед журналистами в первые дни войны стояла и еще одна важная проблема. Советская пресса накануне войны часто создавала у людей ложное ощущение военной неуязвимости Советского Союза, а в случае войны – легкой победы над возможным противником. Буквально за неделю до начала войны (14 июня 1941 года) в газетах было опубликовано сообщение ТАСС, официально опровергающее намерение Германии разорвать пакт и напасть на Советский Союз. Более того, в той же статье содержалось утверждение, что слухи о подготовке СССР к войне с Германией «являются лживыми и провокационными». Поэтому с началом военных действий перед средствами массовой информации была поставлена двойная задача: во-первых, вернуть утраченное доверие населения и, во-вторых, организовывать и воодушевлять народные массы на отпор врагу [18].

Во второй половине сентября 1941 года, когда враг подходил к столице Карелии, редакция газеты «Ленинское знамя», возглавляемая Я. С. Крючковым, переехала в Медвежьегорск, где 25 сентября вышел очередной, 227-й номер. Здесь в маленьком доме с тремя небольшими комнатами разместился журналистский коллектив в составе редактора Я. С. Крючкова, заместителя редактора И. М. Моносова, ответственного секретаря Ф. А. Трофимова, заведующего отделом пропаганды Н. Ф. Шитова, заведующего промышленным отделом М. П. Покровского, журналисток Н. Кривоборской, С. Соколовой и Т. Ивановой, машинистки Л. Лучкиной, корректора С. А. Воронина и бухгалтера А. Калининой [23]. За все время переездов у редакции не было ни одного перерыва в выпусках номеров газеты. Редакции «Ленинского знамени» и «Тотуус»

делали специальные компактные выпуски газеты для жителей республики, временно попавших под иго захватчиков, которые партизаны и разведчики уносили с собой, а также разбрасывали с самолетов [8: 250–251], [19: 140].

Произошли изменения и в организации работы редакций районных газет. Например, когда в Беломорск переехали республиканские правительственные учреждения и редакции республиканских газет, районные организации, в том числе редакция газеты «Беломорская трибуна», которую возглавлял Василий Горев, были временно размещены в поселке Сосновец, а затем перебрались в Сумский Посад. Газету печатали в типографии на разъезде Тегозеро, куда в начале войны была эвакуирована Сортавальская книжная типография. Штат редакции сократился до минимума. Из воспоминаний Василия Горева:

«Через день я как редактор отправлялся пешком по железнодорожным шпалам или по разбитой автодороге, которая тянулась вдоль железнодорожной линии из Сумпосада в Тегозеро, чтобы организовать выпуск очередного номера...»⁶.

Сокращение тиражей газет компенсировалось в определенной мере их активным использованием в устной агитационной и пропагандистской работе, а также распространением газетных материалов через отделения связи, библиотеки и избы-читальни. Например, в Беломорском районе во второй половине 1941 года насчитывалось 13 изб-читален и 12 библиотек. В избе-читальне села Вирма по инициативе избача Фатины Васильевны Поповой проведено 82 беседы, которыми было охвачено более 1700 человек, систематически проводились читки сообщений Советского информбюро и вестей с фронтов. Большой популярностью среди населения пользовались колхозная стенгазета, бюллетени и боевые листки⁷.

АГИТАЦИОННО-ПРОПАГАНДИСТСКАЯ РАБОТА ПЕЧАТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Сложившаяся ситуация на начальном этапе войны, ее оценки и задачи, поставленные руководством страны и партийными организациями, позволили карельским журналистам уже в первые дни войны осознать острую необходимость активизации и перестройки идеологического содержания своей агитационной, пропагандистской и организаторской деятельности в связи с требованиями времени. Первая идеологическая оценка начавшейся войны, которая была размножена СМИ, прозвучала 22 июня 1941 года в речи В. М. Молотова, где было заявлено о «веролом-

ном», «разбойничьем» характере нападения германских войск на СССР, при этом подчеркивалось, что «война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии». Эта первоначальная идеологическая установка в ходе военных действий претерпела впоследствии определенную трансформацию за счет смещения на задний план классово-космополитических установок и переориентации на национально-государственные, патриотические, что повлияло на массовое сознание и последующую эволюцию советского общества [21].

Правительственные идеологические установки и смыслы переводились журналистами в ясные, чеканные формулы и лозунги, которые были обращены к каждому гражданину. Например, лозунг «Наше дело правое. Победа будет за нами!» был призван убеждать народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушать уверенность в неизбежности победы. Такие призывы, как «Все силы народа – на разгром врага!», «Все для фронта, все для Победы!», были проникнуты смыслом мобилизации народа в советском тылу. Лозунг «Смерть немецким оккупантам!» был установкой для бойцов Красной армии. Эти лозунги и призывы привлекали внимание и вызывали незамедлительный отклик у читателей.

Редакции газет стремились, чтобы идеологии, транслируемые прессой, распространялись как можно активнее и шире через всю систему агитационно-пропагандистской работы с населением. К примеру, редакция районной газеты «Беломорская трибуна» (г. Беломорск) в своей передовой статье от 15 августа 1941 года писала:

«Вся агитационно-пропагандистская работа сейчас должна быть подчинена интересам фронта. Священный долг каждого агитатора и пропагандиста – поднимать советских людей на борьбу с коварным врагом, разжигать в их сердцах презрение и ненависть к фашистским поработителям»⁸.

В основе агитационной работы, отмечалось в этой статье, должны лежать материалы Советского информбюро, сводки которого регулярно печатались в газете, а также факты конкретных практических дел в Фонд обороны.

Газета и сама выступила организатором пропагандистской и агитационной работы в районе, изучая, обобщая и распространяя опыт местных активистов. Например, сотрудник редакции Ал. Тукачев ознакомился с опытом лучших агитаторов станции Сорокская, о чем расска-

зал в своей статье. В цехах этого предприятия 22 активиста ежедневно проводили агитационную работу. В роли агитаторов выступали и руководители, и рабочие, и учителя железнодорожной школы. В своих беседах они рассказывали о героизме бойцов Красной армии, самоотверженной работе советского народа, обеспечивающих победу над врагом, читали сообщения Советского информбюро, мобилизуя трудящихся на еще более ответственную и производительную работу. Как результат автор называл четкую, образцовую работу станции, отсутствие нарушений трудовой дисциплины и полную готовность предприятия к зиме⁹.

СТРУКТУРА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И ЕГО ИДЕОЛОГЕМЫ

Прежде чем рассматривать структуру идеологического дискурса, необходимо напомнить, в каких отношениях находятся идеология и дискурс. Существенную роль в формировании последнего играет то, что идеология – это прежде всего система верований и убеждений. Многие идеологические конструкты сами по себе носят довольно абстрактный характер, однако эти абстракции способствуют формированию определенных *когнитивных карт повседневности*, оказывающих влияние на формирование социальных практик и процесс рутинизации идеологии, то есть переход в устойчивые убеждения и обыденные поступки, которые зачастую перестают восприниматься как идеологические [13].

В экстремальных условиях войны, когда времени на раздумья остро не хватало, именно поступки людей, действующих согласно своим убеждениям, приобретали характер идеологем, которые транслировались прессой как средство идеологического воздействия, в частности через показ примеров воинского и трудового героизма. Упорядочивание подобных примеров и их тиражирование формировали коллективные представления в рамках определенного дискурса. Дискурс, в свою очередь, способствовал дальнейшему распространению идеологии. Эта диалектика взаимодействия идеологии и дискурса разворачивалась в условиях определенной коммуникативной ситуации, создававшей контекст взаимодействия, в данном случае – между газетной информацией и читателями.

Идеологический дискурс, как правило, формируется на основе стратегии позитивной само-презентации и негативной презентации «чужих». Поэтому в материалах печати Карелии с точки зрения структуры идеологического дискурса присутствовала жесткая оценочная полярность ма-

териалов, посвященных героическим действиям Красной армии, добровольной мобилизации граждан на фронт, сбору личных средств в Фонд обороны, патриотическому подъему тружеников тыла, трудовому героизму на рабочих местах и публикаций о преступных актах захватчиков на оккупированной территории.

Важную часть дискурса составляла информация с фронта и ее оценки со стороны пропагандистов и читателей. Существенным компонентом дискурса были мнения и суждения, которые поступали в редакции с многочисленных патриотических митингов и собраний в трудовых коллективах Карелии. Они находили отражение в опубликованных отчетах, резолюциях и заметках и оказывали влияние на риторику и смысловые формулы оценки ситуации военного времени.

В рамках одной статьи невозможно показать все аспекты идеологического дискурса карельской печати военного времени. Вот только один пример, представленный публикациями, которые посвящены добровольному уходу граждан на фронт. Не умаляя патриотического героизма добровольцев, следует еще раз напомнить, что советская пресса накануне войны часто создавала у людей ложное ощущение военной неуязвимости Советского Союза, а в случае войны – легкой победы над противником. Неудивительно, что советским гражданам было непросто осознать реальные масштабы и трагичность обрушившейся на них беды. Поэтому многие добровольцы были мотивированы прежде всего предвоенными идеологическими установками.

Уже через несколько часов после официального объявления о начале войны в редакцию республиканской газеты «Ленинское знамя» стала поступать информация о многочисленных заявлениях жителей Карелии в военкоматы с просьбами отправить их на фронт, которая обрабатывалась журналистами и немедленно передавалась гласности под рубрикой «Письма добровольцев». В этих публикациях, в частности, сообщалось:

«...в Зарецкий районный военкомат пришли три подруги – работницы Петрозаводского хлебозавода Ф. Колесникова, В. Кокарева и В. Максимова и попросили, чтобы их приняли добровольцами в ряды Красной армии. Они заявили: «Мы не можем быть безучастными к происходящим событиям, наши бойцы и командиры выполняют сейчас приказ Советского правительства, дают сокрушительный отпор гитлеровским захватчикам. Мы просим и требуем, чтобы всех нас отправили на фронт. Все свои силы, а если потребуется, то и жизнь свою отдадим нашей дорогой Родине»».

В газете также сообщалось, что с такими заявлениями в военкомат обратились работница ГЭС В. И. Илларионова, сотрудница треста «Водоканал» М. И. Балашова, работница райэнергоуправления П. И. Егорова, работники 3-го стройучастка В. Плишин и В. Кораблев и другие граждане¹⁰.

Аналогичные материалы появились и на страницах районных газет. 28 июня 1941 года газета «Петровский ударник» (село Спасская Губа) опубликовала заявление бригадира тракторной бригады Линдозерской МТС комсомольца Николая Власова, добровольно идущего в Красную армию, в котором говорилось:

«Разбойничья банда распоясавшихся гитлеровских молодчиков напала на наши границы, бомбила наши города. Пролита священная кровь наших советских людей. Пусть же поймет международный бандит Гитлер, что, начав войну против отечества трудящихся всего мира, он приблизил конец своей мерзкой жизни. Я, добровольно идя в Красную Армию, заверяю партию Ленина-Сталина, что с честью выполню свой долг перед Родиной»¹¹.

Акушерка районной больницы Клава Северикова в своем заявлении написала:

«Отечественная война началась. Враг нагло напал на нашу Родину. По призыву партии и правительства весь советский народ поднялся на защиту своих прав, своей свободы. Нет сомнения, что полчища кровожадных фашистских заправил будут уничтожены. Долг каждого из нас – работать как можно лучше на своем трудовом участке и дать стране как можно больше продукции. Лично я обращаюсь с просьбой в райвоенкомат зачислить меня добровольцем в ряды Действующей Армии»¹².

Районная газета «Советское Беломорье» (г. Кемь) сообщала о выступлении на собрании в селе Шуерецкое воина-добровольца Селюкова, который сказал:

«Я горжусь тем, что иду служить в Красную Армию, и заверяю вас, товарищи, что, не щадя своей жизни, буду бить врага до полного его разгрома...»¹³.

Инициативы добровольцев получали на страницах газет активную моральную поддержку. Так, в заметке, опубликованной в республиканской газете «Ленинское знамя», рассказывалось:

«Пять своих сыновей – Егора, Ивана, Михаила, Дмитрия и Федора проводила Мария Ермоловна Мельникова из деревни Верховье в ряды Красной армии. – «Мне уже 60 лет, я инвалидка, у меня плохо работает одна рука, но я по мере сил сама буду работать в колхозе»»¹⁴.

Газета «Медвежьегорский большевик» поместила на своих страницах материнский наказ Екатерины Кархунен из поселка Пиндуши, в котором говорилось:

«...Советский народ не допустит врагов хозяйничать на нашей священной земле. У одной меня 6 сыновей, 4 из них уходят в армию. Каждый здоров, весел. С гордостью гляжу я на них и даже не верится мне, что я сумела вырастить таких крепких молодцов. Хочет идти на фронт и пятый – восемнадцатилетний сын. – Идите, сынки, – скажу я им, – боритесь с врагом за нашу любимую Родину. Бейте врага до последней капли крови. Крепко помните наказ вашей матери...»¹⁵.

Не могло оставить читателей равнодушным и обращение народной сказительницы Феклы Ивановны Быковой:

«Дорогие мои братья и сестры! Не отдадим на пору гание кровожадному врагу наших детей, наших сыновей и дочерей, нашу жизнь. Только при власти Советской, согретые лаской и заботой, мы поняли, что такое радостная, счастливая и свободная жизнь. Нужно еще сильнее принадель на работу. Помогать Родине всем, чем только можно. Не бояться трудностей, терпеливо переносить их. Ведь за жизнь свою боремся, за счастье свое. Проклятые изверги отняли у меня сына, зятя, двух племянников. Любила я их крепко, души не чаяла. Большая у меня печаль, велики страдания. Но горше страдания моей Родины. И нет слез у меня, а пуще ярость к врагу в душе разгорелась. Днями уйдут в Красную Армию мои два внука. Наказ я им дала також: – Победите свирепого врага. Рассчитайтесь сполна за все наши страдания. Убивайте падаль везде и всюду. Стреляйте умеючи – без промаха. Прогнать врага с нашей земли – этой мыслью должен жить сейчас и стар и млад. Стоишь ли ты у станка, или у руля рыбакского баркаса, на поле ль ты, или в лесу, дрова заготовляешь – помни всегда о своем священном долге перед Родиной. Если ты работаешь нехотя, спустя рукава, если у тебя на работе много непорядков – плохой ты помощник Родине. Не будем рабами у поганой немчуры. Спасем Россию. Удесятерим свои силы»¹⁶.

Провожая добровольцев на фронт, газеты не забывали рассказывать и о том, как воюют земляки. Журналист газеты «Ленинское знамя» Т. Смолянская в одном из своих очерков рассказала о молодой партизанке Ане Карху:

«...В первом же походе отряда эта девушка, казавшаяся такой нежной и хрупкой, изумила товарищ силой воли и несгибаемым характером... В восемнадцати походах участвовала Аня Карху. Мастерски ухаживала она за ранеными, спасала из-под обстрела своих товарищ. Защищая их жизнь, смелая партизанка уничтожила 12 маннергеймовцев... Орденом Красной Звезды наградило Советское правительство отважную комсомолку. И вот совсем недавно, находясь с группой партизан в глубокой разведке, в тылу врага, Аня натолкнулась на засаду. По горсточке утомленных многодневным походом партизан ударили станковый пулемет и минометы. Аня шла первой, и первая же пулеметная очередь скосила ее»¹⁷.

В другом опубликованном газетой материале рассказывалось о подвигах красноармейца Николая Бойцова:

«Комсомольца Николая Бойцова у нас зовут “ловцом Отшайнейнов”. Пять пленных доставил в свою часть Николай Бойцов. Четырех фашистов он заколол ножом в их же траншеях. А сколько перебил гранатами и огнем автомата, не помнит, ибо он бьет врагов, не считая. Бойцову 22 года. В детстве он был беспризорником. Родина дала ему образование и специальность. Он неплохо тружился и хорошо воюет»¹⁸.

Многочисленные и яркие газетные публикации о добровольцах, вступающих в Красную армию, о сказанных им в напутствие и поддержку словах, рассказы об их подвигах способствовали принятию решения идти на фронт новых тысяч граждан. Только в первый месяц войны свыше 10 тыс. жителей республики подали заявления о добровольном вступлении в Красную армию [2: 209]. К началу августа 1941 года более 22 тыс. жителей Карелии записались в отряды народного ополчения [2: 211]. Всего Вооруженные силы страны получили из Карелии около 100 тыс. человек, которые сражались на всех фронтах Великой Отечественной войны [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История печати Карелии в годы Великой Отечественной войны – это лишь небольшая часть истории советской печати военного периода. Однако в ее деятельности отразились ключевые проблемы, которые в то время решала вся отечественная пресса. Особенностью деятельности местных газет стала эвакуации редакций на неоккупированную территорию Карелии, сохранение и мобилизация журналистского потенциала, накопленного в предвоенные годы, выпуск номеров, рассчитанных как на жителей прифронтовой территории, так и районов, захваченных врагом. Успешная перестройка работы печати позволила использовать советскую ментальность для формирования идеологического дискурса военного времени, способствовавшего укреплению патриотического духа граждан и их мобилизации на помощь фронту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 89. Л. 21.

² НА РК. Ф. Р-2786. Оп. 1. Д. 2. Л. 114.

³ Там же. Д. 3. Л. 148.

⁴ Там же. Д. 8. Л. 201.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 147.

⁶ Горев В. В типографию под обстрелом // Ленинская правда. 1988. 5 мая.

⁷ Яковлев Г. Колхозный избач Фатина Попова // Беломорская трибуна. 1941. 28 дек.

⁸ Большевистскую агитацию – на службу отечественной войне // Беломорская трибуна. 1941. 15 авг.

⁹ Тукачев Ал. Передовой агитколлектив // Беломорская трибуна. 1941. 18 авг.

¹⁰ Ленинское знамя. 1941. 23 июня.

¹¹ Петровский ударник. 1941. 28 июня.

¹² Там же.

¹³ Советское Беломорье. 1941. 24 июня.

¹⁴ Ленинское знамя. 1941. 23 июня.

¹⁵ Медвежьегорский большевик. 1941. 2 июля.

¹⁶ Ленинское знамя. 1942. 19 авг.

¹⁷ Там же. Анна Гаврилова Карху в дальнейшем попала в плен. По неподтвержденным данным, после войны жила в Швеции. См.: Гуртов Н. Девушки-карелки на войне // Новая Костомукша. 2020. 5 мая.

¹⁸ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В а в у л и н с к а я Л. И. Реэвакуация населения Карелии в военные и первые послевоенные годы (1942–1947) // Военно-исторический журнал. 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/118849/> (дата обращения 22.11.2021).
2. В е р и г и н С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. 546 с.
3. Г у д к о в Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.
4. Г у с е й н о в Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2004. 272 с.
5. Д е р г а ч е в а Л. Д. Источниковые проблемы советской журналистики военного времени (1941–1945 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 1999. № 2. С. 3–20.
6. И р х и н Ю. В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 4. С. 128–143.
7. К о з л о в Н. Д., Д о в ж и н е ц М. М. Официальное и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2008. 336 с.
8. К у п р и я н о в Г. Н. За линией Карельского фронта. 3-е изд. Петрозаводск, 1982. 272 с.

9. Лайнен А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е гг. XIX – XX в.): Сб. науч. ст. Петрозаводск, 1995. С. 99–106.
10. Макуров В. Г. Карелия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Информационно-аналитический обзор событий // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 3 (7) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hepncr.com/journ709/journ709makurov.html> (дата обращения 18.11.2021).
11. Макуров В. Г. Карелия в годы Второй мировой войны (1939–1945) // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 583–667.
12. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. 237 с.
13. Мусихин Г. И. Очерки теории идеологий. М., 2013. 288 с.
14. Никулина Т. В., Киселёва О. А. Печать Карелии в период «Зимней войны» и проблема формирования официальной и индивидуальной памяти // Краеведческие чтения. 2007. С. 112–117.
15. Нилов В. М. Агент социальной мобилизации (советская печать Карелии в 1920–1930-е годы). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 219 с.
16. Очерки истории Карелии. Т. 2. Петрозаводск, 1964. 615 с.
17. Пищик В. И. Трансформация ментальности: системный подход. Ростов н/Д., 2007. 400 с.
18. Попова В. В. Цели и способы влияния печатных средств информации на формирование патриотизма в годы Великой Отечественной войны // 65-летию Победы посвящается: Сб. науч. тр. М., 2010. С. 96–101.
19. Проконен П. С. Героизм народа в дни войны. Петрозаводск: Карелия, 1974. 260 с.
20. Репухова О. Ю. СМИ как канал взаимодействия общества и государства в 1930-х годах XX века (на примере Карелии) // Краеведческие чтения. 2013. С. 183–194 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.karelia.ru/files/3952.pdf> (дата обращения 18.11.2021).
21. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 155–176.
22. Сепеля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 4–6.
23. Трофимов Ф. А. Мой век: Воспоминания. Петрозаводск, 2000. 250 с.
24. Храмкова Е. Л. Периодическая печать 1941–1945 гг. в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т. 9, № 2. С. 422–428.
25. Юсупова Л. Н. Участие женщин в разминировании Карелии. 1944–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С. 14–19.
26. Яромлич Ф. К. Цензура на Северо-Западе СССР. 1922–1964: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 209 с.

Поступила в редакцию 20.12.2021; принята к публикации 31.01.2022

Original article

Vitaly M. Nilov, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Independent Researcher (Petrozavodsk, Russian Federation)
vmlilov@ya.ru

THE ROLE OF KARELIAN PRESS IN SHAPING IDEOLOGICAL DISCOURSE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

A b s t r a c t. The article examines the understudied activities of Karelian press associated with shaping the ideological discourse during the Great Patriotic War. The author conducts the analysis of archival documents and newspaper materials introduced into scientific circulation for the first time in order to investigate the issue of local press using the potential created during the pre-war years as a result of the Cultural Revolution. The aim is to analyze the printed media system, journalists' activities, the tools of the press involved in the formation of the wartime ideological discourse, and their role in mobilizing the population of the frontline territory of Karelia. The content of the newspaper publications is studied by the discourse analysis method. The research opens up the possibility for a fundamental study and preparation of a monograph on the history of Karelian press during the war period.

Key words: Great Patriotic War, Karelia, local periodicals, journalism, discourse analysis

For citation: Nilov, V. M. The role of Karelian press in shaping ideological discourse during the Great Patriotic War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):71–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.735

REFERENCES

1. Vavulinskaya, L. I. Re-evacuation of the population of Karelia during war and early post-war years (1942–1947). *Journal of Military History*. 2017. Available at: <https://history.ric.mil.ru/Stati/item/118849/> (accessed 22.11.2021). (In Russ.)

2. Verigin, S. G. Karelia in the years of military hardships: political and socio-economic situation in Soviet Karelia during the Second World War of 1939–1945. Petrozavodsk, 2009. 546 p. (In Russ.)
3. Gudkov, L. D. “Homo Sovieticus” in Yuri’s Levada sociology. *Social Sciences and Contemporary World*. 2007;6:16–30. (In Russ.)
4. Guseynov, G. Ch. Soviet ideologemes in the Russian discourse of the 1990s. Moscow, 2004. 272 p. (In Russ.)
5. Dergacheva, L. D. Source studies problems of the Soviet journalism during the wartime (1941–1945). *Moscow University Bulletin. Series 8: History*. 1999;2:3–20. (In Russ.)
6. Irkhin, Yu. V. Discourse-analysis: essence, approaches, methodology, projecting. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2014;4:128–143. (In Russ.)
7. Kozlov, N. D., Dovzhinets, M. M. Official and ordinary consciousness during the Great Patriotic War. St. Petersburg, 2008. 336 p. (In Russ.)
8. Kupriyanov, G. N. Beyond the line of the Karelian Front. Petrozavodsk, 1982. 272 p. (In Russ.)
9. Laine, A. National policy of the Finnish occupation authorities in Karelia. *Issues of the history of European North (problems of social economy and politics: 1960s): Collection of articles*. Petrozavodsk, 1995. P. 99–106. (In Russ.)
10. Makurov, V. G. Karelia during the Great Patriotic War of 1941–1945. Information and analytical review of the events. *Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2009;3(7). Available at: <http://www.hcpnrc.com/journ709/journ709makurov.html> (accessed 22.11.2021). (In Russ.)
11. Makurov, V. G. Karelia during the Second World War (1939–1945). *The history of Karelia from ancient to contemporary times*. Petrozavodsk, 2001. P. 583–667. (In Russ.)
12. Morozov, K. A. Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 1983. 237 p. (In Russ.)
13. Musikhin, G. I. Essays on the theory of ideology. Moscow, 2013. 288 p. (In Russ.)
14. Nikulina, T. V., Kiselyova, O. A. Karelian periodicals during the “Winter War” and the problem of shaping official and individual memory. *Local History Readings*. 2007:112–117. (In Russ.)
15. Nilov, V. M. Agent of social mobilization (periodicals of the Soviet Karelia in the 1920s and the 1930s). Petrozavodsk, 2018. 219 p. (In Russ.)
16. Essays on the history of Karelia. Vol. 2. Petrozavodsk, 1964. 615 p. (In Russ.)
17. Pishchik, V. I. Transformation of mentality: systematic approach. Rostov-on-Don, 2007. 400 p. (In Russ.)
18. Popova, V. V. Printed media’s goals and methods of influence on the formation of patriotism during the Great Patriotic War. *Commemorating the 65th Victory Day: Collection of articles*. Moscow, 2010. P. 96–101. (In Russ.)
19. Prokkonen, P. S. Heroism of people during the war. Petrozavodsk, 1974. 260 p. (In Russ.)
20. Repukhova, O. Yu. Mass media as a channel of interaction between society and state in the 1930s (the case of Karelia). *Local History Readings*. 2013:183–194. Available at: <http://library.karelia.ru/files/3952.pdf> (accessed 22.11.2021). (In Russ.)
21. Senyavsky, A. S., Senyavskaya, E. S. Transformation of Soviet ideology during the Great Patriotic War and its influence on the psychology of the people. *Proceedings of the Institute of Russian History*. Issue 10. Moscow, 2012. P. 155–176. (In Russ.)
22. Sepelja, H. Finland as an occupier in 1941–1944. *Sever*. 1995:4–6. (In Russ.)
23. Trofimov, F. A. My century: Memoirs. Petrozavodsk, 2000. 250 p. (In Russ.)
24. Khramkova, E. L. The press of 1941–1945 in the latest Russian historiography. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2007;2:422–428. (In Russ.)
25. Yusupova, L. N. Women’s participation in mine-clearing in Karelia. 1944–1945. *Journal of Military History*. 2007;3:14–19. (In Russ.)
26. Yarmolich, F. K. Censorship in the north-west of the USSR. 1922–1964: Author’s abstract of Diss. Cand. Sc. (History). St. Petersburg, 2010. (In Russ.)

Received: 20 December, 2021; accepted: 31 January, 2022

ОКСАНА ЮРЬЕВНА РЕПУХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0348-2629; Repukhova@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МАКРОУРОВНЯ ЗАПАДНОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛОСЫ РСФСР / СССР В КОНТЕКСТЕ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. Формирование Западной пограничной полосы РСФСР / СССР в контексте советской пространственно-территориальной мобилизационной подготовки – актуальная проблема, позволяющая осмыслить современные процессы в российском приграничье. Целью исследования является анализ формирования структуры Западной пограничной полосы РСФСР / СССР с 1918 по 1920-е годы в сухопутных территориальных границах от Баренцева до Черного моря. В статье впервые показана динамика изменений административно-территориальных контуров субъектов макроуровня Западной пограничной полосы РСФСР / СССР через взаимодействие военных и гражданских ведомств по выработке решений в связи с мобилизационной подготовкой приграничья. В результате определены два этапа формирования контуров макроуровня Западной пограничной полосы РСФСР / СССР, охарактеризованы особенности каждого из них. Сделан вывод о нарастающей динамике совпадения контуров секторов угрожаемых зон, военных округов и субъектов макроуровня Западной пограничной полосы СССР в связи с подготовкой общесоюзных эвакуационного и мобилизационного планов.

Ключевые слова: Западная пограничная полоса РСФСР / СССР, военно-гражданская мобилизационная подготовка, административно-территориальная реформа

Для цитирования: Репухова О. Ю. Формирование макроуровня Западной пограничной полосы РСФСР / СССР в контексте мобилизационной подготовки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.736

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на чрезвычайную актуальность, история формирования Западной пограничной полосы РСФСР / СССР в контексте пространственно-территориальной мобилизационной подготовки остается малоисследованной. Различные аспекты ее изучения представлены в работах по погранологии¹ [3], [7], междисциплинарных работах² [1], [4], [9], [11], [25], предпринятых с конца XIX до начала XXI века. В конце 1990-х годов исследователи впервые обратились к проблеме дифференциации пограничной полосы, угрожаемых зон в советском приграничье, увязав реализацию в них военно-гражданско-мобилизационных мероприятий с военно-стратегическими задачами государства [8], [10], [17]. Формированию представлений о территориальных рамках мобилизационной подготовки в советском приграничье способствуют результаты исследований истории административно-территориального реформирования [6], [12], [13], [23], [26]. Советское приграничье, трансформация западной российской, советской границы и «при-

мыкающих зон» остается актуальным предметом изучения европейской исторической науки [2], [5]. Для зарубежных исследователей, работающих над данной проблематикой, характерны игнорирование особенностей пограничных зон, крайне размытая трактовка понятий «границы», «приграничья», исходя из ситуативно выбранных критериев, представление границы как искусственного и даже нелегитимного понятия. На современном этапе развития исторической науки растет понимание пространственного измерения модернизации [18]. Методология пространственного измерения модернизации позволяет осмыслить региональную специфику пространственно-территориальной мобилизационной подготовки через анализ динамики зон / полос / уровней Западной пограничной полосы РСФСР / СССР. Попытки исследовать формирование системы пограничных полос в одном из секторов (Карельском) государственной границы СССР в течение межвоенного периода были предприняты в последние годы [19].

Изучение истории формирования Западной пограничной полосы РСФСР / СССР в контексте мобилизационной подготовки возможно на основе привлечения комплекса источников, как опубликованных, так и отложившихся в фондах центральных и региональных архивов Российской Федерации.

* * *

В пределах протяженной государственной границы Советского государства самого пристального внимания заслуживала ее западная сухопутная часть между Баренцевым и Черным морями, образовавшаяся в результате обретения самостоятельности Финляндией, Польшей, Латвией, Литвой, Эстонией и подписания 3 марта 1918 года Брестского договора с Германией. Новые государства образовали «междумирие» [9: 14], «разделительный пояс» [11] – пространство между Советской Россией и Европой. Это пространство характеризовалось нарастающим напряжением. Оно рассматривалось как потенциальный театр военных действий в межвоенный период и фактически таковым являлось в период Великой Отечественной войны. Примыкающие к западной государственной границе советские территории, непосредственно соприкасающиеся с «разделительным поясом», рассматривались как наиболее уязвимые для нападения потенциального противника и становились объектами усиленной мобилизационной подготовки.

Определение контуров приграничной территории началось в ходе Гражданской войны и иностранной интервенции, когда были сформированы первые пограничные округа (Петроградский, Западный и Украинский), призванные нести охрану пограничной полосы³. Этим было положено начало формирования макроуровня системы полос / зон пространственно-территориальной мобилизационной подготовки вдоль западной государственной границы Советского государства.

Негативный опыт советско-польской войны и напряженные отношения с пограничными государствами, образовавшимися после распада Российской империи, повлияли на характер политической концепции охраны государственной границы Советского государства, выработанной в 1920 году специальной комиссией во главе с Ф. Э. Дзержинским [7], и на суждения советского руководства о будущей войне как «комбинации элементов» войны антиимпериалистической (внешней) с гражданской, не исключающей «элементы повстанчества, партизанства» внутри страны. Такой подходставил ряд

вопросов мобилизационной подготовки. Одним из них был вопрос о понимании пределов приграничного тыла (полос). 24 ноября 1920 года Совет Труда и Обороны (СТО) РСФСР рассмотрел предложения комиссии Ф. Э. Дзержинского о реорганизации охраны границы и принял решение о «закрытии» государственной границы на всем ее протяжении. Вслед за этим в первой половине 1920-х годов был предпринят комплекс усилий по централизации управления пограничной охраной в руках органов государственной безопасности, введению новой структуры пограничной охраны и формированию системы пограничных полос (микро-, мезо- и макроуровня) [19].

Макроуровень пограничной полосы – полоса, включающая населенные пункты, непосредственно выходящие на государственную границу, была дифференцирована Положением об охране границ СССР от 7 сентября 1923 года. В том же году было введено понятие «пограничные районы» – административно-территориальные единицы (районы), часть внешних границ которых совпадала с государственной границей, или *мезоуровень* пограничной полосы. Совокупность «пограничных районов» в пределах отдельных субъектов пограничной полосы СССР в документах имелась как «округа пограничной полосы», «пограничные округа», «погранполоса»⁴ и составляла фактический мезоуровень пограничной полосы⁵.

Субъекты, вошедшие в состав РСФСР, согласно Конституции 1918 года, и имевшие географический выход на государственную границу как приграничные территории, образовали макроуровень пограничной полосы. *Макроуровень* – это крупные административно-территориальные единицы (субъекты) государства, имеющие выход к государственным границам. Состав и контуры западных пограничных субъектов РСФСР (с 1922 года – СССР) также менялись, соответственно корректировались контуры макроуровня Западной пограничной полосы.

В зависимости от ширины пограничные полосы наслаждались друг на друга, что влекло изменения в действовавшем в их пределах режиме. Очевидно, что субъект макроуровня охватывал наиболее обширные территории, их площадь и протяженность вдоль государственной границы значительно различались⁶. Каждый уровень пограничной полосы был наделен конкретным функциональным назначением. Диапазон функций был широк – от ограничений пограничного режима до целенаправленной социально-экономической политики.

Большое влияние на формирование структуры и контуров Западной пограничной полосы РСФСР / СССР оказали решения, принятые партийными, военными, государственными органами в связи с проведением общегосударственной мобилизационной подготовки (МП). Если до конца 1923 года руководство Советской России ожидало перерастания социалистической революции в мировую, то на фоне неудавшейся революции в августе 1923 года в Германии, провалившегося таллинского восстания в декабре 1924 года [14] на первый план вышли вопросы реализации новой экономической политики и обеспечения безопасности государства в его новых границах. Дефицит государственного бюджета, масштаб обороныемой приграничной территории, опыт военных действий 1914–1918 годов, показавших важность объединения воюющей страны в единый лагерь, привели советское военно-политическое руководство к необходимости проработки системы МП. В ноябре 1924 года решением пленума Революционного военного совета (РВС) СССР началось перераспределение функций по МП между гражданским и военным наркоматами. Было положено начало привлечения к делу обороны страны всего государственного аппарата⁷. С 1924 года впервые в СССР начала складываться военно-гражданская структура управления общегосударственной МП [20: 18]. В 1925 году в составе СТО при Совете Народных Комиссаров (СНК) СССР на правах его постоянной комиссии были образованы Распорядительные заседания (РЗ СТО СССР), которые от имени СТО принимали решения по МП страны. Подготовительную проработку мобилизационных вопросов осуществляла Межведомственная мобилизационная комиссия (ММК) под председательством начальника Штаба РККА. Комиссия разрабатывала сводные МП страны (планы перехода народного хозяйства на положение военного времени) в соответствии с основными общими планами подготовки к войне, которые она получала от РВС [21]. РВС по линии Штаба РККА был ответственен, помимо прочего, за определение угрожаемых неприятелем районов, составление эвакуационного плана (ЭП) вывоза людей и имущества из них⁸. Контроль за реализацией ЭП, а затем и различных направлений МП осуществляли органы государственной безопасности.

В ходе организации и проведения такой работы принципиальное значение имело определение территорий, в пределах которых предполагалось проводить МП. На первый план

выходила проблема корреляции контуров границ административно-территориальных единиц (макроуровня пограничной полосы) и угрожаемых зон в Западной пограничной полосе. В ее решение были вовлечены наркоматы и ведомства всех направлений и уровней государства, осуществляющих МП, поскольку от этого зависело определение территориального объекта приложения мобилизационных усилий (военно-гражданское строительство дорог, лечебных учреждений, средств связи, предприятий, организация и проведение эвакуации, реализация программ повышения уровня жизни населения) и их финансирование.

По окончании советско-польской войны и в результате заключения в начале 1920-х годов договоров Советской России с Эстонией, Латвией, Литвой, Финляндией, Польшей и Норвегией, с одной стороны, изменились границы сопредельных с РСФСР на западе государств, с другой – линия западной государственной границы РСФСР была смещена на восток. В начале 1920-х годов она включала советско-норвежский, советско-финляндский, советско-эстонский, советско-литовский, советско-латвийский, советско-польский участки. По условиям заключенных договоров⁹ Россия несла территориальные потери в лимитрофной зоне. На северо-западной границе в результате уступок Норвегии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве территориальные потери России составили более 91 тыс. кв. км¹⁰.

По условиям Рижского мирного договора¹¹ территории Западной Белоруссии площадью около 82 тыс. км и Западной Украины площадью около 187 тыс. кв. км [16: 38] были переданы Польше. Восточная граница Польши проходила значительно восточнее «линии Керзона», захватывая дополнительно около 3400 кв. км в Полесье и на берегу Западной Двины. Общая площадь территориальных уступок Польше составила около 300 тыс. кв. км. Учитывая, что площадь Польши до 1914 года составляла около 106 350 кв. км¹², то общие территориальные потери России с 1918 по 1921 год только на польском участке оказались не менее 406 350 кв. км.

В результате раз渲ла Российской империи, последствий Первой мировой, Гражданской войны, формирования РСФСР было утрачено почти 500 тыс. кв. км территории. Учитывая, что площадь территориальных потерь по периметру всей страны составила около 800 кв. км, то уступки на западной границе, которая от всей сухопутной границы занимала не более 23 %,

равнялись 62 %. В относительно узком перешейке российского пограничья между Баренцевым и Черным морями произошел грандиозный территориальный разлом, имевший болезненные последствия для всех его участников.

Инерция разрушения устоявшихся границ в ходе Гражданской войны и интервенции пробилась и в глубину приграничных территорий России. Спор за влияние в лимитрофной зоне продолжался в ходе дипломатических переговоров по подписанию мирных договоров между РСФСР и сопредельными государствами на западной границе России. Правительство РСФСР стремилось создать правовую основу сохранения контроля над собственными приграничными территориями, формируя автономные административно-территориальные единицы с титульной нацией или поддерживая образование республик вне состава РСФСР с дружественным, советским режимом. Так, в противовес стараниям Финляндии по созданию «буферного» государства на территории Карелии как части финляндского государства в будущем, в июне 1920 года был реализован проект образования Карельской Трудовой Коммуны (КТК) в составе РСФСР [10: 43–46]. А 31 июля 1920 года, в результате контрнаступления РККА и освобождения от польской армии части шести поветов (уездов) Минской губернии, партийными и профсоюзовыми организациями Белоруссии была повторно провозглашена Советская Социалистическая Республика Беларусь (ССРБ). В Декларации о провозглашении независимой ССРБ подчеркивалось, что ее вооруженные силы подчинены единому командованию советских республик, в экономике начнется реализация единого с РСФСР хозяйственного плана¹³.

В противодействие центробежным силам в РСФСР начался процесс «собирания земель» [13: 220] – государственное строительство и административно-территориальное преобразование. С декабря 1919 года ВЦИК РСФСР начал разработку нового административно-территориального деления (АТД) республики¹⁴. Суть ее состояла в замене прежних небольших губерний, уездов и волостей на огромные области, округа, районы, сельсоветы [23]. Общие принципы нового АТД были разработаны в результате согласованной работы Административной комиссии во главе с М. Владимирским, созданной при ВЦИК РСФСР, и комиссии по проектированию территориального деления для создания территориально-милиционной системы, действовавшей при Народном комиссариате Войно-Морских Дел (НКВМ) РСФСР. В результа-

те работы комиссий при формировании АТД учитывали как сугубо экономические (гражданские) условия (сосредоточенность промышленности, технических культур, расположение промышленно-распределительных пунктов, численность и национальный состав населения), так и условия, необходимые для организации эвакуации (направление и характер путей сообщения, соотношение между уровнем развития путей сообщения и плотностью населения)¹⁵. ВЦИК утвердил предложения комиссии М. Владимирского своим Постановлением от 20 марта 1921 года¹⁶. Переход к новому АТД планировалось осуществлять постепенно и поэтапно¹⁷. Но уже с февраля 1920 по март 1921 года были установлены границы и АТД семи автономных республик и областей (одной из первых – Карельской Трудовой Коммуны), были утверждены проекты образования новых четырех губерний (одной из первых – Олонецкой) и десяти уездов¹⁸. В июне 1921 года комиссия установила границы Мурманской губернии (из северо-западных частей Архангельской).

В результате первых шагов административно-территориальной реформы западный пограничный макроуровень РСФСР в 1921–1922 годах включал в себя Архангельскую¹⁹, Мурманскую губернию²⁰, Карельскую Трудовую Коммуну²¹, Олонецкую²², Петроградскую²³, Псковскую²⁴, Витебскую²⁵, Гомельскую²⁶, Брянскую²⁷, Курскую²⁸, Воронежскую²⁹, Донскую области³⁰ и Крымскую Автономную Социалистическую Советскую Республику³¹.

В 1921–1922 годах шел процесс становления административно-территориальных границ субъектов РСФСР: в 1921 году были образованы Мурманская губерния и Крымская АССР. После образования Мурманской губернии Архангельская губерния утратит свое пограничное положение. Из 12 субъектов макроуровня Западной пограничной полосы РСФСР в 1921–1922 годах шесть граничили с советскими республиками (ССРБ и УССР). Фактически 50 % внешней Западной государственной границы РСФСР было вынесено на внешний белорусско-польский и украинско-польский рубеж. В то же время в советской пограничной политике формировалось стремление к максимальному контролю за относительно контролируемыми лимитрофными территориями. Нейтральным или малонадежным союзным государствам РСФСР предполагала включение стратегически важных территорий в состав СССР [17: 532].

С образованием СССР в декабре 1922 года РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР договорились, помимо других вопросов общей юрисдикции,

о внешних границах. Макроуровень Западной пограничной полосы был преобразован, включив в себя Мурманскую губернию РСФСР³², Карельскую Трудовую Коммуну³³, Петроградскую³⁴, Псковскую³⁵, Витебскую губернии РСФСР³⁶, Крымскую АССР³⁷, Белорусскую ССР³⁸, Украинскую ССР³⁹.

Если на первом этапе формирования Западной пограничной полосы в 1918–1922 годах происходило восстановление государственной границы России, большевистское правительство создало и поддерживало государства с лояльным режимом в лимитрофной зоне (ССРБ, ЛСР, УСР), то с образованием СССР и включением части зон / государств-лимитрофов в состав союзного государства шел поиск оптимальных контуров административно-территориальной единицы для макрополосы СССР. С образованием СССР сократилось число субъектов макроуровня Западной пограничной полосы с 12 до 8. Произошло их укрупнение: уезды Олонецкой, Витебской губерний были переданы в состав соседних пограничных административно-территориальных единиц. Площадь АКССР, Псковской и Петроградской губерний РСФСР, ССРБ выросла. При этом решение Политбюро ЦК ВКП(б) о передаче части Гомельской губернии ССРБ в 1926 году было принято без учета позиций губернского руководства. Как и в ситуации 1919 года, когда Смоленская, Могилевская и Витебская губернии были переданы из ССРБ в состав Западной области РСФСР, без учета позиции белорусского руководства. Общая площадь макроуровня Западной пограничной полосы СССР составила около 1 003 684 кв. км, или 4,8 % территории Союза.

Начиная с 1922 года территория Западной пограничной полосы, сформированной в рамках СССР, решением военного ведомства была целиком отнесена к зоне угрожаемой нападением противника. Таким образом, площадь угрожаемой зоны Союза составляла 4,8 % территории страны. Это создавало недоразумения в распределении мобилизационных и эвакуационных усилий, поскольку в случае нападения противника, например, в Крымской АССР требовалось начать эвакуацию в Александровском уезде Мурманской губернии. Для оптимального распределения мобилизационных и эвакуационных усилий требовалось разделение Западной пограничной полосы на сектора, оборона которых осуществлялась бы исходя из непосредственных угроз (Северо-Западный, Западный, Украинский и Крымский)⁴⁰.

В ходе военной реформы по приказу председателя ОГПУ № 122/44 от 25 февраля 1924 года субъекты Западной пограничной полосы СССР были разделены между четырьмя военными округами⁴¹. Ленинградскому военному округу (ЛВО) были подчинены части пограничной охраны Ленинградского, Псковского, Новгородского, Череповецкого, Мурманского губернских отделов и Карельской АССР⁴². ЛВО охватил те северо-западные территории, которые с 1922 по 1926 год РВС определял как Северо-Западный угрожаемый нападением противника сектор⁴³. Западный военный округ (ЗВО) охватывал территорию ССРБ (Минск). Украинский военный округ (УВО) – УССР (Винница, позже – Харьков). Округ включил Волынскую, Подольскую, Одесскую губернские пограничные части. Пограничный округ Крыма был создан в январе 1925 года и переформирован в управление пограничной и внутренней охраны УНКВД Крымской АССР (Симферополь)⁴⁴. Западный, Украинский военные округа и пограничный округ Крыма полностью совпали с внешними контурами административно-территориальных единиц макроуровня ССРБ, УССР, Крымской АССР. А на северо-западе СССР территория ЛВО в 1924 году фактически обозначила абрисы будущей Ленинградской области.

К 1924 году контуры секторов угрожаемой зоны, военных округов и субъектов макроуровня Западной пограничной полосы СССР совпали на 75 % (кроме территорий, входивших в ЛВО). Юрисдикция военных и гражданских ведомств пересекалась в пределах одних и тех же административно-территориальных единиц макроуровня. В условиях становления общегосударственной МП это создавало условия для согласованности действий между гражданскими и военными наркоматами и ведомствами.

Практическая реализация мобилизационных мероприятий ускорила уточнение границ угрожаемых территорий. Запросы по этому поводу поступали в Штаб РККА от вовлеченных в мобилизационную работу ведомств, требующих указать район потенциального ТВД для расчета людских и материальных ресурсов, необходимых для МП и ЭП⁴⁵. Начав разработку первого общесоюзного эвакуационного плана в 1926 году (ЭП 1927 год), военное ведомство пришло к выводу о необходимости определения территорий, угрожаемых нападением противника, не по установленным линиям, как раньше, а по границам соответствующих единиц административного деления [15: 66–67]. Такой подход требовал изменения определения угрожаемой зоны, действовавшего

с 1922 года, по которому к ней была отнесена целиком вся Западная пограничная полоса СССР.

В 1926 году командование РККА определило Западную угрожаемую зону СССР в составе Карельской АССР, г. Ленинграда с прилегающими районами, территорий западных областей РСФСР (Лужский уезд Ленинградской губернии, Псковская губерния), ССРБ, пра-вобережной УССР и Крымской АССР⁴⁶. В апреле 1927 года, исходя из степени опасности расположения на потенциальном театре военных действий, СТО СССР разделил Западную пограничную полосу СССР на угрожаемые сектора⁴⁷: Северный, Белорусский, Украинский, Крымский. Постановлением РВС СССР от 13 июня 1928 года сектора Западной пограничной полосы СССР были разделены на 1-ю и 2-ю угрожаемые зоны по степени опасности вторжения со стороны потенциального противника⁴⁸. Документы показывают, что деление на 1-ю и 2-ю угрожаемые зоны применялось уже в течение года между этими решениями в ходе разработки эвакуационного плана [22: 32].

Если границы Белорусского, Украинского, Крымского секторов угрожаемых зон совпадали с административными границами макроуровня Западной пограничной полосы СССР⁴⁹, то Северный сектор включил в себя обширную территорию Ленинградской, Псковской, Череповецкой, Новгородской, Северо-Двинской, Вологодской, Зырянской автономной области, Архангельской, Мурманской губерний и Автономную Карельскую ССР (АКССР)⁵⁰. Эти территории, кроме АКССР, организованные с 1924 года под военным руководством Ленинградского военного округа, в ходе АТД были сконцентрированы в составе одной Ленинградской области.

В 1926 году развернулась подготовка крупномасштабного мероприятия по «районированию». Уже в апреле 1926 года границы округов в «самых грубых чертах» были намечены [24: 54–55]. В мае 1927 года ВЦИК РСФСР принял постановление о создании Северо-Западного края с центром в Ленинграде. Из бывших губерний – Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой, Мурманской, определяемых с апреля 1927 года как 1-я угрожаемая зона Северного сектора Западной угрожаемой зоны СССР, была образована Ленинградская область в составе созданных девяти округов – Ленинградского, Лужского, Псковского, Великолукского (два последних были образованы на территории бывшей Псковской губернии), Мурманского, Новгородского, Боровичевского, Череповецкого, Лодейнопольского. Новая обширная адми-

нистративно-территориальная единица была фактически организована 1 августа 1927 года и получила название Ленинградской области. Мурманский округ являлся ее анклавом, отделенным от основной части области территорией Карельской АССР. Был сформирован новый субъект макроуровня Западной пограничной полосы СССР, контуры которого были совмещены с 1-й угрожаемой зоной Северного сектора Западной угрожаемой зоны СССР, как на этом и настаивали в РВС. Контуры секторов угрожаемой зоны, военных округов и субъектов макроуровня Западной пограничной полосы СССР совпали.

ВЫВОДЫ

В процессе формирования макроуровня Западной пограничной полосы РСФСР / СССР можно выделить условные этапы: с 1918 по декабрь 1921 года – с момента образования РСФСР до образования СССР; с 1922 по 1927 год – с момента образования СССР до начала формирования первого общесоюзного эвакуационного плана.

В ходе первого этапа потери на западной границе составили 62 % всех территорий, утраченных по периметру страны. Советское руководство противостояло проникновению инерции разрушения в глубину приграничных территорий РСФСР, формируя в западном пограничье административно-территориальные единицы макроуровня с титульной нацией или поддерживая образование республик с лояльным режимом вне состава РСФСР. С декабря 1919 года в РСФСР начался процесс «собирания земель» через административно-территориальные преобразования, принципы которого проходили согласование с военным ведомством.

На втором этапе с образованием СССР и включением части зон / государств-лимитрофов в состав союзного государства шел поиск оптимальных контуров административно-территориальной единицы Западной пограничной макрополосы СССР. Произошло сокращение и укрупнение ее субъектов. Практическая реализация решений по мобилизационной подготовке приграничных земель аккумулировала усилия военных и гражданских наркоматов и ведомств для формирования территориальных объектов, приемлемых для всех структур, вовлеченных в общегосударственную мобилизацию. Контуры секторов угрожаемой зоны, военных округов и субъектов макроуровня Западной пограничной полосы СССР фактически совпали, что создало условия для согласования действий военных и гражданских наркоматов и ведомств по реализации мобилизационной подготовки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Золотарев А. М. Западно-пограничная полоса / Записки военной статистики России. СПб., 1885. Т. 2. 24 с.; Но-вицкий В. Я. Высшая стратегия. СПб., 1913. 97 с.; Терещенко В. В. Деятельность советских государственных и военных органов по созданию и совершенствованию окружной системы пограничных войск (1918–1991 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2015. 427 с.
- ² Аблаев Ю. М. История становления и развития государственной границы на Северо-Западе Российской Федерации X–XX вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 37 с.; Ильинский И. Д. Государства западного рубежа СССР. Л., 1925. 52 с.
- ³ Терещенко В. В. Указ. соч. С. 56–57
- ⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 141–143.
- ⁵ В представленной работе анализ динамики микро- и мезоуровня Западной пограничной полосы РСФСР / СССР в 1920-х годах не приведен.
- ⁶ Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 1. Оп. 15. Пор. 3. Л. 57–58; Ф. 2. Оп. 1. Пор. 54. Л. 5.
- ⁷ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 91. Д. 150. Л. 41.
- ⁸ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 467. Л. 16.
- ⁹ Нота Правительства РСФСР Правительству Норвегии, 12 февраля 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 2. М., 1958. С. 368–369; Мирный договор между Россией и Эстонией, 2 февраля 1920 г. // Там же. С. 339–354; Мирный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Финляндской Республикой, 14 октября 1920 г. // Документы внешней политики. Т. 3. М., 1959. С. 265–282; Мирный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Литовской Республикой, 12 июля 1920 г. // Там же. С. 28–42; Мирный договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Латвийской Республикой, 11 августа 1920 г. // Там же. С. 101–110.
- ¹⁰ Аблаев Ю. М. Указ. соч. С. 34–35.
- ¹¹ Мирный договор между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей – с другой, 18 марта 1921 г. // Документы внешней политики. Т. 3. М., 1959. С. 618–655.
- ¹² Статистический ежегодник России. Пг., 1914. Отдел 1. С. 1–25.
- ¹³ Декларация о провозглашении независимости Социалистической Советской Республики Беларусь (Извлечения). 1920 г. // История Беларуси в документах и материалах / Авт.-сост. И. Н. Кузнецов, В. Г. Мазец. Минск, 2000. С. 392–395.
- ¹⁴ Государственный архив Псковской области в г. Великие Луки (ВЛО ГАПО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 253. Л. 230 б.
- ¹⁵ Там же. Л. 230 в.
- ¹⁶ Там же. Л. 230 ж.
- ¹⁷ Там же. Л. 230 в.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Границы Мурманского (Александровского) (до 13 июня 1921 года) и Кемского уездов (до 4 августа 1920 года) губерний выходили непосредственно на государственную границу.
- ²⁰ Границы Александровского, Кольско-Лопарского уездов губерний выходили на государственную границу.
- ²¹ Границы Олонецкого, Петрозаводского, Кемского, переданного в состав КТК из Архангельской губернии 4 августа 1920 года, уездов и Ухтинского района КТК выходили на государственную границу.
- ²² Губерния вновь была образована Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР 12 сентября 1920 года. Границы только Лодейнопольского уезда губерний выходили на государственную границу. 18 сентября 1922 года Олонецкая губерния была упразднена Декретом ВЦИК РСФСР, ее уезды (Пудожский и Повенецкий) были включены в состав КТК. Лодейнопольский уезд Декретом ВЦИК от 18 сентября 1922 года был передан в состав Петроградской губернии.
- ²³ Границы трех уездов губерний выходили на государственную границу: Петроградского, Кингисеппского, Гдовского.
- ²⁴ Границы Псковского, Островского, Опочецкого уездов губерний выходили на государственную границу.
- ²⁵ Граница Дриссенского уезда губернии выходила на государственную границу с Латвией, остальные западные уезды губернии выходили на границу с ССРБ.
- ²⁶ Губерния была выделена в 1919 году из Минской и Могилевской губерний, ее западные уезды граничили с ССРБ, юго-западные – с УССР.
- ²⁷ Губерния была образована в 1920 году, ее юго-западные – Трубчевский и Севский – уезды граничили с УССР.
- ²⁸ Юго-западные уезды губернии – Путивльский, Рыльский, Суджанский, Грайворонский, Белгородский – граничили с УССР.
- ²⁹ Юго-западные уезды губернии – Богучарский, Валуйский – граничили с УССР.
- ³⁰ Область была образована в 1920 году, ее западные уезды граничили с УССР.
- ³¹ КАССР была образована 18 октября 1921 года, в ее составе было выделено семь округов: Джанкойский, Евпаторийский, Керченский, Севастопольский, Симферопольский, Феодосийский и Ялтинский. Уезды северных округов – Джанкойский, Евпаторийский – граничили с УССР.
- ³² Губерния состояла из Александровского уезда с губернским центром в г. Мурманске. Площадь губернии составляла 148 179 кв. км (0,7 % к площади СССР). См.: Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 года. М., 1923. С. 6.
- ³³ КТК с июня 1923 года была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (АКССР). КТК состояла из шести уездов: Кемского, Олонецкого, Петрозаводского, Пудожского,

Повенецкого и Ухтинского района (был подчинен Кемскому уезду). В 1924 году в составе АКССР был образован Паданский уезд. Площадь АКССР составляла чуть более 118 тыс. кв. км (0,6 % к площади СССР). Ухтинский район, Паданский и Олонецкий уезды АКССР выходили на государственную границу РСФСР. См.: Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 года. М., 1923. С. 15.

³⁴ С 1924 года губерния была переименована в Ленинградскую. Она состояла из восьми уездов: Волховского, Вытегорского, Гдовского, Кингисеппского, Лодейнопольского, Лужского, Петроградского (Ленинградского), Троцкого. Площадь Ленинградской губернии составляла около 66 тыс. кв. км (0,3 % к площади СССР). См.: Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 года. М., 1923. С. 8.

³⁵ Губерния включала Великолуцкий, Ново-Ржевский, Опочецкий, Островской, Порховской, Псковский, Торопецкий, Холмский уезды. Площадь в мае 1923 года составляла около 62 тыс. кв. км (0,3 % к площади СССР). Псковский и Островской уезды губернии выходили на государственную границу с Эстонией. Государственная граница с Латвией проходила по западной окраине Островского и Опочецкого уездов. После присоединения в марте 1924 года Себежского, Велижского и Невельского уездов площадь Псковской губернии выросла до 74 тыс. кв. км (0,35 % от территории СССР). См.: Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 года. М., 1923. С. 8.

³⁶ В составе губернии было семь уездов: Бочейковский, Велижский, Витебский, Невельский, Оршанский, Полоцкий, Себежский. Площадь составляла 40 тыс. кв. км (0,19 % к площади СССР). В марте 1924 года Витебская губерния была упразднена. Себежский, Велижский, Невельский уезды (общей площадью около 12 тыс. кв. км) упраздненной губернии были переданы в состав Псковской губернии. Часть Витебской, ряд уездов Смоленской губернии, г. Полоцк были переданы из РСФСР в состав Белорусской ССР. Территория ССРБ в результате составила 110 900 кв. км (0,53 % к площади СССР). Себежский уезд граничил с территорией Латвийской Республики. См.: Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 года. М., 1923. С. 2, 9; Районы Западной области: Краткий экономико-статистический справочник. Смоленск, 1932. С. 102.

³⁷ КАССР РСФСР состояла из семи округов: Евпаторийский, Перекопский, Керченский, Феодосийский, Симферопольский, Севастопольский, Ялтинский. Площадь республики составляла около 38 тыс. кв. км (0,18 % к площади СССР). См.: Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 года. М., 1923. С. 18.

³⁸ ССРБ состояла из шести уездов бывшей Минской губернии: Бобруйского, Борисовского, Игуменского, Минского, Мозырского, Слуцкого. 17 июля 1924 года на территории ССРБ было введено АТД на округа: Бобруйский, Борисовский, Витебский, Килининский, Могилевский, Мозырский, Минский, Оршанский, Полоцкий, Слуцкий. В 1926 году Речицкий и Гомельский уезды Гомельской губернии из состава РСФСР были переданы в состав Белорусской ССР. Площадь ССРБ в результате выросла до 126,8 тыс. кв. км и составила 0,6 % к общей территории СССР. См.: Административное деление СССР по данным к 15 мая 1923 года. М., 1923. С. 20; Административно-территориальное деление Союза ССР (на 1 января 1931 г.). М., 1931. С. 112; Административно-территориальное деление СССР по данным к 1 мая 1924 г. М., 1924. С. 9.

³⁹ УССР состояла из девяти губерний: Волынской, Донецкой, Екатеринославской, Киевской, Одесской, Польской, Полтавской, Харьковской, Черниговской. Площадь республики достигла 446 400 кв. км (2,1 % к общей территории СССР) // Административно-территориальное деление СССР по данным к 1 мая 1924 г. М., 1924. С. 9.

⁴⁰ РГВА. Ф. 32032. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁴¹ Терещенко В. В. Указ. соч. С. 70.

⁴² Там же. С. 75.

⁴³ РГВА. Ф. 32032. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁴⁴ Терещенко В. В. Указ. соч. С. 73.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 10. Д. 210. Л. 46.

⁴⁶ РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 657. Л. 71.

⁴⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8418. Оп. 1. Д. 83. Л. 6; РГВА. Ф. 32032. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

⁴⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 13. Л. 233–236.

⁴⁹ Там же. Оп. 1. Д. 467. Л. 31.

⁵⁰ Там же. Ф. 32032. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А бла е в Ю. М. Стратегические приоритеты и правовые нормы восстановления государственной границы на северо-западе СССР в предвоенные годы // Вестник гражданских инженеров. 2010. № 4 (25). С. 164–169.
2. Б а р о н Н. Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939. М., 2011. 400 с.
3. Б о я р с к и й В. И. Основные этапы, противоречия и тенденции развития пограничной службы России (XIV–XX вв.) // Вестник границы России. 1996. № 5. С. 34–45.
4. Г р а н б е р г А. Г. Межрегиональное экономическое сотрудничество сопредельных стран // Регионы в системе внешнеэкономических связей Российской Федерации: Материалы междунар. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. С. Г. Горшенина. Оренбург, 1998. С. 30–41.
5. Д ю л л е н С. Уплотнение границ: К истокам советской политики. 1920–1940-е. М., 2019. 416 с.
6. Е л и з а р о в С. А. Округа в системе административно-территориального деления Белорусской ССР (1935–1937 гг.) // История государства и права. 2011. № 17. С. 13–16.

7. Ежуков Е. Л. Исторические концепции охраны границ Российской государства // Военно-исторический журнал. 2007. № 12 (572). С. 16–19.
8. Иванов В. А. Псковские пограничные районы в 20–30-е годы: исторические уроки развития // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 1998. № 1. С. 88–114.
9. Квициани Д. Д. Об использовании термина «лимитроф» в русскоязычной литературе 1920–1930-х гг., и его geopolитическая трактовка в постперестроечный период // Инженерный вестник Дона. 2018. № 3. С. 1–24.
10. Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. 275 с.
11. Коэн С. Б. Бухарин: политическая биография, 1888–1938. М.; Минск, 1989. 570 с.
12. Крымская АССР: 20-е–30-е годы. Киев, 1989. 17 с.
13. Круглов В. Н. Формирование территориального устройства РСФСР: административные, экономические и национальные аспекты (1918–1992 гг.) // Труды института Российской истории РАН. 2015. № 13. С. 217–240.
14. Кен О. Н., Рупасов А. И. Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: Общества и государства. М., 2002. С. 225–256.
15. Мелия А. А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР (1921–1941 гг.). М., 2004. 351 с.
16. Мельтюхов М. И. Советско-польские войны: Военно-полит. противостояние, 1918–1939 гг. М., 2001. 460 с.
17. Нэх В.Ф. Проблема обеспечения военной безопасности западных рубежей страны в советской пограничной политике (1917–1941 гг.) // Безопасность Евразии. 2004. № 2. С. 517–532.
18. Побережников И. В. Пространственные аспекты российской модернизации // Экономическая история. 2010. № 9. С. 18–26.
19. Репухова О. Ю. Пространственно-территориальная мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах. Петрозаводск, 2016. 85 с.
20. Репухова О. Ю. Военно-гражданская мобилизационная подготовка в Карелии в 1920–1930-х годах. Петрозаводск, 2016. 86 с.
21. Репухова О. Ю. Поиск оптимальной структуры управления общегосударственной «военизацией» в СССР в 1920-х гг. // Исторические чтения на Лубянке. Органы государственной безопасности России в годы реорганизаций и реформ в XIX–XXI веках. М., 2020. С. 51–60.
22. Репухова О. Ю. «Воевать будет не только армия, но и вся страна». Бронирование как инструмент резервирования кадрового потенциала Союза ССР на случай войны // Военно-исторический журнал. 2021. № 5. С. 29–34.
23. Тархов С. А. Основные пространственные закономерности эволюции сетки административно-территориального деления России за 300 лет // Псковский регионологический журнал. 2019. Вып. 4 (40). С. 16–33.
24. Филимонов А. В. Процесс «районирования» в Псковском крае (1918–1930 гг.) // Вестник Псковского государственного университета. 2009. № 9. С. 43–60.
25. Хатунцев С. В. Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового света // Полис. 2011. № 2. С. 86–98.
26. Шабельников В. И. Создание и функционирование областного территориального деления в Украине: исторический опыт и уроки (1932–1940 гг.) // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 100–107.

Поступила в редакцию 25.12.2021; принята к публикации 31.01.2022

Original article

Oksana Yu. Repukhova, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0348-2629; Repukhova@yandex.ru

FORMATION OF THE MACRO LEVEL OF THE RSFSR/USSR WESTERN BORDER STRIP IN THE CONTEXT OF MOBILIZATION TRAINING

Abstract. The formation of the Western Border Strip of the RSFSR/USSR in the context of Soviet spatial and territorial mobilization training is an urgent research problem that will help to understand contemporary processes in Russian border areas. The purpose of the article is to analyze the formation of the structure of the RSFSR/USSR Western Border Strip from 1918 to the 1920s within the land territorial borders from the Barents Sea to the Black Sea. The article for the first time shows the dynamics of changes in the administrative and territorial contours of the macro-level subjects of the RSFSR/USSR Western Border Strip through the interaction between military and civilian departments to develop decisions related to the mobilization preparation of the border. As a result, two stages of forming the macro-level contours of the RSFSR/USSR Western Border Strip were identified, and their specific features were

described. The conclusion was made about the growing dynamics of the contour overlapping for the sectors of threatened zones, military districts and macro-level subjects of the USSR Western Border Strip in connection with the preparation of all-Union evacuation and mobilization plans.

Keywords: RSFSR/USSR Western Border Strip, military and civilian mobilization training, administrative and territorial reform

For citation: Repukhova, O. Yu. Formation of the macro level of the RSFSR/USSR Western Border Strip in the context of mobilization training. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.736

REFERENCES

1. A bla e v, Yu. M. Strategic priorities and legal norms for the restoration of the state border in the north-west of the USSR in the pre-war years. *Bulletin of Civil Engineers*. 2010;4(25):164–169. (In Russ.)
2. B a r o n, N. Power and space. Autonomous Karelia within the Soviet State, 1920–1939. Moscow, 2011. 400 p. (In Russ.)
3. B o y a r s k y, V. I. The main stages, contradictions and trends in the development of the border service of Russia (XIV–XX centuries.). *Bulletin of Russian Borders*. 1996;5:34–45. (In Russ.)
4. G r a n b e r g, A. G. Interregional economic cooperation of neighboring countries. *Regions in the system of foreign economic relations of the Russian Federation: Proceedings of the international research and practice conference*. (S. G. Gorshenin, Ed.). Orenburg, 1998. P. 30–41. (In Russ.)
5. D u l l i n, S. Sealing of borders: Towards the origins of Soviet politics. 1920–1940. Moscow, 2019. 416 p. (In Russ.)
6. E l i z a r o v, S. A. Districts in the system of administrative and territorial division of the Belorussian Soviet Socialist Republic (1935–1937). *History of State and Law*. 2011;17:13–16. (In Russ.)
7. E z h u k o v, E. L. Historical concepts of the protection of Russian borders. *Journal of Military History*. 2007;12(572):16–19. (In Russ.)
8. I v a n o v, V. A. Pskov border areas in the 1920s and the 1930s: historical lessons of development. *Scientific Letters of Russian Customs Academy the St.-Petersburg branch named after Vladimir Bobkov*. 1998;1:88–114. (In Russ.)
9. K v i t s i a n i, D. D. On the use of the term “limittrophe” in Russian literature of the 1920–1930, and its geopolitical interpretation in the post-restructuring period. *Engineering Journal of Don*. 2018;3:1–24. (In Russ.)
10. K i l i n, Yu. M. Karelia in the policy of the Soviet state. 1920–1941. Petrozavodsk, 1999. 275 p. (In Russ.)
11. K o h e n, S. B. Bukharin: political biography, 1888–1938. Moscow, Minsk, 1989. 570 p. (In Russ.)
12. Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic (CASSR): 1920s–1930s. Kiev, 1989. 17 p. (In Russ.)
13. K r u g l o v, V. N. Formation of the Russian Federation's territorial structure: administrative, economic, and national aspects (1918–1992). *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*. 2015;13:217–240. (In Russ.)
14. K e n, O. N., R u p a s o v, A. I. Moscow and the Baltic countries: experience of relations, 1917–1939. *Baltic countries and Russia: Society and states*. Moscow, 2002. P. 225–256. (In Russ.)
15. M e l i a, A. A. Mobilization preparation of the USSR national economy (1921–1941). Moscow, 2004. 351 p. (In Russ.)
16. M e l ' t u h o v, M. I. Soviet-Polish wars: Military and political confrontation, 1918–1939. Moscow, 2001. 460 p. (In Russ.)
17. N e k h, V. F. The problem of ensuring military security of the country's western borders in the Soviet border policy (1917–1941). *Security & Eurasia*. 2004;2:517–532. (In Russ.)
18. P o b e r e z h n i k o v, I. V. The space aspects of Russian modernization. *Economic History*. 2010;9:18–26. (In Russ.)
19. R e p u k h o v a, O. Yu. Spatial and territorial mobilization training in Karelia in the 1920s–1930s. Petrozavodsk, 2016. 85 p. (In Russ.)
20. R e p u k h o v a, O. Yu. Military and civilian mobilization training in Karelia in the 1920s and the 1930s. Petrozavodsk, 2016. 86 p. (In Russ.)
21. R e p u k h o v a, O. Yu. The search for an optimal management structure of national “militarization” in the USSR in the 1920s. *Historical Readings on Lubyanka. Russian state security bodies during the years of reorganizations and reforms in the XIX–XXI centuries*. Moscow, 2020. P. 51–60. (In Russ.)
22. R e p u k h o v a, O. Yu. “It will not be just the army, but the entire country that will fight”. Commandeering as an instrument of Soviet personnel potential in the event of war. *Journal of Military History*. 2021;5:29–34. (In Russ.)
23. T a r k h o v, S. A. Basic spatial regulations of the evolution of the network of the administrative territorial management of Russia for 300 years. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2019;4(40):16–33. (In Russ.)
24. F i l i m o n o v, A. V. The process of “zoning” in the Pskov Region (1918–1930). *Bulletin of Pskov State University*. 2009;9:43–60. (In Russ.)
25. K h a t u n t s e v, S. V. Limitrophes – intercivilizational spaces of the Old and New Worlds. *Polis*. 2011;2:86–98. (In Russ.)
26. S h a b e l n i k o v, V. I. Creation of regional chain in territorial division and administration in Ukraine (1932–1940s). *Bulletin of Donetsk National University. Series B. Humanities*. 2016;1:100–107. (In Russ.)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ БОЧКАРЕВ

младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2679-8503; alexander.bochkariov@yandex.ru

ДЕЗЕРТИРСТВО И ДУАЛИЗМ СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВЫХ ФУНКЦИЙ МЛАДШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА ОЛОНЕЦКИХ ПОЛКОВ «НОВОГО СТРОЯ»

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью более детального рассмотрения проблемы беглых солдат в олонецких полках в связи с ее экономической, военной и социальной контекстуализацией. Научная новизна состоит в том, что это первое исследование о воздействии младшего командного состава олонецких полков на распространение дезертирства. При условном разделении побегов на стихийные и организованные особое внимание в работе уделяется организованным побегам. Автор останавливается на периоде 1660–1662 годов, так как именно в это время масштабы дезертирства достигли своего максимума. Цель работы заключается в выявлении места младшего командного состава в условиях массового дезертирства. Для достижения цели решаются следующие задачи: выделение наиболее значимых случаев группового дезертирства, выяснение положения сержантов, каптенармусов и капралов в армейской иерархической лестнице, исследование их служебных обязанностей и причин организации побегов. В работе применены историко-системный, историко-сравнительный, типологический, историко-генетический методы. Показано, что, несмотря на свою особую координационно-управленческую функцию в подразделениях, сержанты и иные младшие командиры, будучи, как и солдаты, выходцами из крестьянской среды, брали на себя ответственность в планировании и организации групповых побегов. Сделан вывод, что побеги, организованные сержантами, обуславливались двойственностью специфики их социальной роли.

Ключевые слова: олонецкие полки «нового строя», беглые солдаты, сержанты, русско-польская война 1654–1667 годов, русско-шведская война 1656–1658 годов

Благодарности. Работа выполнена по госзаданию КарНЦ РАН (ИЯЛИ).

Для цитирования: Бочкарев А. С. Дезертирство и дуализм социально-ролевых функций младшего командного состава олонецких полков «нового строя» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 90–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.737

ВВЕДЕНИЕ

Создание в России полков «нового строя» – важнейшая часть военных реформ 1630–1650-х годов. Одним из этапов модернизации вооруженных сил в этом направлении является формирование на северо-западе, в Карелии, солдатских и драгунских полков, основанных на милиционном принципе комплектования и состоящих из обученных военному делу крестьян Олонецкого уезда [3: 122].

Олонецкая пехота принимала активное участие в боевых действиях русско-польской (1654–1667) и русско-шведской (1656–1658) войн. Однако ее полки страдали от одной из самых распространенных проблем армий XVII века – дезертирства. Вызванное рядом факторов эконо-

мического, военного и социального свойств, оно не прекращалось все тринадцать лет войны до момента полного расформирования подразделений. Дезертирство из действующей армии началось уже осенью 1654 года под Витебском, где заонежские солдаты, страдающие от тяжестей « дальней службы », стали терпеть ощущаемый дефицит продовольственного и вещевого обеспечения. К началу 1660-х годов на фоне финансово-экономического кризиса, характеризующегося дестабилизацией системы денежного и продовольственного снабжения вооруженных сил, в сочетании с чередой военных поражений Новгородского разряда полка 1660–1661 годов, вызвавшей катастрофическое падение дисциплины, а также нарушением порядка мобили-

зации олонецких солдат, дезертирство приобрело характер эпидемии¹ [6: 133–134], [7: 134].

Солдаты сбегали со службы, как правило, группами от нескольких десятков до нескольких сотен человек, нередко вооруженными. В условиях групповых побегов особая роль принадлежала зачастую дезертировавшим вместе с рядовыми командирам младшего звена – сержантам, капралам и капитенармусам. До сих пор вопрос о степени вовлеченности младшего командного состава в массовое дезертирство солдат и драгун олонецких полков «нового строя» в историографии не изучался. Тем не менее существует ряд работ по смежным темам, которые необходимы в нашем исследовании. Вопрос положения капитенармусов, капралов, сержантов и др. в системе нижних чинов исследовался А. В. Маловым [5]: автор проследил эволюцию иерархии командного состава полков «нового строя» в 1630-е годы. Для выявления экономической подоплеки дезертирства следует обратиться к публикации А. А. Новосельского [7], где в числе прочего рассматриваются трудности с продовольственно-вещевым обеспечением олонецких солдат, а также к монографии К. В. Базилевича², посвященной воздействию денежной реформы на армию. Результаты и последствия похода корпуса князя И. А. Хованского, в частности поражений под Полонкой и Ляховичами, разобраны в статье О. А. Курбатова [4]. Кроме того, в одной из наших статей [1] рассмотрены взаимоотношения гражданского и военного населения Пскова, в том числе противоречия между олонецкими пашенными солдатами и полковым командованием на примере мятежа 1662 года. Для уточнения общих фактов истории олонецких полков «нового строя» в статье используются работы Р. Б. Мюллера [6], А. Ю. Жукова [2] и коллективная монография по истории Карелии [3].

Исследование опирается на неопубликованные архивные источники – материалы фонда 98 (Олонецкая воеводская изба) Научного архива Санкт-Петербургского института истории РАН³ и фондов 137 (Боярские городовые книги) и 210 (Разрядный приказ) Российского государственного архива древних актов⁴. Архивные фонды содержат необходимую документацию публично-правового и частно-правового характера: наказные памяти олонецкого воеводы Т. В. Мышецкого на места, его отчеты воеводе Новгородского полка Б. А. Репнину, отписки солдатских сыщиков о разыскных мероприятиях и т. п. Важную часть исследования составляют материалы приходно-расходных смет Олонецкого уезда и переписные книги Ивана Дивова 1657 года⁵. Необхо-

димые источники, посвященные побегам солдат со службы и борьбе с дезертирством, опубликованы А. Ю. Жуковым⁶, а также в других сборниках документов⁷.

ОРГАНИЗОВАННЫЕ МАССОВЫЕ ПОБЕГИ

По характеру организации дезертирство олонецких солдат и драгун можно условно разделить на два типа – побеги стихийные и организованные, то есть имеющие зачинщиков и подстрекателей. С точки зрения динамики дезертирства в контексте войн середины XVII века и варианта социальных перемен в статусе крестьянина от крестьянина к солдату, от солдата к дезертиру и снова к крестьянину или солдату особый интерес представляют групповые побеги. Здесь стоит уделить пристальное внимание личностям организаторов, их мотивировке, заинтересованности и вовлеченности в акт дезертирства.

Обращаясь к периоду наибольших масштабов дезертирства пашенных солдат и драгун начала 1660-х годов и основываясь на сыскных документах, расспросных речах и челобитных, мы выявили четыре наиболее заметных массовых спланированных побега, произошедших в один из месяцев 1660/1661 года (точная дата в документе отсутствует), середине мая 1662 года, 12 августа и 8 сентября 1662 года.

Побег 1660/1661 года

Данный побег упоминается в отписке олонецкого воеводы Т. В. Мышецкого воеводе Великого Новгорода И. Б. Репнину не позднее конца сентября 1662 года. Из воеводского сообщения известно, что в 1660/1661 году из Полоцка сбежало 19 солдат Важинского и Пудожского погостов. Судя по всему, дезертиры ушли из Полоцка двумя группами, одной из которых предводительствовали сержанты Оска Кривой и Федотко Матфеев. Главная причина побега – «хлебная скудость», то есть острая нехватка продовольствия⁸.

Побег середины мая 1662 года

Данный акт дезертирства является предметом целого следственного дела, инициированного командованием Новгородского разрядного полка. Не ранее 11 мая и не позднее 22 мая 1662 года, во время передислокации полка Ягана Трейдена из Великого Новгорода в Псков, в районе Опочки 50 солдат под предводительством сержантов Миришки Осипова и Климки Федорова совершили вооруженный побег⁹. Главной причиной бегства со службы вновь выступает «хлебная скудость»: финансово-экономический кризис начала 1660-х годов повлек за собой мощную инфляцию и рост цен на продовольствие, из-за чего военнослужа-

щие не смогли обеспечивать свои базовые потребности и были поставлены на грань голода. В результате погони за дезертирами и мушкетной перестрелки с ними офицерам полка удалось схватить организаторов побега. По итогам следствия сержантам был вынесен смертный приговор. Его исполнение для Мирошки Осипова было сорвано 1 июня мятежом псковичей и солдат полка Ягана Трейдена, спровоцированного глубокими культурно-социальными противоречиями между населением и рядовыми солдатами, с одной стороны, и старшими офицерами-иноzemцами – с другой [1: 96–97]. Из-за последовавших волнений в других олонецких полках «нового строя» казнь второго сержанта, Климки Федорова, была осуществлена только 27 августа в Олонце¹⁰.

Побег 12 августа 1662 года

О нем сообщает отписка солдатского высыльщика ротмистра Феклиста Ласунского, побег также фигурирует в переписке воеводы Новгородского разрядного полка князя Б. А. Репнина и олонецкого воеводы князя Т. В. Мышецкого. Во время высылки на службу солдат Шунгского погоста и Кузарандской волости «на Онеги на пустом берегу» дезертировало 300 человек. В отписке Ласунского указывается, что руководителями побега являлись сержанты Илюшка Михайлов, Фетька Тимофеев и капитенармус Якушко Мартемьянов, которые

«полковых беглецов… оне, сержанты, воровством своим роспустили. И иные салдаты шунгские и кузарандские, на тех сержантов смотря, все назад воровством своим по домам розбежались. Не хотят служить великому государю, на государеву службу не пошли, от стрельцов отбились и великому государю учинили силны и непослушны».

Побег такой массовости спровоцировал, по сообщению Ласунского, отказ идти на службу солдат сопредельных погostов¹¹.

Побег 8 сентября 1662 года

Материалы следственного дела, разбиравшегося в Опочке в съезжей избе воеводой С. А. Бешенцовым, свидетельствуют, что 8 сентября из-под Опочки сбежало, вероятно, под предводительством сержанта Ефтушки Семенова, 16 солдат полка Ягана Трейдена. Посланным воеводой в погоню донским казакам удалось схватить лишь 11 дезертиров. На допросе сержант Ефтушко Семенов показал, что у него с солдатами было два мотива дезертировать – из-за нехватки продовольствия и усталости от службы. Это раскрывают его расспросные речи, где указывается, что у солдат на подворьях «осталось хлеба в кади немного», «другие де их хлебные запасы

остались по подворьям», а также о слухе, принесенном ротным дьячком о том, что «прислана государева грамота, а велено государева служба служить с переменою»¹², то есть по шесть месяцев, о чем олонецкие солдаты неоднократно просили в своих челобитных¹³.

Основываясь на приведенных из источников примерах, можно с уверенностью утверждать, что в спланированных и организованных побегах из олонецких полков «нового строя», по крайней мере в 1660–1662 годах, руководящую роль брали на себя свои же сержанты. Остается открытым вопрос, почему именно сержанты и другие младшие командиры, такие как капралы и капитенармусы, возглавляли массовые побеги пашенных солдат и драгун.

СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВАЯ ДИХОТОМИЯ

Исследуя вопрос причастности младшего командного состава к организации солдатских побегов, необходимо произвести обзор военной иерархии в полках «нового строя». При этом важно обратить внимание на положение сержантов в иерархии воинских званий, а также рассмотреть их служебные обязанности.

В 1630-х годах при формировании первых полков «нового строя» была введена система воинских званий старшего, среднего и младшего командного состава. К середине XVII века офицерский корпус включал в себя начальных людей старшего и среднего командного состава в звании полковника, подполковника, майора, капитана (ротмистра у рейтар) и поручика. Младший командный состав представляли прапорщики (набиравшиеся не из олонецких солдат, поэтому к нашему исследованию не относящиеся), сержанты, подпрапорщики, капитенармусы, квартирмейстеры и капралы, то есть, в соответствии с приказной терминологией того времени, урядники меньшего чина [5: 228–232].

При формировании олонецких полков «нового строя» в 1649 году все должности от барабанщика до полковника заняли приглашенные на службу российским правительством иностранные наемники¹⁴. Начиная с апреля 1650 года, в связи с продвижением по службе «учительных людей» – иноземцев, в барабанщики и капралы уже переводят людей из солдат¹⁵. К началу войны с Речью Посполитой в 1654 году по той же причине большая часть должностей младшего командного состава была занята представителями солдатского населения Олонецкого уезда. Так, в олонецких бюджетных сметах с 1654/1655 года в расходных статьях отсутствуют какие-либо

упоминания о сержантах-иноzemцах и выдаче им жалованья¹⁶.

По своему служебному функционалу младшие командиры, главным образом сержанты, будучи опытными и надежными бойцами, являлись основным организационным звеном в роте. Они пользовались доверием офицерства, и одной из ключевых задач сержантов и других урядников меньшего чина являлась структуризация и стратификация однородной массы рядовых воинов в стройную управляемую систему нижних чинов [5: 231–232].

В опытности сержантов, организовавших рассмотренные побеги, сомневаться не приходится. По крайней мере, имена пяти из них мы находим в переписных книгах Ивана Дивова 1657 года: это Федотко Матфеев¹⁷ и Ефтушко Семенов¹⁸ из Пудожского погоста, Илюшка Михайлов¹⁹ и Федька Тимофеев²⁰ из Шунгского погоста и Климка Федоров²¹ из Вытегорского погоста. Все пятеро начали военную службу до 1657 года, четверо из них на момент переписи находились дома, один (Федотко Матфеев) был в Лавуйском гарнизоне. Ко времени организованных ими побегов каждый пребывал в армии более шести лет (Федотко Матфеев, дезертировавший в 1660/1661 году, соответственно пять лет). Если взглянуть на ситуацию шире и вспомнить, где в 1657–1662 годах действовали олонецкие полки, вырисовывается внушительная картина: это различные операции русско-шведской войны 1656–1658 годов, в том числе взятие Юрьева-Ливонского, Сортавалы, Салми, Импилахти, Сванского Волочка, осада Корелы (Кексгольма) [2: 212–218]; походы Новгородского разрядного полка 1659–1660 годов, в особенности взятие Бреста²² и четырехмесячная осада Ляховичей²³. Таким образом, сержанты – организаторы массовых побегов, будучи старыми солдатами, прошли серьезную боевую практику.

Помимо руководства солдатами в непосредственно походно-боевой обстановке, обязанности младшего командного состава включали в себя надзорно-полицейские функции: капралы, капитенармусы и сержанты активно привлекались к сыску дезертиров в качестве основных информаторов, конвоиров и помощников сыщиков. Например, с августа по октябрь 1660 года прaporщик полка Томаса Краферта Макар Никитич Брюхов провел несколько сыскных рейдов по Заонежским и Лопским погостам, в том числе 5 августа, 24 сентября и 16 октября в Линдозерском, Семчезерском, Селецком, Паданском погостах и Ведлозерской волости Олонецкого погоста,

«у старост и у сержантов и у капралов и у всех волостных людей» взял заверенные «сказки» о появившихся в погостах «пришлих гулящих людей, рятар и дворян, и драгун и салдат розных городов и погостов»²⁴.

В то время как осведомителями сыщиков выступали капралы и сержанты, находящиеся при проведении разыскных мероприятий дома, к розыску дезертиров привлекались уже младшие командиры, находящиеся в полках. Они выступали в роли подчиненных солдатского сыщика при условии заключения поручительства, что, например, такой-то сержант, работая в погостах рядом с местом своего жительства, не сбежит домой. Так, 21 июня 1662 года сержант полка Томаса Гейса Максим Иванов, составив поручную запись со своими сослуживцами, был отправлен из Великого Новгорода в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат. Максиму Иванову вменялось действовать согласно распоряжениям олонецкой воеводской администрации и приказам высыльщика:

«ему, Максиму, за нашей порукою по высылки Олонецкого города воеводы князя Терентия Васильевича Мышецкого да дьяка Дружины Протопопова по указу, где будет послан с высыльщиком, сыскивать салдат и высылать тотчас безсрочно на великого государя службу»²⁵.

При отправке на службу солдат младшие командиры олонецких полков «нового строя» регулярно входили в состав конвоев сопровождения наряду с приставами и стрельцами. Например, в августе 1662 году сынок ротмистр Феклист Ласунский выслал на службу в Великий Новгород партию солдат Шунгского погоста (211 человек) и Кузарандской волости (89 человек) в сопровождении стрельца и волостных приставов. Среди солдат Шунгского погоста на службу под надзором сержантов Илюшки Михайлова, Федьки Тимофеева, Елески Козмина и капитенармуса Якушки Мартемьянова направлялись шесть солдат «Крестьянова полку Любенова», уже бывших в бегах²⁶. Однако, отойдя более чем на сто верст от погоста, 12 августа сержанты и капитенармус, сговорившись с конвоированными и подстрекая остальных солдат, устроили массовый побег, в котором принял участие 300 человек²⁷. По сути, сержанты своими действиями дискредитировали себя перед лицом полкового командования. Поэтому, в связи с быстро распространявшимся дезертирством, воевода Новгородского разрядного полка Борис Александрович Репнин еще 20 июня 1662 года просил царя Алексея Михайловича присыпать московских сыщиков взамен местных, так как

«сыщики тех салдат никоими обычаями нигде сыскать не могут, потому что те беглые салдаты живут по лесом и бегут в разные места, а норовят тем салдатам они же, сыщики, потому, что одни новгородцы друзья и хлебоязыцы»²⁸.

Таким образом, в процессе розыска младший командный состав – капралы, капитенармусы и сержанты являлись основными источниками сведений о дезертирах и рядовыми оперативными работниками системы сыска и возвращения в строй беглых солдат. Это показывает не столько сержантскую осведомленность, сколько доверие со стороны командования. Конечно, доверие к сержантам у начальства было относительное. Об этом может свидетельствовать упомянутая миссия Максима Иванова: для сыска и высылки солдат его отправили лишь после составления поручительства от сослуживцев в том, что он не сбежит: «и на нас на поручиках пения великого государя укажет, и наши поручиков головы в его Максима голову место»²⁹. Сомнения в лояльности части урядников меньшего чина прослеживаются в военном трактате «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 года. В тексте недвусмысленно указывается на то, что квартирмейстеры – главные смутьяны в роте:

«А становавец [он же квартирмейстер] в роте болши и к порухе нежели к прибыли. Потому, что он толколише сорить, и салдатов збивает, и наволнованье им помогатель. И когда салдаты мятех чинят, и они за них стоят, и их очищают, и тем у капитана свой изменник в роте».

Ротным командирам дается совет перепоручать обязанности квартирмейстера для пущей надежности сержантам и капралам³⁰. Максимально же подорвать доверие командования олонецких полков смог побег трехсот мобилизованных солдат Шунгского и Толвуйского погостов, организованный сержантами, которые были обязаны сопроводить их на службу.

Находясь на лестнице военной иерархии выше рядового состава, капралы, капитенармусы и сержанты оставались такими же крестьянами, ровней и земляками для рядовых солдат. Это не только увеличивало осведомленность младшего командного состава о различных происшествиях в роте, бытовых и финансовых проблемах, но и отражалось на их собственной повседневности, в том смысле что сержанты вместе с солдатами выносили на своих плечах все тяготы войны и походной жизни. Пользуясь доверием одновременно офицеров и рядовых и отвечая за своих подчиненных, сержанты нередко выступали от имени солдат в коллективных челобитных о прибавке хлебного и денежного жалованья³¹

или о сокращении срока службы³². Это можно охарактеризовать как перетягивание каната с командованием, то есть дисциплина в обмен на приемлемое денежно-продовольственное содержание, что в той или иной форме встречалось и в западных армиях [8: 99]. Также младшие командиры становились поручителями своих сослуживцев, как, например, 21 июня 1662 года сержанты Денис Клементьев, Федор Еремеев, Михайло Трофимов, Антип Яковлев и капитенармусы Кирилл Емельянов, Трофим Григорьев, Родион Емельянов, Фома Мокеев, Максим Тимофеев, Юрье Елисеев поручились за уже упомянутого нами сержанта полка Томаса Гейса Максима Иванова, отправлявшегося в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат³³.

С самого начала войны с Речью Посполитой остро встал вопрос о регулярном продовольственном и вещевом обеспечении олонецких полков, поскольку уже осенью 1654 года солдаты полка Александра Гамильтона столкнулись с дефицитом провианта [7: 134]. В это же время источниками фиксируются первые побеги³⁴, вызванные, с одной стороны, дефицитом продовольствия, а с другой – нежеланием нести «дальнюю службу», освобождение от которой изначально было в числе условий при формировании полков пашенных солдат и драгун [6: 129, 133]. Ситуация усугубилась к началу 1660-х годов, когда финансовый кризис, вызванный денежной реформой, практически создал коллапс в российской экономике. При таких обстоятельствах рядовой состав армии, поставленный на грань голода мощнейшей инфляцией и прекращением продовольственных поставок, ответил массовым дезертирством³⁵. В совокупности с общим упадком дисциплины и деморализацией вследствие тяжелейших поражений под Полонкой и Ляховичами летом 1660 года [4: 248–250] хорошо обученный младший командный состав олонецких полков «нового строя» из инструмента по управлению рядовыми солдатами трансформировался в распространителя мятехных настроений, что напрямую отразилось на специфике дезертирства 1662 года, в особенностях побегах, устроенных сержантами Мирошкой Осиповым, Климкой Федоровым, Илюшкой Мартемьяновым, Фетькой Тимофеевым и Ефтушкой Семеновым.

Однако высокая степень должностной ответственности, с одной стороны, и роль организатора побега, с другой, предполагала более серьезные, в сравнении с рядовыми, наказания за дисциплинарные нарушения. В то время как в 1660-е годы к рядовым солдатам за побеги

довольно редко применялось наказание, сержанты, например, за халатность в деле сыска могли быть поставлены на правеж, как это было в октябре 1660 года в Оштинском погосте, то есть были избиты батогами³⁶, или за организацию массового побега могли быть повешены, как сержанты полка Ягана Трейдена Мирошка Осипов и Климка Федоров в июне и августе 1662 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По мнению некоторых исследователей, дезертирство в армиях раннего Нового времени – это радикальная форма сопротивления, возникавшая в экстремальных условиях и вовлекавшая в себя лишь меньшинство солдат [8: 97]. Однако относительно олонецких полков «нового строя» можно с уверенностью утверждать, что дезертирство в данных подразделениях было вполне распространенным ответом на экономические, военные и социальные трудности, с которыми солдаты не собирались мириться. Объединяющую и организующую функцию при этом выполняли представители младшего командного состава: капралы, капитенармусы и, особенно, сержанты. Они, осуществляя функцию надзора, были главной опорой офицерства и посредниками в управлении солдатскими массами. Кроме командования в боевых условиях, сержанты были задействованы в системе сыска и возвращения в строй беглых солдат в качестве рядовых исполнителей: они являлись информаторами сыщиков, под руководством сыщика проводили разыскные мероприятия, участвовали в составе дезертирских конвоев. Но, с другой

стороны, сержанты и другие младшие командиры были такими же выходцами из крестьянской среды, как и вверенные им солдаты, связанными с ними земляческими и родственными отношениями. Кроме того, являясь опытными бойцами-ветеранами, сержанты пользовались доверием у рядового состава. Будучи выше по отношению к рядовым в военной иерархии, но оставаясь ровней в сословном статусе и общественном положении, сержанты и солдаты в равной мере испытывали все тяготы войны. В результате сержанты часто становились распространителями мятежных настроений в подразделениях и возглавляли организованные ими же массовые солдатские побеги со службы.

Таким образом, балансирование между служебными воинскими обязанностями и социальными ожиданиями с чувством солидарности с земляками-солдатами есть суть социально-ролевого дуализма сержантов. Увеличение масштабов дезертирства, в том числе организованного, в 1660-е годы показало нарушение данного баланса: управленческая опора, на которую надеялись офицеры, по сути своей стала нелояльной и опасной массой, угрожающей боеспособности армии. Просуществовав в таком неустойчивом положении почти до конца русско-польской войны, в 1666 году олонецкие полки «нового строя» были расформированы. Дальнейшее изучение «сержантской опасности» способно углубить понимание роли «промежуточного звена» во взаимоотношениях властных структур и населения, в особенностях реакции «безмолвствующего большинства» на механизмы различных институтов принуждения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Научный архив Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПБИИ РАН). Ф. 98. К. 2. Д. 75. Ст. 1–2.
- Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. 116 с.
- Архив СПБИИ РАН. К. 1. Д. 80, 114, 116; К. 2. Д. 75; К. 3. Д. 16, 82; К. 4. Д. 1.
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129.
- Там же. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4, 5.
- Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 году: документы и материалы // История Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 91–187.
- Акты Московского государства (АМГ). Т. III. СПб., 1901. 674 с.; Дополнения к актам историческим (ДАИ). Т. III. СПб., 1848. 539 с.; Карелия в XVII веке. Сб. док. Петрозаводск, 1948. 442 с.
- Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 3. Д. 16. Ст. 47.
- 11 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка боярина князя Б. А. Репнина псковскому воеводе окольничему князю Федору Федоровичу Долгорукому об отправке в Псков полка Ягана Трейдена // Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 119; Не ранее 23 мая 1662 г. Из черновика отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о бегстве и сопротивлении олонецких солдат, с предложением репрессий против беглецов // Там же. С. 123–124.
- 9 июня 1662 г. Из черновика первой отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни олонецкого солдата // Там же. С. 124–125; 16 июня 1662 г. Из черновика второй отписки воеводы Новгородского полка Б. А. Репнина о сопротивлении жителей Пскова казни Олонецкого солдата //

- Там же. С. 125–127; 30 сентября 1662 г. Из отписки воеводы Т. В. Мышецкого и дьяка Д. Протопопова о казни беглого сержанта Климки Федорова // Там же. С. 127.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 127–128, 169–170.
- ¹² 8–12 сентября 1662 г. Следственное дело о побеге и поимке солдат с Опочки // Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 132–133.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 96–97; 1658 г. после марта 7. – Мирская члобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди и о других льготах // Карелия в XVII веке. С. 128–132.
- ¹⁴ 1649 февраля 18. Роспись иностранных офицеров и нижних чинов, назначенных для обучения людей в солдатских полках, расположенных в Заонежских погостах // ДАИ. Т. III. С. 170–173.
- ¹⁵ Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 1. Д. 80. Сст. 40 об.; Д. 114. Сст. 3 об.; Д. 116. Сст. 1–2.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 4. Л. 105–106 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 5. Л. 478.
- ¹⁸ Там же. Л. 234.
- ¹⁹ Там же. Л. 88.
- ²⁰ Там же. Л. 83.
- ²¹ Там же. Л. 211.
- ²² Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 59.
- ²³ Там же. Сст. 12; К. 3. Д. 82. Сст. 14.
- ²⁴ Там же. К. 4. Д. 1. Сст. 60, 62, 77.
- ²⁵ 20–21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полков Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат // Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 147–148.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 127–128.
- ²⁷ В большинстве документов, связанных с данным побегом, указывается, что сбежало 302 человека. Это ошибка: на самом деле дезертировало 300 солдат, а двое, хотя и были включены в списки, остались дома, так как были больны.
- ²⁸ 1662 г. июня 20. – отписка кн. Б. А. Репнина о побеге из полка ратных людей, сыске их и наказании // АМГ. Т. III. С. 492.
- ²⁹ 20–21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полков Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат // Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 147–148.
- ³⁰ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 66.
- ³¹ Ранее 5 июля 1662 г. Из члобитной царю восьми сержантов полка Ягана Трейдена Олонецкого уезда, «и во всех салдат место», о выплате им во Пскове жалованья, с распоряжением воеводы Б. А. Репнина // Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 120.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 96–97; 1658 г. после марта 7. – Мирская члобитная крестьян разных погостов о несении солдатской службы в две очереди и о других льготах // Карелия в XVII веке... С. 128–132.
- ³³ 20–21 июня 1662 г. Поручная запись младших командиров и солдат полков Христиана Блюментроста и Томаса Гейса за сержанта Максима Иванова, отправляемого в Олонецкий уезд для сыска и высылки солдат // Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 147–148.
- ³⁴ Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Сст. 1–2.
- ³⁵ Базилевич К. В. Денежная реформа... С. 35–42.
- ³⁶ Архив СПБИИ РАН. Ф. 98. К. 4. Д. 1. Сст. 38.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бочкарев А. С. Конфликты олонецких солдат с воинским командованием: мятеж 1662 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8. С. 93–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.553
- Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. В. Новгород, 2003. 256 с.
- История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. 943 с.
- Курбатов О. А. «Литовский поход 7168 года» князя И. А. Хованского и битва при Полонке // Военные реформы в России второй половины XVII в. Конница. М., 2017. С. 226–250.
- Малов А. В. Командный состав частей солдатского, рейтарского, драгунского и гусарского строя от появления их в России до роспуска после окончания Смоленской войны: иерархия и номенклатура чинов. 1628–1636 гг. // Три даты трагического пятидесятилетия Европы. Россия и Запад в годы Смуты, религиозных конфликтов и Тридцатилетней войны. М., 2018. С. 221–237.
- Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII веков. Петрозаводск, 1947. 175 с.
- Новосельский А. А. Очерк военных действий боярина Василия Петровича Шереметева в 1654 г. на новгородском фронте // Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 117–135.
- Веркович И. Motivation in war. The experience of common soldiers in old-regime Europe. Cambridge University Press, 2017. 268 р.

Original article

Alexander S. Bochkarev, Research Assistant, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0002-2679-8503; *alexander.bochkariov@yandex.ru*

NON-COMMISSIONED OFFICERS' DESERTION AND DUALISM OF SOCIAL ROLE FUNCTIONS IN THE OLONETS "NEW ORDER" REGIMENTS

A b s t r a c t. The relevance of the study is due to the need for a more detailed consideration of the problem of runaway Olonets soldiers and dragoons in its economic, military and social contextualization. The novelty is in the fact that it is the first study on the impact of the Olonets regiments non-commissioned officers on the spread of desertion. The author focuses on the period from 1660 to 1662, since at that time the scale of desertion reached its peak. The purpose of the work is to identify the place and role of non-commissioned officers under the conditions of mass desertion. The tasks of the study were to identify the most significant cases of group desertion, to clarify the position of sergeants, masters-at-arms and corporals in the army hierarchical ladder, to study their official duties and the reasons for organizing escapes. The author used the systemic, comparative, typological, and genetic methods of historical research. It was shown that, despite their special coordinating function in the units, sergeants and other non-commissioned officers, who were of peasant background, like ordinary soldiers, took responsibility for planning and organizing group runaways. The author concludes that the escapes organized by sergeants were determined by the duality of their specific social role.

Key words: Olonets "new order" regiments, runaway soldiers, sergeants, Russo-Polish War of 1654–1667, Russo-Swedish War of 1656–1658.

Acknowledgments. The research was part of the state assignment to the Institute of Linguistics, Literature and History of the RAS Karelian Research Centre

For citation: Bochkarev, A. S. Non-commissioned officers' desertion and dualism of social role functions in the Olonets "new order" regiments. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):90–97. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.737

REFERENCES

1. Bochkarev, A. S. Conflicts between Olonets soldiers and their military commanders: rebellion of 1662. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(8):93–100. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.553 (In Russ.)
2. Zhukov, A. Yu. Administration and self-government in seventeenth-century Karelia. Veliky Novgorod, 2003. 256 p. (In Russ.)
3. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
4. Kurbatov, O. A. "7168 Lithuanian Campaign" of Prince Ivan Andreevich Khovansky and the Battle of Polonka. *Military reforms in Russia in the second half of the XVII century. Cavalry*. Moscow, 2017. P. 226–250. (In Russ.)
5. Malov, A. V. The command structure of the units of the soldier, reiter, dragoon and hussar order from their appearance in Russia to the dissolution after the end of the Smolensk War: hierarchy and nomenclature of ranks. 1628–1636. *Three dates of the tragic half century in Europe. Russia and the West during the Time of Troubles, religious conflicts and the Thirty Years' War*. Moscow, 2018. P. 221–237. (In Russ.)
6. Muller, R. B. Essays on the history of Karelia in the XVI and the XVII centuries. Petrozavodsk, 1947. 175 p. (In Russ.)
7. Novoselsky, A. A. Essay on the military actions of the boyar Vasily Petrovich Sheremetev in 1654 on the Novgorod Front. *Studies on the history of the era of feudalism*. Moscow, 1994. P. 117–135. (In Russ.)
8. Berkovich, I. Motivation in war. The experience of common soldiers in old-regime Europe. Cambridge University Press, 2017. 268 p.

Received: 31 January, 2022; accepted: 7 February, 2022

МАДИНА РАСУЛОВНА КАЮМОВА

главный архивист отдела научно-справочного аппарата

Национальный архив Республики Карелия

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ЭКСПОЗИЦИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАРЕЛЬСКОЙ АССР (КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР)

Аннотация. На примере постоянных экспозиций Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР конца 1940-х – начала 1980-х годов рассматриваются особенности музейной репрезентации истории Великой Отечественной войны. Целью исследования было выявить основные факторы, влиявшие на экспозиционную политику музея. Для этого были изучены основные экспозиции музея, посвященные истории Великой Отечественной войны. Актуальность заключается в подходе к анализу исторических экспозиций как особого типа визуального исторического нарратива, созданного в рамках аутентичной им историографической традиции, а также чувствительного к изменению социально-политического дискурса. Тематическая структура экспозиций, состав экспонатов, текстовая сопроводительная информация к ним фиксировалась в тематических экспозиционных планах. Предметный ряд разделов постоянной экспозиции музея, посвященных Великой Отечественной войне, был сформирован в конце 1940-х годов. Он стал базой для формирования последующих экспозиций, дополняясь новыми памятниками, но не претерпевая значительных изменений. Вспомогательные средства музейного показа, а именно тексты в виде аншлагов, пояснительных текстов, этикеток, напротив, создавались заново в процессе каждой реэкспозиции с учетом преобладающих тенденций в историографии и общественно-политической жизни страны. Таким образом, транслируемые в экспозициях посредством текстов представления о войне, ее ключевых героях и событиях трансформировались на протяжении всего рассматриваемого периода. Эти изменения были связаны не только с приращением новых знаний, но и с метаморфозами, проходившими в общественно-политической жизни, а также со стремлением музея соответствовать актуальной повестке.

Ключевые слова: музей, экспонат, экспозиция, тематический экспозиционный план, Великая Отечественная война, экскурсия

Для цитирования: Каюмова М. Р. Великая Отечественная война в экспозициях Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР (Карело-Финской ССР) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 98–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.738

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война относится к ряду ключевых событий в истории Советского Союза. Наряду с Октябрьской революцией победа в Великой Отечественной войне стала одной из основ идентичности советского человека и легитимности Советского государства [12: 160–161]. В советских историко-краеведческих музеях разделы экспозиций, посвященные событиям Октябрьской революции и Великой Отечественной войны, занимали ведущие места в музейном показе. В Государственном историко-краеведческом музее Карельской АССР тематический раздел, посвященный истории Великой Отечественной войны, был одним из центральных

в отделе истории советского общества. На основе этого экспозиционного комплекса музей реализовывал одну из основных задач, поставленных перед музеями советским руководством. Эта задача заключалась в воспитании молодого поколения в духе гордости за великие свершения советского народа и постоянной готовности встать на защиту социалистического отечества и бороться за мир во всем мире¹.

В статье на примере постоянных экспозиций Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР (Карело-Финской ССР) рассмотрена динамика изменений транслируемых посредством экспозиций представлений о Великой Отечественной войне. Обозначены ос-

новные факторы, влиявшие на экспозиционную политику музея, выявлены основные особенности каждой из экспозиций, посвященных истории Великой Отечественной войны, в период с конца 1940-х до начала 1980-х годов.

Основными источниками исследования являются тематические экспозиционные планы, методические пособия для проведения экскурсий, путеводители по музею, а также делопроизводственная документация музея и протоколы производственных совещаний. В тематических экспозиционных планах (ТЭП) фиксировалась структура музеиных экспозиций, схема и порядок расположения экспонатов, состав пояснительных текстов и этикетажа. ТЭП позволяют представить, как выглядела экспозиция, каково было ее содержание². Методические разработки экскурсии представляют собой развернутый план экскурсии, в них указаны основные объекты и приемы показа, маршрут, продолжительность экскурсии, а также текст самой экскурсии (в полном объеме или в виде конспективного изложения)³.

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ (1948 И 1952 ГОДЫ)

Карело-Финский государственный музей (с 1953 года – Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР) значительно пострадал во время оккупации г. Петрозаводска в 1941–1944 годах, многие ценные экспонаты и целые коллекции были утрачены⁴. Однако усилиями сотрудников музей был открыт уже в 1945 году, до 1948 года продолжалась работа над формированием постоянной экспозиции⁵. На Всероссийском совещании по культурно-просветительной работе в РСФСР, состоявшемся в 1945 году, одним из главных направлений деятельности советских музеев в исторических отделах был назван сбор и показ материалов по истории Великой Отечественной войны [5: 55]. Еще в годы войны в республике началась работа по сбору документов и материалов по истории военных операций в тылу противника и на фронте. Сотрудники Научно-исследовательского института культуры Карело-Финской ССР совместно со студентами Карело-Финского государственного университета выезжали в экспедиции по всем районам республики. Было собрано значительное количество газет, фотографий, дневников, писем, записывались воспоминания [9: 7–8].

Собирательская работа проводилась и в музее. Уже к 1948 году была собрана значительная коллекция предметов, связанных с Великой Оте-

чественной войной, что позволило на ее основе открыть полноценный отдел музея «Великая Отечественная война и участие в ней народа Карело-Финской ССР». Основу наполнения экспозиции составляли вспомогательные музейные средства – текстовые и изобразительные материалы – копии документов, фотографии, иллюстрации, обширные цитаты из речей И. В. Сталина, коллажи из газет и листовок. Именно речи И. В. Сталина и его соратников и газеты в первые послевоенные годы были основными источниками исторических исследований о войне. Их особенность состояла в том, что они выражали готовое мнение или оценку тех или иных событий войны [6: 274], в то время как научная разработка ключевых проблем по истории Великой Отечественной войны продвигалась в то время довольно медленно [10: 133]. Предметный ряд экспозиции составляли образцы вооружения советской армии и партизан, личные вещи и документы уроженцев Карелии – Героев Советского Союза.

В 1949 году был издан первый послевоенный путеводитель по музею. В нем была закреплена существующая структура экспозиции, предлагался маршрут осмотра. Однако уже в следующем году путеводитель был изъят из продажи и библиотек, а музей начал работу над перестройкой всей экспозиции. Наибольшее число нареканий вызывал как раз отдел по истории войны. Дело в том, что он располагался последним по маршруту осмотра после раздела, посвященного восстановлению народного хозяйства в годы послевоенной пятилетки, нарушая хронологическую последовательность отдела истории советского периода⁶. Также в 1948 году было переиздано собрание речей, приказов, обращений, постановлений, выступлений на радио И. В. Сталина периода Великой Отечественной войны «О Великой Отечественной войне Советского Союза», которое предлагалось положить в основу новой экспозиции⁷.

Кроме того, в экспозиции значительное место было уделено показу партийного руководства республикой в военные годы и лично первого секретаря ЦК КП(б) КФССР Г. Н. Куприянова. На стенах были представлены фотопортреты и групповые фотографии партийного и комсомольского руководства, приводились копии документов за подпись Г. Н. Куприянова⁸. В начале 1950 года Г. Н. Куприянов был снят со своего поста, а позже арестован. Понятно, что его фотографии и связанные с ним документы не могли оставаться в экспозиции, а его имя упоминаться в путеводителе. Критиковалась экспозиция и за обилие местного материала и отсутствие

связи с общими событиями Великой Отечественной войны⁹.

Реэкспозиция комплексов, связанных с Великой Отечественной войной, была произведена в 1952 году. Комплексы экспонировались в разделе постоянной экспозиции «История Советской Карелии», не нарушая хронологической последовательности всей экспозиции. Таким образом, созданный в 1948 году музейный показ не просуществовал и нескольких лет. Новая экспозиция в плане структуры и сюжета была наследницей предыдущей. Предметный ряд был незначительно обновлен, основное место на стенах по-прежнему отводилось текстовым и иллюстративным материалам. За это критике подвергались тематические экскурсии по истории войны. Экскурсоводы упрекались в том, что они «не говорят языком экспонатов», в своей речи не останавливаются подробно на их характеристике¹⁰.

В ТЭП было довольно много вводных и общих тем, не относящихся непосредственно к событиям войны в Карелии. Местный материал, в том числе и экспонатура, подчас терялся на их фоне. Из экспозиции исчезли все тексты, копии документов, фотографии, связанные с деятельностью Г. Н. Куприянова на посту Первого секретаря ЦК КП(б) КФССР. Более того, в тексте экспозиции не встречалось ни одного упоминания партийного руководства республики. Партийно-политическая работа на фронте и в партизанских отрядах была представлена подлинниками и фотокопиями партийных документов, заявлений о приеме в партию, фотографиями политруков¹¹.

Деление экспозиции на тематические разделы соответствовало периодизации истории войны, сложившейся к концу 1940-х годов и закрепленной в сборнике «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Ключевой фигурой освободительной борьбы был показан И. В. Сталин. Каждый тематический подраздел начинался и заканчивался цитатами из его речей и статей. Эти цитаты служили вступлением к теме, настраивали на ее восприятие, подводили своеобразный итог в конце. Именно образ И. В. Сталина был связующим звеном, сквозной темой разделов экспозиции. На протяжении музейного повествования этот образ претерпевал изменения, развивался от талантливого руководителя до подлинного вождя советских народов.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОЗИЦИИ 1964 ГОДА, ЭКСКУРСИИ 1970-Х ГОДОВ

25 февраля 1956 года на XX съезде коммунистической партии первым секретарем ЦК

КПСС Н. С. Хрущевым был представлен доклад «О культе личности и его последствиях». Часть доклада была посвящена событиям Великой Отечественной войны, освещению руководящей, идеологической деятельности партии. В последующий период в историографии войны именно деятельность коммунистической партии стала рассматриваться как решающий фактор в деле достижения победы [6: 286].

Основной посыл доклада и последовавшие вслед за ним изменения в общественно-политической жизни страны в полной мере затронули и советские музеи. Они получили новый импульс к развитию, несмотря на то что выполнение идеологически актуальных задач по-прежнему оставалось приоритетом их деятельности [3: 84]. Карельский музей оказался в довольно сложном положении, так как постоянная экспозиция была открыта совсем недавно, и для ее изменения, а тем более полноценной реэкспозиции были необходимы значительные средства. Кроме того, здание, в котором располагался музей (бывшая заводская церковь), находилось в аварийном состоянии. В конце 1950-х годов он и вовсе закрылся на капитальный ремонт.

Новая экспозиция по истории Советской Карелии с улучшенным художественным оформлением, учитывавшая актуальную повестку, была открыта в 1964 году. Все разделы экспозиции, в том числе и посвященный Великой Отечественной войне, были полностью обновлены. Экспозиционные комплексы раздела, посвященного войне, располагались на площади около 100 квадратных метров, было введено более 50 новых экспонатов¹².

Научной основой для создания нового музейного показа стала монография «Очерки истории Карелии», изданная в 1964 году¹³. Структура раздела экспозиции о Великой Отечественной войне повторяла структуру соответствующей главы в «Очерках», ведущие и пояснительные тексты, включенные в экспозицию, были прямыми цитатами из этой книги¹⁴.

В начале 1960-х годов в советской исторической науке был создан ряд обобщающих трудов по истории СССР, КПСС, советских республик и регионов, в которых учитывалась новая конъюнктура, связанная с критикой культа личности Сталина. В духе времени в них использовались в качестве методологической основы произведения Ленина, а не Сталина, отношение к дореволюционной и западной историографии было более взвешенным [11: 164]. «Очерки истории Карелии» можно назвать одним из примеров подобных обобщающих трудов. В этой

книге впервые на обширном архивном материале было представлено систематизированное знание по многим проблемам истории Советской Карелии. «Очерки» долгие годы служили основой для университетского курса по истории Карелии [4: 11].

Акцент в освещении событий Великой Отечественной войны делался на руководящей и направляющей роли партии и местных партийных организаций в борьбе с врагом и мобилизации населения [8: 7]. В «Очерках» редко встречалось, а в некоторых разделах не упоминалось совсем имя И. В. Сталина. Оно заменялось названиями «Государственный Комитет Обороны», «Ставка Верховного Главнокомандования», «партия», «правительство»¹⁵ и др. Таким образом, создавалась видимость, что все эти институты действовали как органы коллективного руководства [6: 289]. Из экспозиции также исчезли все цитаты И. В. Сталина. Более того, даже такой устоявшийся в историографии термин, как «Сталинградская битва», был заменен на «Разгром немцев на Волге»¹⁶.

Акценты в новой экспозиции были смешены с показа общеисторических сюжетов на местные. Больше рассказывалось о боях на Карельском фронте, деятельности подпольных групп. Значительное экспозиционное пространство занимала презентация партизанской борьбы. Раскрывая данную тему, создатели экспозиции старались показать преемственность воинских традиций, помещая рядом фотографии и личные вещи двух поколений партизан, отцов и детей: партизан времен Гражданской войны и бойцов партизанских отрядов, действовавших в Великую Отечественную войну¹⁷.

В экспозиции 1964 года появился сюжет, который сложно себе представить в экспозиции предыдущего периода, а именно положение советских военнопленных на оккупированной территории. На стенах экспонировались личные вещи военнопленных, фотографии с запечатленной на них обстановкой камер. В экспозицию был включен необычный экспонат: щепка, найденная в Олонецком концлагере в 1944 году, с надписью на карельском языке: «Верьте нам, что сидящие в этой камере олончане идут в финскую армию, только для того, чтобы помогать Красной Армии»¹⁸.

Выводом к рассмотренному разделу экспозиции служила цитата из материалов XX съезда КПСС о том, что в мире нет сил, которые могли бы остановить поступательное развитие социалистического общества, и об образовании «могучей мировой социалистической системы»¹⁹.

Последним экспонатом была карта-схема, на которой представлено образование мирового социалистического лагеря после войны. В экспозиции последовательно реализовывалась идея о руководящей и направляющей роли КПСС в деле победы над фашизмом.

Разработка и воплощение нового музейного показа совпало с очередными изменениями в общественно-политической жизни страны. В октябре 1964 года Н. С. Хрущев покинул пост Первого секретаря ЦК КПСС, его место занял Л. И. Брежnev. После 1965 года начался новый период в советской историографии Великой Отечественной войны. Был ужесточен контроль за всеми публикациями по истории войны, усилилась цензура, вводились меры по ограничению доступа исследователей в архивы. Историки в своих трудах должны были делать акценты на величии побед СССР, превосходстве социализма над всеми другими государственными и общественными системами, массовом героизме армии и народа [6: 299–300].

В 1967 году Государственный историко-краеведческий музей КАССР планировал открыть к 50-летней годовщине Октябрьской революции новую постоянную экспозицию. Поскольку раздел, посвященный истории Карелии в годы Великой Отечественной войны, был обновлен относительно недавно, решено было «восстановить его по старым монтажным местам, улучшив художественное оформление»²⁰. Однако структурно и идеологически экспозиция оставалась прежней.

На основе обновленной экспозиции в 1974 году была создана методическая разработка к экскурсии. Основной целью экскурсии было показать «массовый героизм советских воинов на Карельском фронте»²¹, что соответствовало установившейся тенденции в презентации истории войны в историографии. Для реализации этой цели экскурсовод должен был подробно останавливаться на событиях и сражениях на Карельском фронте, героических подвигах фронтовиков и разведчиков. Целевой аудиторией экскурсии были школьники и учащиеся средних специальных учебных заведений. Тема Великой Отечественной войны вызывала особый интерес у школьников, а музейщикам позволяла достигать одной из важнейших целей деятельности советских музеев – воспитывать молодое поколение в духе патриотизма, укреплять их в этом чувстве [7: 66].

Экспозиция 1967 года просуществовала до 1979 года, когда музей в очередной раз был закрыт на ремонт. В начале 1980-х годов возникла идея перемещения музея в комплекс истори-

ческих зданий на пл. Ленина. В 1983 году началась разработка новой постоянной экспозиции, которая должна была разместиться уже на новом месте.

МУЗЕЙ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НАЧАЛА 1980-Х ГОДОВ

Раздел, посвященный истории Карелии в годы Великой Отечественной войны, предлагалось разделить на два тематических комплекса и разместить их в разных зданиях. Первый комплекс должен был располагаться в главном здании музея и представлять темы «Тыл – фронту», «Герои Советского Союза – уроженцы Карелии». В экспозиционных комплексах в отдельном музейном здании на ул. Энгельса, д. 5 предполагалось раскрыть темы партизанского и подпольного движений. Открытие новой экспозиции должно было состояться в 40-ю годовщину освобождения Карелии, в 1984 году²². В этом же году должно было начаться оформление мемориального комплекса в честь партизан на пересечении улиц Гоголя и Энгельса [1: 50]. Первый тематический комплекс не был воплощен в музейном пространстве, торжественное открытие второго состоялось 8 мая 1984 года²³.

Экспозиция, посвященная партизанам и подпольщикам, рассматривалась как составная часть мемориального комплекса Партизанской славы. Еще в 1975 году Петрозаводским горсоветом был объявлен конкурс на проект «Поляны партизанской славы»²⁴. Несмотря на то что конкурс состоялся, ни один из проектов так и не был тогда воплощен. К идее создания мемориального комплекса партизан и подпольщиков вернулись в 1982 году, когда пост Генерального секретаря ЦК КПСС занял Ю. В. Андропов, руководивший в годы Великой Отечественной войны комсомолом Карелии и участвовавший в организации партизанского движения [2: 3–4].

В 1983 году был разработан новый ТЭП. Основной задачей экспозиционеров было показать руководящую роль ЦК компартии и комсомола республики в создании подпольных партийных и комсомольских организаций и групп²⁵. Акцент на роли комсомола был неслучайным, так как одной из задач было показать роль Ю. В. Ан-

дропова в организации партизанского движения. Большинство тематических разделов экспозиции начиналось и заканчивалось цитатами из его выступлений и статей, на стенах были размещены фотокопии документов с его подписью и его фотографии. Завершающий раздел экспозиции назывался «Борьба за мир – забота человечества». Борьба за мир в общественно-политической повестке стала вновь актуальной из-за обострения отношений между СССР и США в начале 1980-х годов. Предварял раздел фотопортрет Ю. В. Андропова, под которым на стенде располагались написанные им книги. Завершался показ цитатой из выступления Ю. В. Андропова в Кремлевском Дворце съездов 21 декабря 1982 года о важности борьбы за мир²⁶. Цитата размещалась под фотографией антивоенного митинга в Петрозаводске, проходившего в 1983 году.

Необходимо отметить, что сюжеты экспозиций 1952 и 1983 годов удивительно схожи: они повествовали о становлении вождя, который провел народ через испытания к миру и продолжает борьбу за мир. В экспозиции 1952 года – это был И. В. Сталин, а в экспозиции 1983 года – Ю. В. Андропов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, разделы постоянной экспозиции Государственного историко-краеведческого музея КАССР, посвященные Великой Отечественной войне, являлись одними из ключевых в структуре музейного показа. Представление о войне, ее значимых событиях, участниках, воплощенные в музейных показах, претерпевали значительные изменения на протяжении всего рассматриваемого периода. Эти изменения были связаны не только и не столько с приращением новых знаний, сколько с метаморфозами, происходившими в общественно-политической жизни, влиявшими на историографию и актуальную повестку. Предметный ряд экспозиций, который в отличие от идеологического антуража оставался практически неизменным, позволял музею реализовывать одну из своих главных функций – воспитательную. На примерах воинов, партизан и подпольщиков в духе патриотизма было воспитано не одно поколение советских граждан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 12/155. Л. 54.

² Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. 2-е изд. М.: Академический проект, 2004. С. 443–444.

³ Бахта М. В. Краеведение и музейное дело в СССР: Учебное пособие по курсу «Краеведение и основы музейной работы» для студентов специализации «Организатор-методист клубной работы». М.: Московский гос. ин-т культуры, 1977. С. 35.

- ⁴ Государственный историко-краеведческий музей Карело-Финской ССР: Путеводитель по музею. Петрозаводск, 1949. С. 3.
- ⁵ Там же. С. 3–4.
- ⁶ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/24. Л. 8.
- ⁷ Там же. Д. 2/28. Л. 7–8.
- ⁸ Государственный историко-краеведческий музей... С. 57, 61, 64.
- ⁹ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 2/24. Л. 8.
- ¹⁰ Там же. Д. 3/35. Л. 35.
- ¹¹ Научный архив Национального музея Республики Карелия (НА НМ РК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 23–24, 42.
- ¹² Там же. Д. 12/158. Л. 4.
- ¹³ Очерки истории Карелии. Т. 2 / Академия наук СССР, Петрозаводский ин-т языка, литературы и истории. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1964. 615 с.
- ¹⁴ См. напр.: Очерки истории Карелии... С. 348; НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. Л. 10.
- ¹⁵ Очерки истории Карелии... С. 343–399.
- ¹⁶ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 283. Л. 4.
- ¹⁷ Там же. Л. 9–10.
- ¹⁸ Там же. Л. 23.
- ¹⁹ Там же. Л. 64.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-1046. Оп. 3. Д. 15/181. Л. 12.
- ²¹ Там же. Д. 21/249. Л. 1.
- ²² НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 600. Л. 2.
- ²³ Ленинская правда. 1984. № 109. 9 мая.
- ²⁴ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 1492. Л. 83–85.
- ²⁵ НА НМ РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 600. Л. 28.
- ²⁶ Там же. Л. 73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великая Отечественная война в Карелии: Памятники и памятные места. Петрозаводск: Кирья, 2015. 334 с.
2. В о л о х о в а В. В. История памятника воинам, партизанам и подпольщикам Карельского фронта: петрозаводчане в борьбе за собственную память о войне // Россия и мир XXI века: Материалы II науч.-практ. конф. молодых ученых ПетрГУ. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 3–11.
3. Г р и ц к е в и ч В. П. История музейного дела в новейший период (1918–2000). СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2009. 152 с.
4. Ж е р б и н А. С. Основные этапы изучения истории Советской Карелии // Историография Советской Карелии. Карельский филиал АН СССР, 1986. С. 5–17.
5. И г н а т ь е в а В. Н. Организация музейного дела и музейное строительство в РСФСР в послевоенные годы (1945–1953) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. VI. М., 1968. С. 54–96.
6. К у л и ш В. М. Советская историография Великой Отечественной войны // Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 274–315.
7. Л е в ы к и н К. Г. Роль государственных музеев в расширении и углублении знаний учащихся, развитии их познавательных способностей // Коммунистическое воспитание учащихся музеинными средствами: Сборник науч. тр. М.: НИИК, 1983. С. 64–68.
8. М а к у р о в В. Г. Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк. Изд. 2-е, доп. Петрозаводск: Карелия, 2013. 43 с.
9. М о р о з о в К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Карелия, 1983. 239 с.
10. М о р о з о в К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (историографический обзор) // Историография Советской Карелии. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1986. С. 127–147.
11. С и д о р о в а Л. А. Оттепель в исторической науке. Советская историография первого послесталинского десятилетия. М.: Памятники исторической мысли, 1997. 288 с.
12. Х ё с л е р И. Что значит «проработка прошлого»? Об историографии ВОВ в СССР и России // Память о войне 60 лет спустя: Россия – Германия. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 56–169.

Поступила в редакцию 04.10.2021; принята к публикации 17.01.2022

Original article

Madina R. Kayumova, Chief Archivist, National Archives of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-2360-8388; madina.kayumova@gmail.com

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE EXHIBITIONS OF THE STATE LOCAL HISTORY MUSEUM OF THE KARELIAN ASSR (KARELO-FINNISH SSR)

A b s t r a c t. The article investigates the characteristics of the museum representation of the Great Patriotic War through the example of permanent exhibitions of the State Local History Museum of the Karelian Autonomous Soviet

Socialist Republic (KASSR) during the 1940s and the early 1980s. The purpose of the research was to reveal the key factors that influenced the museum's representation policy. The relevance of the research lies in the author's approach to analyze historical exhibitions as a special type of visual historical narrative created within the authentic historiographical tradition and socio-political discourse sensitive to changes. The thematic structure, choice of exhibits, textual content, and composition of the exhibitions were recorded in thematic exhibition plans. The permanent exhibitions dedicated to the Great Patriotic War were shaped in the late 1940s and became the basis for all the subsequent war-themed exhibitions. The collection was constantly replenished with new exhibits but did not undergo any significant changes. Such visual aids and auxiliary means as information banners, explanatory texts, plates and labels, on the contrary, were newly created for every following exhibition, taking into account the prevailing tendencies in historiography and the country's social and political life. Therefore, perceptions of the war, its main heroes and events reflected in these texts transformed throughout the studied period. These transformations were connected not only and not so much with new knowledge, but with the social and political changes and the museum's desire to meet the current agenda.

Keywords: museum, exhibit, exhibition, thematic exhibition plan, Great Patriotic War, excursion

For citation: Kayumova, M. R. The Great Patriotic War in the exhibitions of the State Local History Museum of the Karelian ASSR (Karelo-Finnish SSR). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):98–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.738

REFERENCES

1. The Great Patriotic War in Karelia: monuments and memorials. Petrozavodsk, 2015. 334 p. (In Russ.)
2. V o l o k h o v a , V. V. The history of monument to soldiers, partisans and undergrounders of the Karelian Front: Petrozavodsk residents' struggle for their own memory about the War. *Proceeding of the II Research and Practice Conference for Young Scientists at Petrozavodsk State University "Russia and the World in the XXI Century"*. Petrozavodsk, 2009. P. 3–11. (In Russ.)
3. G r i t s k e v i c h , V. P. Contemporary history of museum management (1918–2000). St. Petersburg, 2009. 152 p. (In Russ.)
4. Z h e r b i n , A. S. Main stages of studying the history of Soviet Karelia. *Historiography of Soviet Karelia*. Petrozavodsk, 1986. P. 5–17. (In Russ.)
5. I g n a t y e v a , V. N. Organization of museum management and museum development in the Russian Soviet Federative Socialist Republic during the post-war years. *Essays on the history of museum management in the USSR*. Issue 4. Moscow, 1968. P. 54–96. (In Russ.)
6. K u l i s h , V. M. Soviet historiography of the Great Patriotic War. *Soviet historiography* (Yu. N. Afanasyev, Ed.). Moscow, 1996. P. 274–315. (In Russ.)
7. L e v y k i n , K. G. The role of state museums in the expansion and enhancement of students' knowledge and development of their cognitive abilities. *Communist education of students by the means of museum: Collection of articles*. Moscow, 1983. P. 64–68. (In Russ.)
8. M a k u r o v , V. G. The Great Patriotic War in Karelia: A historiographical essay. Petrozavodsk, 2013. 43 p. (In Russ.)
9. M o r o z o v , K. A. Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945). Petrozavodsk, 1983. 239 p.
10. M o r o z o v , K. A. Karelia during the Great Patriotic War (historiographical review). *Historiography of Soviet Karelia*. Petrozavodsk, 1986. P. 127–147. (In Russ.)
11. S i d o r o v a , L. A. The Thaw in historical science. Soviet historiography of the first post-Stalin decade. Moscow, 1997. 288 p. (In Russ.)
12. H ö s l e r , J. What does it mean to "work the past through"? The historiography of the Great Patriotic War in the USSR and Russia. *Memory of the War 60 years later: Russia – Germany*. Moscow, 2005. P. 56–169. (In Russ.)

Received: 4 October, 2021; accepted: 17 January, 2022

АРТУР АЛЕКСЕЕВИЧ КЫРЖИНАКОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Института истории и права

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

(Абакан, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4022-1863; Kyrzhinakov@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ТАМГ – ЗНАКОВ СОБСТВЕННОСТИ ХАКАСОВ

Аннотация. Целью статьи является установление типологии тамг – знаков собственности хакасов XIX – начала XX века. Ранее тамги не становились предметом исследования, что определяет новизну работы. Источниками служат полевые материалы автора, а также лингвистические, музейные, опубликованные данные. Использован комплексный подход, типологический, сравнительно-исторический и описательный методы исследования. В результате тамги распределяются на три типа: традиционные, перенятые (зимствованные), именные (фамильные). У традиционных тамг выделены подтипы по форме: геометрические, зооморфные, антропоморфные, орнитоморфные, тотемные и предметные. Именные (фамильные) представляли собой начальные буквы русской кириллицы имен и фамилий собственника. Перенятые (зимствованные) тамги, взятые с каменных изваяний, стел и скал, не имели широкого распространения. В начале XX века именные (фамильные) тамги постепенно вытеснили традиционные и стали преобладающими.

Ключевые слова: тамга – знак собственности, хакасы, типология тамг, тамгопользование, юридический знак

Для цитирования: Кыржинаков А. А. Типология тамг – знаков собственности хакасов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 105–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.739

ВВЕДЕНИЕ

На территории Хакасско-Минусинского края тамгопользование имеет давнюю традицию, уходящую своими корнями в глубокую древность. Тамгообразные знаки датируются VIII–III вв. до н. э. и относятся к тагарской археологической культуре Хакасии. Термин *тамга* имеет древнетюркскую основу: *там* – ‘зажигать, выжигать’, производными от которой становятся значения данного слова ‘клеймо’, ‘печать’. К этому тюркизму восходит и русская лексема *таможня*, которая также связана со словом *тамга* и обозначает ‘печать’, ‘отпечаток’¹. К тому же тамга имеет семантику как знак собственности рода [13: 330].

Термин *тамга*, называемый по-хакасски *тамма* и использовавшийся как юридический знак собственности, характеризует различные аспекты традиционной культуры хакасов. Тамга служила для определения родовой, семейной, личной принадлежности территории, предметов быта, скота. В XIX – начале XX века данные знаки у хакасов уже в большей степени использовались с целью определения принадлежности территории и скота.

Первые отрывочные сведения о тамгах на территории Хакасии встречаем в работе русского посла Н. Спафария. Он писал о рисунках и символических изображениях на каменной стеле долины Енисея: «На том утесе есть вырезано на камне неведомо какое письмо, и меж письмом есть и кресты вырезаны (кресты тамги. – К. А.)...» [12: 70].

В XVIII веке краткие описания тамгообразных знаков Хакасско-Минусинского края имеются в сочинении ученого-путешественника Д. Г. Мессершмидта. Он открыл два наскальных изображения – «Городовая стена» и «Писаный камень», среди них были знаки [9: 43].

В XIX веке сведения о тамгопользовании хакасов встречаются в работе Е. К. Яковлева. Им впервые было дано этнографическое описание коллекций по традиционной культуре и быту хакасского этноса Минусинского краеведческого музея. К сожалению, исследователь ограничился только кратким описанием хакасских тамг: «Танма – железка для выжигания тавр у скота»².

В XX веке тамги хакасов нашли отражение в работе С. А. Токарева. В его исследовании имеются описания и рисунки знаков собственности [8: 404]. В это же время была опубликова-

на монография Ю. Б. Симченко «Тамги народов Сибири», где описываются рисунки пяти хакасских тамг, даются сведения об их использовании вместо подписи в официальных документах [11: 149–151]. Во второй половине XX века вышла в свет коллективная монография Л. Р. Кызласова, Н. В. Леонтьева «Народные рисунки хакасов». Авторы вводят в научный оборот описание, рисунки тамгообразных знаков на Малоарбатской писанице, горе Папальчиха, Комарковской писанице, Малом писанце, Оглахты [5: 13–31]. Необходимо отметить серию работ хакасского этнографа, профессора В. Я. Бутанаева. Он описал тамги, рассмотрел вопрос их генезиса, традиции тамгопользования хакасов, привел таблицу с изображениями знаков [1], [2], [3: 195], [4].

В начале XXI века была издана коллективная монография, посвященная истории Хакасии, традиционной культуре и быту хакасов. В ней имеются сведения о тамгопользовании в XVIII–XIX веках [7: 276–279]. В научном труде «Тюркские народы Сибири», в разделе «Хакасы», рассматривается использование тамги в охотничьем промысле [10: 556]. В это же время была опубликована статья А. А. Кыржинакова, посвященная тамгам и вопросу исчисления на их основе половозрастных наименований домашних животных. В исследовании дано этнографическое описание традиционного способа нанесения тамги на домашний скот [6: 74–79].

Историографический анализ показывает, что тамгообразные знаки хакасов рассматривались исследователями на фоне общей тематики, вопрос их типологии не являлся предметом специального анализа. Наше исследование призвано восполнить этот пробел в этнографической науке.

На основе опубликованного историко-этнографического материала³, полевого материала автора⁴ в XIX – начале XX века в тамгопользовании хакасов можно условно выделить три типа тамг: традиционные, перенятые (заимствованные) и именные (фамильные).

ТРАДИЦИОННЫЕ ТАМГИ

К традиционным тамгам относятся геометрические изображения (крест, круг, треугольник, квадрат, прямая линия с дополнительными элементами), предметные (орудия, предметы быта), зооморфные, орнитоморфные, антропоморфные и тотемные (см. таблицу).

Среди геометрических наиболее распространены были тамги в форме креста с различными вариантами: классический крест, полукрест, крест с загнутыми под прямым углом концами

по часовой стрелке и против нее, с добавлением верхней части завитка, с добавлением круга. Следует отметить, что крест с загнутыми концами по форме напоминает свастику – символ фашистской идеологии. Поэтому эта тамга негативно воспринимается в современной хакасской культуре. Тамга – круг *тертпек* имеет вариант: полукруг *чарымдык тертпек*. Знак собственности в виде треугольника не был выявлен, но известны соединенный треугольник, а также треугольник в нижней части с прямыми и загнутыми линиями. Тамги, изображающие квадрат, имеют два варианта: квадрат посередине с крестом и квадрат на углах с кругами. Тамги в форме прямой линии имели следующие разновидности: две линии, три линии, прямые линии с добавлением элемента.

К числу традиционных также следует отнести зооморфные знаки с изображениями рога барана, коня, головы крупного рогатого скота. Рог барана *хосхар* имеет два варианта. Один из них представлен в этнографическом фонде Хакасского национального краеведческого музея имени Л. Р. Кызласова (рис. 1). Он состоит из железной основы с деревянной ручкой круглого сечения (общая длина – 34 см, длина ручки – 18 см, диаметр ручки – 4,5 см. Эта тамга принадлежала роду сарыглар (фамилии Саражаков) аал Казан⁵.

Рис. 1. Тамга *хосхар* (рог барана). Фото автора

Figure 1. Tamga *khoskhar* (ram's horn).
Photo credit: Artur A. Kyrzhinakov

Тамга в форме коня насчитывает 11 вариантов. Тамга с изображением головы крупного рогатого скота – один вариант.

Среди традиционных типов тамг имеются также антропоморфные. Эти знаки представлены в восьми вариантах: человек изображен прямыми линиями, человек изображен плавными линиями с округлой головой и др. К этому же типу относятся тамги предметные. Они представляют собой изображения в виде лука со стрелой, копья, пса, подковы, ножницы, рыболовного крючка, тагана, остроги, колеса, дверной ручки. Традиционные тамги также имеют форму птицы и называются по-хакасски *хус танма*. Всего их четыре.

Хакасские тамги могли быть также тотемными. В качестве тотема использовались изображения орла, лягушки и змеи.

Среди традиционных знаков собственности была выявлена одна тамга в форме звезды, называемая по-хакасски *чылтыс танма*.

ПЕРЕНЯТЫЕ (ЗАИМСТВОВАННЫЕ) ТАМГИ

Ко второму типу знаков собственности относятся тамги перенятые (заимствованные). Они были копиями наскальных знаков с каменных изваяний, скал и стел (см. таблицу). Относительно генезиса этих тамг пишет В. Я. Бутанаев:

«Чистановы, Тектерековы и Анчикековы, жившие на р. Немир в аале Хуюлыг-озен, взяли для себя тамгу, изображенную на близстоящем кургане “танмалыг козе”. Эти фамилии принадлежали к разным сеокам, но стали применять для себя единую аальную тамгу. Марткачаковы, обитавшие в долине р. Есь, стали пользоваться тамгой, взятой с курганного камня. Тодыковы таврили лошадей тамгой, идентичной со знаком, нарисованным охрой на скале “Тапсаачы хая”» [4: 100].

ИМЕННЫЕ (ФАМИЛЬНЫЕ) ТАМГИ

К третьему типу относятся именные (фамильные) тамги. Как правило, эти знаки собственности обозначали имя и фамилию собственника скота (см. таблицу). Например, нами была выявлена именная тамга XIX века, принадлежавшая Илке Кайнакову родом Хызыл Хая аал Картоев

(рис. 2). Она состоит из двух заглавных букв – ИК⁶.

Происхождение этого типа тамг связано с внедрением царской администрацией фамилий среди коренного населения Хакасско-Минусинского края начиная с XVIII века. По материалам В. Я. Бутанаева, именные тамги в начале XX века практически полностью вытеснили традиционные фигурные [1].

Рис. 2. Тамга именная. XIX век. Фото автора

Figure 2. Personal tamga. XIX century.

Photo credit: Artur A. Kyrzhinakov

Тамги хакасов XIX – начала XX века⁷ Khakas tamgas of the XIX and the XX centuries

I. Традиционные тамги

Геометрические:

1. Крест *крес танма* с его разновидностями –
2. Крест с загнутыми концами –
3. Круг *тертпек* –
4. Тамги в форме треугольника с дополнительными элементами –
5. Тамги в форме квадрата –
6. Тамги в форме прямой линии –

Антропоморфные:

1. Тамги в форме фигуры человека *кізі танма*, восемь вариантов –
- 2.
- 3.

Зооморфные:

1. Рог барана *хосхар*, два варианта –
2. Конь *ат танма*, 11 вариантов –
3. Голова крупного рогатого скота *мал пазы* –

Орнитоморфные:

1. Тамга в форме утки –

2. Тамги в форме птичьей ноги *хус азах танма*, четыре варианта –

Предметные:

1. Лук со стрелой –

2. Псалтия –

3. Окно –

4. Дверная ручка –

5. Ключ –

6. Кнут –

7. Грабли –

8. Ножницы –

9. Острога –

10. Коромысло –

11. Рыболовные крючки –

12. Таган –

13. Бубен –

14. Ухват –

15. Подкова –

16. Стремена –

17. Пряжка –

Тотемные:

1. Тамга в форме лягушки –

2. Тамга в форме птицы –

3. Тамга в форме змеи –

Тамга в форме звезды –

II. Перенятые (заимствованные)

1. Тамга с каменного изваяния –

2. Тамга с каменной стелы –

3. Тамга с рисунка на шаманской скале *Тапсаачы хайа* –

III. Именные (фамильные)

1. Тамга именная в форме букв – ИК (Илке Кайнаков)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиция тамгопользования на территории Хакасии уходит своими корнями в эпоху раннегоЖелезного века (VIII–III вв. до н. э.). В XIX – начале XX века в традиционной культуре хакасов тамги служили юридическим знаком собственности родов, аалов (традиционное

поселение), административно-территориальных единиц, фамилий и играли важную роль в их жизнедеятельности. В классификации тамг можно выделить три типа: традиционные, перенятые (заимствованные), именные (фамильные). Наиболее разнообразными по форме являются традиционные знаки,

которые подразделяются на геометрические, зооморфные, антропоморфные, орнитоморфные, тотемные и предметные. Перенятые (заимствованные) знаки были немногочисленными. В начале XX века традиционные

тамги постепенно перестали практиковаться среди хакасов, вместо них стали использовать именные (фамильные), состоящие из начальных букв русского алфавита имени и фамилии собственника.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Древнетюркский словарь / [ред. В. М. Наделяев и др.]; АН СССР. Ин-т языкоznания. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
- ² Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела Музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 357 с.
- ³ Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского географического общества членом сотрудником А. В. Адриановым. СПб., 1886. 423 с.; Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии // Ученые записки Казанского университета. 1897. Т. 64, кн. III.; Корнилов И. П. Воспоминания о Восточной Сибири // Магазин землеведения и путешествий. 1854. Т. 3. С. 605–658. (В середине XIX века И. П. Корнилов посетил Хакасско-Минусинский край Южной Сибири. В своем сочинении он отметил изображения на курганных плитах, писаницы Малые Арбаты, Сулекскую. Во второй половине XIX века сведения о Малоарбатской писанице оставил археолог А. В. Адрианов. В конце XIX века первый хакасский ученый-турколог Н. Ф. Катанов исследовал традиционную культуру Хакасии и отметил следы русского влияния на формы тамги.)
- ⁴ Полевые материалы автора. Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Аскизского р-на Республики Хакасия в 2021 году.
- ⁵ Тамга традиционная. Хакасский национальный краеведческий музей (ХНКМ). КП-4225.
- ⁶ Полевые материалы автора. Тамга XIX века, принадлежала Илке Кайнакову родом Хызыл Хая аал Картоев (находится в хозяйстве Н. Е. Кайнакова, 1962 г. р., аал Картоев Аскизского р-на Республики Хакасия).
- ⁷ Таблица составлена на основе опубликованных работ: Катанов Н. Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-литография Имп. Казан. ун-та, 1897. 104 с.; Бутанаева В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 279 с.; а также Полевого материала автора: Экспедиционные исследования хакасских сельских поселений Аскизского р-на Республики Хакасия в 2021 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Хоорай сооктері паза пічікке кірчен обекелері. Абакан: Хакасия, 1994. 96 с.
2. Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов: Пособие для учителей. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 1996. 224 с.
3. Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 1999. 240 с.
4. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2004. 279 с.
5. Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В. Народные рисунки хакасов / Ред. Л. С. Ефимова. М.: Наука, 1980. 176 с.
6. Кыржинаков А. А. Тамга и вопросы названия и исчисления возраста домашних животных у хакасов // Материалы межрегиональной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения А. Н. Липского. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. С. 74–79.
7. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / Гл. ред. В. Я. Бутанаев; Науч. ред. В. И. Молодин. Абакан: Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2008. 672 с.
8. Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. М.: Изд-во Московского университета, 1958. 616 с.
9. Тункина И. В., Савинов Д. Г. Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2017. 168 с.
10. Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Ин-та археологии и этнографии СО РАН. М.: Наука, 2006. 678 с.
11. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири XVII века / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1965. 227 с.
12. Срафарий Н. М. Сибирь и Китай. Кишинев / Сост. В. Соловьев и А. Кидель. Кишинев: Картия молдовеняскэ, 1960. 514 с.
13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Отв. ред. Э. Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.

Original article

Artur A. Kyrzhinakov, Cand. Sc. (History), Associate Professor, N. F. Katanov Khakas State University (Abakan, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4022-1863; Kyrzhinakov@mail.ru

TYPOLOGY OF TAMGAS – OWNERSHIP MARKS OF THE KHAKAS PEOPLE

A b s t r a c t. The article is aimed at creating a typology of tamgas – the ownership marks of the Khakas peoples in the XIX and the early XX centuries. The research novelty lies in the fact that tamgas have never been studied before. The author uses his own field materials, as well as linguistic, museum and published data, and applies an integrated approach, which includes the typological, comparative historical, and descriptive methods. As a result of the research, tamgas are classified into three main types: traditional, adopted (borrowed), and personal (family) ones. Traditional tangas are further subdivided according to their shape into geometric, zoomorphic, anthropomorphic, ornithomorphic, totem, and object ones. Personal (family) tangas were the Cyrillic initials of the owners' first and last names. Adopted (borrowed) tangas taken from stone monuments, steles and rocks were not widely spread. In the early XX century, personal (family) tangas eventually replaced the traditional ones and became a prevailing type.

Key words: tamga – ownership mark, Khakas people, typology of tamgas, tamgas use, legal mark

For citation: Kyrzhinakov, A. A. Typology of tamgas – ownership marks of the Khakas people. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):105–110. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.739

REFERENCES

1. Butanaev, V. Ya. The origin of Khakas families and family names. Hooray sookteri paza pichikke kirchen obekeleri. Abakan, 1994. 96 p. (In Russ.)
2. Butanaev, V. Ya. Traditional culture and life of the Khakas people: Teacher's book. Abakan, 1996. 224 p. (In Russ.)
3. Butanaev, V. Ya. Khakas-Russian historical and ethnographic dictionary. Abakan, 1999. 240 p. (In Russ.)
4. Butanaev, V. Ya. Khongorai's steppe laws. Abakan, 2004. 279 p. (In Russ.)
5. Kyzlasov, L. R., Leontiev, N. V. Folk drawings of the Khakas people (L. S. Efimova, Ed.). Moscow, 1980. 176 p. (In Russ.)
6. Kyrzhinakov, A. A. Tamga and questions of naming and calculating the age domestic animals of the Khakas people. *Proceedings of the Interregional Conference Commemorating the 120th Birth Anniversary of A. N. Lipsky*. Abakan, 2011. P. 74–79. (In Russ.)
7. Essays on the history of Khakassia (from ancient times to the present). (V. Ya. Butanaev, V. I. Molodin, Eds.). Abakan, 2008. 672 p. (In Russ.)
8. Tokarev, S. A. Ethnography of the peoples of the USSR. Historical foundations of life and culture. Moscow, 1958. 616 p. (In Russ.)
9. Tunkina I. V., Savinov, D. G. Daniel Gottlieb Messerschmidt: The origins of Siberian archaeology. St. Petersburg, 2017. 168 p. (In Russ.)
10. Turkic peoples of Siberia. (D. A. Funk, N. A. Tomilov, Eds.). Moscow, 2006. 678 p. (In Russ.)
11. Simchenko, Yu. B. Tamgas of the peoples of Siberia in the XVII century. Moscow, 1965. 227 p. (In Russ.)
12. Spafariy, N. M. Siberia and China. Chisinau. (V. Solovyov, A. Kidel, Eds.). Chisinau, 1960. 514 p. (In Russ.)
13. Comparative historical grammar of the Turkic languages. Lexis. (E. R. Tenishev, Ed.). Moscow, 2001. 822 p. (In Russ.)

Received: 3 February, 2022; accepted: 17 February, 2022

ТИМОФЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономических дисциплин

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0809-2400; timofey1967@mail.ru

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ ЛОСИК

доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Военного института (научно-исследовательского)

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-7085-6627; timofey1967@mail.ru

Рец. на кн.: Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского: история научно-исследовательской и конструкторской деятельности / редкол.: А. П. Алёшкин, С. Б. Варющенко, В. С. Гончаревский и др.; автор проекта и рук. авт. коллектива Ю. А. Никулин; А. Н. Щерба, Ю. А. Никулин, О. В. Гуторович и др. – СПб.: Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского, 2020. – 316 с.

Для цитирования: Алексеев Т. В., Лосик А. В. Рец. на кн.: Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского: история научно-исследовательской и конструкторской деятельности / редкол.: А. П. Алёшкин, С. Б. Варющенко, В. С. Гончаревский и др.; автор проекта и рук. авт. коллектива Ю. А. Никулин, А. Н. Щерба, Ю. А. Никулин, О. В. Гуторович и др. – СПб.: Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского, 2020. – 316 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 2. С. 111–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.740

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского – один из крупнейших политехнических вузов Министерства обороны России – ведет свою историю от Инженерной школы, созданной по указу Петра I в 1712 году. На протяжении более трехсот лет это учебное заведение вело и продолжает вести подготовку инженерных кадров для различных видов и родов войск российских (советских) Вооруженных сил. Однако академия и военно-учебные заведения, являвшиеся ее историческими предшественниками, известны не только как кузницы кадров, но и как средоточие военно-научной мысли своего времени. Как известно, военная наука всегда была стимулом технического прогресса. И с этой точки зрения изучение научно-исследовательского и конструкторского наследия сотрудников академии на всем протяжении ее исторического пути представляет несомненный интерес для выяснения их научного вклада в укрепление обороноспособности страны. Данной проблеме и посвящена работа, подготовленная и изданная коллективом ученых кафедры истории и философии Военно-космической академии под руководством Ю. А. Никулина в 2020 году. Ее структура включает предисловие, шесть глав, заключение и приложение.

Автор первой главы – известный военный историк А. Н. Щерба – осветил опытную, конструкторскую и научную деятельность препо-

давателей и выпускников дореволюционных военно-учебных заведений, таких как Артиллерийский и Инженерный шляхетский кадетский корпус (с 1762 года), Второй кадетский корпус (с 1800 года). В этих заведениях преподавали лучшие офицеры, которые регулярно привлекались к работам по улучшению образцов отечественной артиллерии, а также реализации различных инженерных проектов. Перед читателями проходит целая плеяда таких офицеров: авторы учебных пособий по артиллерийскому и инженерному делу капитаны И. Р. Картмазов и И. А. Вельяшев-Волынцев, поручик Я. П. Козелецкий, близайший помощник реформатора русской артиллерии П. И. Шувалова генерал-майор К. Б. Бородин, видные военные инженеры И. М. Кутузов, А. И. Ригельман, М. И. Мордвинов и др. Особого упоминания заслуживают выпускники кадетского корпуса, внесшие существенный вклад в создание образцов и организацию серийного производства отечественного ракетного вооружения в 1820–1860-е годы: А. И. Картмазов, А. Д. Засядко, П. А. Козен, В. М. Внуков, И. Ф. Костырко. Отмечено автором и развитие в стенах Второго кадетского корпуса военно-педагогической мысли, связанное прежде всего с деятельностью таких его выпускников, руководителей и сотрудников, как Г. Г. Данилович, М. И. Драгомиров, М. С. Лалаева, Н. П. Жерве. В целом А. Н. Щерба констатирует, что уже дореволюционные воен-

но-учебные заведения – исторические предшественники «Можайки» – не только занимались подготовкой специалистов для артиллерии и инженерных войск, но и принимали активное участие в научных и прикладных исследованиях.

Вторая и третья главы работы, написанные Ю. А. Никулиным, посвящены периоду истории Ленинградской военно-воздушной академии Красной Армии (ЛВВА КА), созданной буквально накануне Великой Отечественной войны, в марте 1941 года, на базе Ленинградского института инженеров Гражданского воздушного флота и получившей от него большую группу высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава. С первых дней функционирования новой академии она стала рассматриваться не только как учебное заведение, но и как научный центр. Об этом свидетельствовало открытие в ней уже в марте 1941 года адъюнктуры и начавшиеся на кафедрах научные исследования. С академией была связана деятельность целого ряда выдающихся представителей отечественной науки, таких как ученый-аэроголог с мировым именем профессор П. А. Молчанов, профессор Н. А. Рынин, один из создателей отечественной атомной бомбы будущий академик Г. Н. Флоров, будущий член-корреспондент АН СССР ученый-радиотехник В. И. Сифоров и др. Эвакуация ЛВВА КА в Йошкар-Олу в самом начале войны не только не остановила научной деятельности ее сотрудников и слушателей, но во многом способствовала ее активизации. Среди направлений этой деятельности автор выделяет: подготовку и защиту диссертационных исследований по авиационной и инженерно-строительной тематике, общее количество которых составило за 1942–1944 годы не менее 19; проведение научных исследований по результатам поездок на фронт и по заказам ведущих конструкторских организаций страны; подготовка и издание сборников трудов академии; организация и проведение двух научно-технических конференций. Приводятся и многочисленные примеры конкретных результатов научных исследований, проводившихся в ЛВВА КА в годы эвакуации и охватывавших широкий спектр научных задач – от улучшения боевых характеристик самолетов до проектирования новой техники. Всего же за годы войны в академии было выполнено 205 научно-исследовательских работ, в том числе 30 по заказам управления ВВС и оборононой промышленности.

После возвращения из эвакуации академия, которая с 1946 года стала именоваться Ленинградской Краснознаменной военно-воздушной инженерной академией (ЛКВВИА), в сложней-

ших условиях перехода от поршневой авиации к реактивной, а потом и к ракетной технике не могла оставаться в стороне от самых перспективных исследований в данных областях науки и техники. Важную роль в организации научно-исследовательской деятельности в этот период сыграл возглавивший академию генерал-лейтенант инженерно-технической службы П. В. Родимов и его заместители по научной и учебной работе В. И. Сифоров, Е. П. Торба и С. А. Дробов. Под их руководством учеными академии проводились изыскания по таким интересным и перспективным направлениям, как создание беспилотных летательных аппаратов, разработка конструкции самолета-амфибии, концепции дальнего бомбардировщика по схеме самолета-крыла, разработка контура управления крылатой ракетой на базе истребителя МиГ-19 и др. Подробным образом останавливается автор на научной деятельности коллективов отдельных кафедр, сосредоточенных на четырех факультетах – инженерном, аэродромного строительства, электроспецоборудования и радиотехническом. Итогом этой деятельности за 1946–1960 годы стала подготовка 28 докторов и 413 кандидатов наук, что, по мнению Ю. А. Никулина, позволяет утверждать: «К 1960 году академия представляла собой один из важных центров военно-научной деятельности в Вооруженных Силах СССР».

Новый этап в истории академии был связан с ее переходом в апреле 1960 года из состава Военно-воздушных сил в РВСН с переименованием в Ленинградскую военную инженерную Краснознаменную академию (ЛВИКА) имени А. Ф. Можайского. Этому этапу посвящена четвертая глава монографии, подготовленная О. В. Гуторович и А. А. Лопатиным. Авторы отметили, что в 1960–1970-е годы научные исследования были подчинены интересам новейшей отрасли науки и техники – космонавтики и осуществлялись в таких направлениях, как конструкция летательных аппаратов, преодолевающих силу притяжения, и ракетных двигателей; разработка систем управления ракетно-космических комплексов; разработка радиоэлектронных систем космических комплексов, радионавигации и радиолокации; создание наземной космической инфраструктуры и др.

Авторы показали, какие научные исследования и разработки велись по каждому из указанных направлений, кто руководил этими работами или принимал в них активное участие. Перед читателями проходит целая плеяда ученых академии, которые оставили заметный след в различных областях науки и техники: Л. Т. Тучков, А. Д. Донов, Е. П. Попов, Р. М. Юсупов,

А. И. Холопов, В. Н. Калинин, В. С. Гончаревский, В. Е. Дулевич, Б. Д. Панин, Н. И. Буренин, Ф. М. Килин, А. Я. Маслов и др. Не случайно авторы полагают, что «в 1960–1970-е годы в академии велись передовые научные исследования не только союзного, но и мирового значения», а ученые академии «внесли значительный вклад в становление и развитие РВСН и частей космического назначения».

Пятая глава, написанная В. В. Коноревым и В. В. Поповой, посвящена очередному этапу в насыщенной истории академии, связанному с окончательным оформлением ее облика как ведущего центра подготовки специалистов и проведения научных исследований в сфере военно-космической деятельности. Начало этому этапу было положено в 1982 году, когда Военный инженерный Краснознаменный институт (ВИКИ) имени А. Ф. Можайского был передан из состава РВСН в Главное управление космических средств. Авторы убедительно показывают, что с тех пор, неоднократно меняя свое название и подчиненность, академия неизменно оставалась средоточием военно-научной и военно-технической мысли, нацеленной на самые перспективные направления научной деятельности. Среди этих направлений можно выделить: развитие оперативного искусства и тактики Космических войск (С. П. Николаев, В. Н. Кузьмин, В. Г. Кавкаев), конструкции ракет-носителей и космических аппаратов (Н. С. Самойлов, Ю. Н. Чилин, Б. К. Гранкин, С. А. Васьков), системы управления и вычислительная техника (Л. А. Майборода, В. И. Миронов, Л. Ф. Порфириев, В. В. Смирнов, В. А. Кныш) и др.

Своего рода квинтэссенцией научной деятельности является формирование и функционирование научных школ, чему и посвящена шестая глава книги, подготовленная Н. В. Шабельник. По ее

подсчетам, с 1941 года в академии складывались и плодотворно работали более 40 научных школ, которые в соответствии с потребностями Вооруженных сил периодически меняли свою научную направленность. Автор приводит краткие сведения об этих школах, их основателях и крупнейших достижениях. Подчеркивает, что за период с 1941 года до начала XXI века было подготовлено около 300 докторов и свыше 1300 кандидатов наук, которые внесли весомый вклад в укрепление Вооруженных сил и освоение космоса. Впрочем, ВКА имени А. Ф. Можайского и сегодня имеет в своем активе 14 действующих научных школ.

Не менее впечатляющим выглядит и приведенный в заключении работы сегодняшний научно-педагогический потенциал Военно-космической академии, основу которого составляют 135 докторов и 824 кандидата наук, 102 профессора, 420 доцентов и 15 заслуженных деятелей науки РФ.

Логическим дополнением к работе служит подготовленное В. Ю. Белянкиной приложение в виде перечня 75 ученых академии, удостоенных звания заслуженного деятеля науки и техники РСФСР и заслуженного деятеля науки РФ.

Рецензенты отмечают, что сильными сторонами анализируемой работы является использование авторами многочисленных архивных документов, исторического формуляра академии, документов ученого совета академии, докторационных советов, научно-исследовательского отдела, факультетов и кафедр. Книга прекрасно исполнена в полиграфическом плане, снабжена многочисленными фотографиями и солидным научным аппаратом. Она, несомненно, будет интересна всем, кто занимается исследованиями в области истории науки и техники, и полезна молодому поколению курсантов и слушателей.

Поступила в редакцию 20.12.2020; принята к публикации 17.01.2022

Review

Timofey V. Alekseev, Dr. Sc. (History), Associate Professor, A. F. Mozhaysky Military Space Academy (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-0809-2400; timofey1967@mail.ru

Alexander V. Losik, Dr. Sc. (History), Professor, A. F. Mozhaysky Military Space Academy (St. Petersburg, Russian Federation)

ORCID 0000-0002-7085-6627; timofey1967@mail.ru

The book review: A. F. Mozhaysky Military Space Academy: history of research, development and engineering activities. St. Petersburg, 2020. 316 p.

For citation: Alekseev, T. V., Losik, A. V. The book review: A. F. Mozhaysky Military Space Academy: history of research, development and engineering activities. St. Petersburg, 2020. 316 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(2):111–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.740

Received: 20 December, 2020; accepted: 17 January, 2022

26 января 2022 года исполнилось 50 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры отечественной истории ПетрГУ Ивану Владимировичу Савицкому.

Celebrating the 50th birthday anniversary of Ivan V. Savitsky.

2 февраля 2022 года исполнилось 70 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры отечественной истории ПетрГУ Ирине Алексеевне Дороховой.

Celebrating the 70th birthday anniversary of Irina A. Dorokhova.

4 февраля 2022 года исполнилось 60 лет кандидату исторических наук, доценту кафедры отечественной истории ПетрГУ Александру Михайловичу Жульникову.

Celebrating the 60th birthday anniversary of Alexander M. Zhulnikov.

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ
К 50-летию со дня рождения

В 1994 году закончил исторический факультет ПетрГУ. Высокопрофессиональный исследователь, ученый и педагог кафедры отечественной истории. За более чем 20-летнюю работу в ПетрГУ проявил себя как творческий преподаватель и талантливый ученый. Сфера научных интересов: история российского дворянства и чиновничества в XVIII–XIX веках; историография новейшей истории России. Автор более 40 научных и научно-методических публикаций, апробирует результаты своих исследований в ходе специализированных научных и научно-практических конференций. Опытом научной деятельности Иван Владимирович щедро делится с молодым поколением исследователей, выступая куратором Студенческого научного общества ИИПСН ПетрГУ.

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ДОРОХОВА
К 70-летию со дня рождения

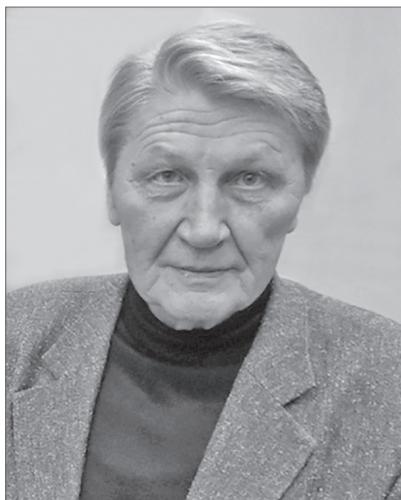
Закончила ПетрГУ в 1975 году. С 1979 года после окончания целевой аспирантуры ЛГУ и защиты кандидатской диссертации работает на историческом факультете ПетрГУ. За годы работы И. А. Дорохова разработала и успешно читает лекционные курсы по средневековой, новой и новейшей истории стран Азии и Африки, спецкурсы «Общественно-политическая деятельность М. К. Ганди», «Исламский фактор в мировой политике», «Из истории отечественного востоковедения». Ее научные интересы лежат в области общественно-политической истории Индии рубежа XIX–XX веков. По проблематике гандизма и истории стран Востока ею опубликовано более 50 печатных работ научного и учебно-методического характера. За свой многолетний добросовестный труд И. А. Дорохова награждена Почетной грамотой МО РФ, знаком «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» и др.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЖУЛЬНИКОВ
К 60-летию со дня рождения

Закончил в 1985 году исторический факультет ПетрГУ. Известный в Карелии и России археолог, ведет педагогическую, научную и просветительскую работу, читает курсы археологии и истории доисторического периода, организует и проводит археологические практики студентов. В 2018 году была открыта древнейшая на Севере Европы мастерская по производству орудий и украшений из меди на стоянке Оровнаволок. В 2019 году проведена рекогносцировочная экспедиция в район Беломорских петроглифов, в ходе которой была открыта новая группа петроглифов Золотец II. В этом же году в Кондопожском районе была открыта первая на территории Карелии писаница – древний рисунок, выполненный охрой. В 2021 году в Прионежском районе были открыты погребения с янтарными украшениями на стоянке Деревянное XI, а в Пряжинском районе – мезолитическое поселение Чална XII. Является ведущим экспертом-археологом РК, автором более 200 научных и научно-популярных работ, участником и организатором международных и всероссийских специализированных научных и научно-практических конференций.

Все юбиляры являются активными авторами и рецензентами нашего журнала. Поздравляем и желаем творческих успехов и новых научных достижений!

Член редколлегии журнала,
д. и. н., профессор, директор ИИПСН С. Г. Веригин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ КОЖАНОВ

(01.09.1949 – 29.05.2021)

Кандидат исторических наук, доцент

Дата рождения А. А. Кожанова, 1 сентября 1949 года, стала в какой-то мере символичной, соединяя позже два праздника: личный – день рождения и общественный – День знаний, приумножению которых он служил. В уютном Таллине с его красивым историческим центром, в котором прошло детство и о котором он иногда, но всегда с теплотой вспоминал, лежал исток элегантности Александра Алексеевича, которая с первого взгляда выделяла его среди коллег.

В 1968 году он успешно выдержал экзаменационные испытания и стал студентом историко-филологического факультета Петрозаводского университета. Студенческие годы были для А. А. Кожанова не только временем усердной и серьезной учебной работы, выбора направления будущей исследовательской деятельности, но и временем формирования характера. По окончании университета он был распределен в Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, откуда его направили на учебу в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Новая ступень обучения логично привела к защите в 1978 году кандидатской диссертации, отразившей новейшие по тому времени тенденции сближения этнографии и социологии. Вполне логичным продолжением этого исследования стала совместная с его руководителем еще в студенческих этнографических экспедициях Е. И. Клементьевым работа над проектом «Образ жизни сельского населения Карелии», результатом которой стали две монографии, не утратившие своего значения до настоящего времени. Изучением этнонациональной идентичности коренных народов региона он продолжал заниматься в последующие годы, опубликовав ряд сборников документов, предваряемых написанными им предисловиями.

В 1988 году А. А. Кожанов вернулся в университет, в стенах которого проработал чет-

верть века. В 1991 году его избрали заведующим кафедрой дореволюционной истории России. Критический взгляд на окружающую действительность, необходимый подлинному ученому-обществоведу, проявился в его деятельности по созданию библиотеки Историко-литературного клуба, собрание которой отразило бурные политические изменения этих лет в Карелии. Александр Алексеевич оказался открыт новым веяниям, что позволило успешно использовать грантовые возможности для налаживания творческих контактов с коллегами из Москвы, Петербурга, Казани и Омска. Лекции и конференции, проводившиеся с участием приглашенных из этих городов ведущих историков и архивоведов, не только запомнились студентам и участникам научных форумов, но стали заметным явлением в научной жизни университета.

Сложившийся благодаря его усилиям коллектив единомышленников стал основой для создания в 2004 году новой кафедры – архивоведения и вспомогательных исторических дисциплин. Александр Алексеевич был подлинным лидером этого коллектива. Строгий и по-хорошему педантичный в отношении к студентам, он был внимателен к их потребностям и запросам, всегда поддерживал талантливых студентов, оказывал помощь молодым, начинающим коллегам. Все мы, его бывшие студенты и коллеги, помним его внимательное отношение к окружающим его людям и ненавязчивую принципиальность, сочетающиеся с тонким остроумием и доброжелательным сарказмом. Эта память, сохранявшаяся после его ухода на пенсию, обострилась болью и горечью утраты после известия о его смерти, но, превозмогая их, она будет жить.

А. В. Антоценко,
профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ

**18 декабря 2021 года в г. Петрозаводске состоялась
Всероссийская научно-практическая конференция
«Междисциплинарные подходы в гуманитарных исследованиях».**

Всероссийская научно-практическая конференция была организована впервые и – что особенно приятно отметить – преимущественно силами студентов. Несмотря на это, прошедшее в очном формате научное мероприятие привлекло внимание исследователей различных наук и регионов, стало местом междисциплинарной научной коммуникации. Каждый звучавший на конференции доклад горячо обсуждался, известные ученые различных специальностей давали советы авторам по улучшению их докладов.

Конференция была организована Студенческим научным обществом ПетрГУ при поддержке Института истории, политических и социальных наук, а также управления научных исследований ПетрГУ.

В мероприятии приняли участие 27 человек из Москвы, СПбГУ и ПетрГУ, Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета. На открытии конференции прозвучали приветствия директора Института истории, политических и социальных наук, д. и. н., профессора С. Г. Веригина, специалиста отдела подготовки и аттестации НПР, куратора Студенческого научного общества ПетрГУ А. А. Малышко, а также студента третьего курса Института истории, политических и социальных наук, председателя СНО института Д. А. Попова.

На пленарном заседании были заслушаны четыре доклада. Так, в своем выступлении к. и. н., доцент ГАУГН (г. Москва) И. С. Редькова акцентировала внимание аудитории на методологических трудностях использования богословских текстов. Важный источник по социальной исто-

рии Средневековья, они требуют тщательной верификации и мастерства историка. К. и. н., доцент ПетрГУ (г. Петрозаводск) Н. В. Смирнова рассказала об отражении Октябрьской революции 1917 года в творчестве современного китайского художника Цай Гоцяна. В основной части конференции было заслушано 22 выступления. Доклады охватывали огромный спектр тем – от истории Древней Руси до философии, социологии и психологии. Среди наиболее запоминающихся и обсуждаемых выступлений можно отметить доклад А. М. Ильмаст (студентка третьего курса ИЛГиСН ПетрГУ) и Н. П. Дутникова (студент третьего курса ИМИТ ПетрГУ) об их опыте создания виртуальных квестов в школьном курсе географии с применением технологии PBR (Physically Based Rendering – физически корректная визуализация). Сотрудник Федерального института оценки качества образования К. Ю. Терентьев рассказал о критериях, механизме и своем опыте оценки проверочных работ школьников.

Методологическим проблемам исторической науки было посвящено выступление к. и. н., доцента ГАУГН И. В. Родина (г. Москва) «Общественное движение 1960-х гг. во Франции в зеркале гуманитарного знания: круг источников и методы исследования», отразившее в себе социальные предпосылки формирования постструктурализма. Выступление коллеги дополнил к. и. н., доцент ПетрГУ Е. В. Каменев, рассказав об идеях и методах постструктуралитского литературоведения в историографии.

*A. A. Малышко,
специалист отдела подготовки и аттестации НПР
управления научных исследований ПетрГУ
antonmalyshko@yandex.ru*

Anton A. Malyshko, Specialist, Faculty Training and Certification Department, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
antonmalyshko@yandex.ru

On December 18, 2021, Petrozavodsk hosted the all-Russian conference entitled “Interdisciplinary Approaches in Humanitarian Research”.

Научно-практическая конференция
**«МАТЕРИАЛЬНОЕ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ»**
(22–24 июня 2022 года, г. Петрозаводск)

Учредители и организаторы конференции

Министерство культуры РК, Институт истории, политических и социальных наук ПетрГУ, Национальный музей РК, Фонд имени Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург), Институт Петра Великого (Санкт-Петербург).

Цели проведения:

- реализация указа Президента РФ «О праздновании 350-летия со дня рождения Петра I» от 25 октября 2018 года;
- изучение и популяризация истории Петровской эпохи на основе современных подходов и представлений;
- разработка рекомендаций по охране, актуализации и использованию памятников истории и культуры Петровской эпохи;
- содействие развитию культурного туризма, исторической науки, музейного дела и краеведения на Европейском Севере РФ.

На конференции предлагается рассмотреть следующие темы:

- Петр I и люди Петровской эпохи на Русском Севере;
- Петровская эпоха в историографии и краеведении Русского Севера;
- памятники и памятные места Петровской эпохи на Русском Севере и перспективы развития культурного туризма;
- артефакты Петровской эпохи в музейных собраниях Русского Севера;
- Петровская эпоха в фольклоре и топонимике Русского Севера;
- Русский Север в Петровскую эпоху в художественной литературе, кино, живописи и музыке;
- традиционное деревянное судостроение на Русском Севере.

К участию в конференции приглашаются:

все заинтересованные лица и организации, занимающиеся изучением и популяризацией Петровской эпохи, – историки, краеведы, студенты, сотрудники учреждений культуры, представители туристических организаций и др.

Председатель оргкомитета конференции: Александр Михайлович Пашков,
д. и. н., профессор кафедры отечественной истории ПетрГУ. Тел.: 8-911-4012-38-38,
E-mail: pashkov@petrsu.ru

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Nilov V. M.</i>	THE ROLE OF KARELIAN PRESS IN SHAPING IDEOLOGICAL DISCOURSE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR	71
ARCHEOLOGY				
<i>Zhulnikov A. M.</i>		<i>Repukhova O. Yu.</i>	FORMATION OF THE MACRO LEVEL OF THE RSFSR/USSR WESTERN BORDER STRIP IN THE CONTEXT OF MOBILIZATION TRAINING....	80
TULGUBA ROCK PAINTING	8	<i>Bochkarev A. S.</i>	NON-COMMISSIONED OFFICERS' DESERTION AND DUALISM OF SOCIAL ROLE FUNCTIONS IN THE OLONETS "NEW ORDER" REGIMENTS	90
WORLD HISTORY				
<i>Gritsenko S. A.</i>		<i>Kayumova M. R.</i>	THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE EXHIBITIONS OF THE STATE LOCAL HISTORY MUSEUM OF THE KARELIAN ASSR (KARELO-FINNISH SSR).....	98
"FINLAND'S CAUSE IS OUR CAUSE": FINLAND IN SWEDISH PUBLIC OPINION DURING THE FIRST WORLD WAR.....	14			
<i>Nikitin D. S.</i>				
THE EMERGENCE OF THE INDIAN NATIONAL CONGRESS AND ANGLO-INDIAN COMMUNITY IN THE 1880s	19			
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODOLOGY OF HISTORICAL RESEARCH				
<i>Smirnova N. V.</i>				
NANXIU QIAN ON FEMALE REFORMERS IN CHINA IN THE LATE XIX CENTURY	24			
RUSSIAN HISTORY				
<i>Zverev V. O.</i>				
GERMAN SPYING AND COUNTER-ESPIONAGE IN THE GRAND DUCHY OF FINLAND (ACCORDING TO MILITARY COUNTERINTELLIGENCE DOCUMENTS).....	31			
<i>Kalinina E. A., Kieleväinen L. M.</i>				
FORMATION AND DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN KARELIA.....	39			
<i>Vorontsova I. V.</i>				
RUSSIAN PUBLIC OPINION ABOUT CHURCH AND STATE IN THE FIRST MONTHS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION	47			
<i>Zelenskaya Yu. N.</i>				
MODERNIZATION OF THE KIROV RAILWAY INFRASTRUCTURE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.....	56			
<i>Ivanov V. A.</i>				
"THE SECRET WAR IN THE CRIMEAN CAPITAL": ACTIVITIES OF THE UNDERGROUND PATRIOTIC ORGANIZATION OF PYOTR SMIRNOV IN OCCUPIED SIMFEROPOL	62			
ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY				
<i>Kyrzhinakov A. A.</i>				
TYPOLOGY OF TAMGAS – OWNERSHIP MARKS OF THE KHAKAS PEOPLE	105			
Reviews				
<i>Alekseev T. V., Losik A. V.</i>				
The book review: A. F. Mozhaysky Military Space Academy: history of research, development and engineering activities.....	111			
Anniversaries				
Celebrating the 50th birthday anniversary of Ivan V. Savitsky				
Celebrating the 70th birthday anniversary of Irina A. Dorokhova				
Celebrating the 60th birthday anniversary of Alexander M. Zhulnikov	114			
Memory				
<i>Antoshchenko A. V.</i>				
In memory of Alexander A. Kozhanov.....	115			
Scientific information				
<i>Malyshko A. A.</i>				
The all-Russian conference entitled "Interdisciplinary Approaches in Humanitarian Research".....	116			
Scientific information	117			

ВОЕННО-КОСМИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ ИМЕНИ А. Ф. МОЖАЙСКОГО: ИСТОРИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И КОНСТРУКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Издание основано на историческом исследовании и охватывает период с 1712 года, когда была образована Инженерная школа – исторический предшественник Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского, до начала XXI века. В книге рассмотрены особенности военно-политической обстановки в различные исторические периоды; проанализирован вклад ученых академии, ее исторических предшественников и научных школ в разработку и создание высокоэффективных образцов военной техники, стоявших на вооружении армии в разное время.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей отечественной науки и техники.

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского: история научно-исследовательской и конструкторской деятельности / редкол.: А. П. Алёшкин, С. Б. Варющенко, В. С. Гончаревский и др.; автор проекта и рук. авт. коллектива Ю. А. Никулин; А. Н. Щерба, Ю. А. Никулин, О. В. Гуторович и др. – СПб.: Военно-космическая академия им. А. Ф. Можайского, 2020. – 316 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

E. A. Каменев **ИМЕНА НА КАРТЕ**

Книга известного геолога Е. А. Каменева повествует об истории геологического поиска, открытий и освоения апатитовых месторождений на Кольском полуострове в XIX–XX веках. Автор обращается к биографиям исследователей и путешественников, геологов, оставивших имя в истории изучения Хибин. Книга является ярким примером научно-краеведческого исследования, в котором аккумулированы результаты деятельности геологов-предшественников, направленные на формирование не только промышленного и социально-производственного профиля Хибин, но и историко-культурного ландшафта региона.

Для широкого круга читателей.

Каменев Е. А. Имена на карте / Е. А. Каменев ; О. В. Змеева, науч. ред., comment., вступ. статья ; Е. Е. Каменева, биогр. справка, послесловие ; Кольский научный центр РАН. – М. : Наука, 2020. – 207 с.

ДАВИД ГЕНДЕЛЕВ **Жизнь и книги**

Книга рассказывает о жизненном пути почетного гражданина Петрозаводска, историка, издателя, архивиста Давида Захаровича Генделя (1920–2016) и посвящена 100-летию со дня его рождения.

Д. З. Гендель прожил долгую интересную жизнь. Летом 1941 года он закончил третий курс исторического факультета Ленинградского университета, а вскоре был в рядах народного ополчения ленинградцев. Позже, в 1944 году, командовал пулеметным взводом на Карельском перешейке. Дважды был ранен. В послевоенные годы он возглавлял Государственный архив Карельской АССР, четверть века был главным редактором издательства «Карелия», затем работал специалистом Национального архива РК.

Книга адресована широкому кругу читателей, которые интересуются краеведением, историей Карелии и Петрозаводска разных времен.

Давид Гендель. Жизнь и книги / составители: Ю. В. Шлейкин, Ю. Д. Генделя. – Петрозаводск : Острова, 2020. – 288 с.

Роберт Дарнтон

ВЕЛИКОЕ КОШАЧЬЕ ПОБОИЩЕ И ДРУГИЕ ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Один из виднейших американских историков, профессор Принстонского университета, Роберт Дарnton пишет о культуре крестьян, ремесленников, буржуа, чиновничества, культуре энциклопедистов и романиков. Какое бы конкретное событие XVIII века он ни рассматривал, будь то истребление кошек парижскими печатниками или сбор материалов на писателей инспектором полиции, Дарnton вскрывает его подоплеку и знакомит читателей не только с бытовыми подробностями, но и с психологией своих героев. Ни в чем не отступая от фактов и исторической правды, он пишет настолько увлекательно, что научный труд превращается едва ли не в художественное произведение, полное чисто французского изящества.

Дарnton, Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры / Роберт Дарnton; перевод с английского Т. Доброницкой (Введение, гл. 1–4), С. Кулланды (гл. 5–6, Заключение). 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 384 с.